

КАЗАНСКИЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№5 2018

Казань - 2018

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №5 2018г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – 114.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС77-59615.

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Казанский Издательский Дом, 2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Р.Р. Хуснулина</i> ПРОЕКТ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО ЛИТЕРАТУРЕ. О ЧЕМ СПОР?	7
10.01.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
<i>Р.З. Дарзаманова</i> БИОГРАФИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПУБЛИЦИСТА ХУГО ЛЁЧЕРА В ДЕТАЛЯХ ТВОРЧЕСТВА	10
<i>Р.В. Даутова</i> К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАССР С ТЕЛЕВИДЕНИЕМ: (1960-1970-е гг.)	13
10.02.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
<i>Л.С. Абдурахманова, Т.Б. Баранникова</i> О ЧАСТЕРЕЧНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	16
<i>Т.В. Алейникова, Н.В. Горохова, И.Н. Кубышко</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	19
<i>Д.Л. Амитирова-Тургенева</i> ОДНОЯЗЫЧНЫЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	22
<i>Л.И. Антропова, Л.С. Полякова, Ю.В. Южакова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	25
<i>Б.Б. Базарова</i> SKETCH ENGINE В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	28
<i>Л.В. Базарова, Г.И. Салыхова, М.А. Яхин</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛЬМОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	31
<i>А.М. Бальян</i> ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АЛИСЫ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. КЭРРОЛЛА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» И «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ» С УЧЕТОМ ЕЕ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ	35
<i>Н.И. Белунова, А.Б. Черняева</i> СВОБОДНОЕ ОПЕРИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ТЕКСТАМИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)	38
<i>Е.Н. Ветошкина, С.Г. Вишленкова</i> РЕЧЕВОЙ АКТ «ПРОЩАНИЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	42
<i>Л.С. Гаибова, Ф.Х. Тарасова</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ)	45
<i>Д.А. Гезалова, С.И. Гусева, Ю.П. Иванашко, В.В. Сысоенко</i> СЛОГОВОЙ КОНТРАСТ ПО ДЛИТЕЛЬНОСТИ В РЕПРОДУЦИРОВАННОЙ РЕЧИ	48
<i>Т.В. Горбунова, А.В. Семкова</i> РОЛЬ ПРОТОТИПИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ЭМОЦИЙ	51
<i>Ю.А. Горностаева</i> ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ МАРКЕР МАНИПУЛЯЦИИ: ОПЫТ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ	54
<i>А.Е. Жижина</i> ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА Д. ТРАМПА И В.В. ЖИРИНОВСКОГО)	57
<i>А.Ф. Ибраева</i> ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. КОЛЛИНЗ «ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»)	60
<i>Н.А. Кирпичникова, Я.В. Попова</i> СПЕЦИФИКА ЧЕРНОГО ЮМОРА В АСПЕКТЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО И НЕМЕЦКОГО СЕНДАПА)	63

<i>А.В. Колмогорова, М.К. Мжельских</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ НОРМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	67
<i>Т.Ю. Кудрявцева</i> ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ В ПОЗИЦИИ ЗАГОЛОВКА: ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ	70
<i>Е.В. Куликова</i> ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РОМАНА В СТИХАХ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА	73
<i>Л.А. Лазутова, Е.А. Левина</i> ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА	76
<i>И.В. Матвеева, С.Н. Саможенов</i> СМЕЩЕНИЕ ЛИЦ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	79
<i>А.А. Миникеева, А.Г. Садыкова</i> ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (НА АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ Х. КЛИНТОН И Д. ТРАМПА)	82
<i>Г.Н. Мухамедьянова, Э.Н. Абуталипова</i> СЛОВО КАК ПРИЕМ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В СРЕДСТАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	85
<i>П.Ю. Петрусевич</i> АНАЛИЗ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ОСНОВА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	88
<i>Мехти Рагимов</i> РОЛЬ ИНТЕРКУЛЬТУРЫ И ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА	93
<i>А.Г. Садыкова, Д.М. Сиразетдинова</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ	96
<i>О.В. Шемишуренко</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА ŞENİR (ГОРОД) В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СТИЛЕ ОРХАНА ПАМУКА	100
<i>Н.А. Янькова</i> КОНЦЕПТ STRANGER В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ВОЗРАСТНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ	103
АННОТАЦИИ	106

THE RELEASE MAINTENANCE

R.R. Khusnullina THE PROJECT OF A NEW EDUCATIONAL STANDARD IN LITERATURE. WHAT IS THE DISPUTE ABOUT?	7
--	---

10.01.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LITERARY CRITICISM

R.Z. Darzamanova BIOGRAPHY OF THE SWISS WRITER AND THE PUBLICIST OF HUGO LETCHER IN THE DETAIL OF CREATIVITY	10
R.V. Dautova TO THE QUESTION OF COOPERATION OF THE UNION OF WRITERS OF TASSR WITH TELEVISION: (1960-1970s)	13

10.02.00 - PHILOLOGICAL SCIENCES –LINGUISTICS

L.S. Abdurakhmanova, T.B. Barannikova PART-OF-SPEECH DISTRIBUTION OF PHRASEOLOGICAL SYNONYMS IN RUSSIAN AND ENGLISH	16
T.V. Aleynikova, N.V. Gorokhova, I.N. Kubishko HISTORICAL MODELING OF SPECIAL TERMINOLOGY	19
D.L. Amitirova-Turgeneva MONOLINGUAL LEARNER’S DICTIONARY AS A SOURCE FOR RESEARCHES INTO REGIONAL VARIATION OF THE ENGLISH LANGUAGE	22
L.I. Antropova, L.S. Polyakova, Yu. Yuzhakova THE PECULIARITIES OF ENGLISH MEDIA TEXTS TRANSLATION INTO RUSSIAN	25
B.B. Bazarova SKETCH ENGINE IN LANGUAGE RESEARCH	28
L.V. Bazarova, G.I. Salyakhova, M.A. Yakhin THE SEMANTIC FEATURES OF FILM TITLES IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES	31
A.M. Balyan THE TYPE OF LINGUISTIC PERSONALITY OF ALICE FROM “ALICE’S ADVENTURES IN WONDERLAND” AND “THROUGH THE LOOKING GLASS” BY LEWIS CARROLL	35
N.I. Belunova, A.B. Chernyaeva CONFIDENT OPERATION OF PRECEDENT TEXTS AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF BEARERS OF THE ELITIST SPEECH CULTURE (BASED ON THE LETTERS OF THE CREATIVE INTELLIGENTSIA OF THE LATE XIX-FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY)	38
E.N. Vetoshkina, S.G. Vishlenkova SPEECH ACT "GOODBYE" IN GERMAN LANGUAGE	42
L.S. Gaibova, F. Kh. Tarasova FEATURES LANGUAGE GAMES (BASED ON THE STORIES O. HENRY)	45
D.A. Gezalova, S.I. Guseva, Yu.P. Ivanashko, V.V. Sysoenko SYLLABLE CONTRAST IN DURATION IN REPRODUCED SPEECH	48
T.V. Gorbunova, A.V. Semkova THE ROLE OF PROTOTYPICAL SITUATIONS OF EMOTIONS EXPRESSION IN EMOTIONS SEMANTICS VERBALIZATION	51
Y.A. Gornostaeva MILITARY TERMINOLOGY AS A VERBAL MARKER OF MANIPULATION: AUTOMATIC TEXT ANALYSIS	54
A.E. Zhizhina LANGUAGE PERSONALITY OF A POLITICIAN (BASED ON THE PRE-ELECTORAL DISCOURSE OF D. TRUMP AND V.V. ZHIRINOVSKIY)	57
A.F. Ibraeva THE LINGUISTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE AUTHOR’S IDIOSTYLE (BASED ON THE NOVEL ‘HUNGER GAMES’ BY S. COLLINS)	60
N.A. Kirpichnikova, Y.V. Popova SPECIFICITY OF THE DARK HUMOUR IN THE TABOO BREAKING PROCESS (BASED ON AMERICAN AND GERMAN STAND-UP PERFORMANCES)	63
A.V. Kolmogorova, M.K. Mzhelskikh REPRESENTATION OF THE COGNITIVE-SEMANTIC CATEGORY OF NORM IN THE LANGUAGE WORLD-MAP	67

<i>T.Yu. Kudryavtseva</i> ADVERBAL PARTICIPLE STRUCTURE AS THE TITLE: PRINCIPLES OF STRUCTURAL CLASSIFICATION	70
<i>E.V. Kulikova</i> A CASE OF COMPARATIVE STUDY OF TRANSLATIONS INTO ENGLISH OF THE NOVEL IN VERSE «EUGENE ONEGIN»	73
<i>L.A. Lazutova, E.A. Levina</i> BORROWING AS A WAY OF REPLENISHMENT OF LEXICAL STRUCTURE GERMAN YOUTH LANGUAGE	76
<i>I. Matveyeva, S. Samozhenov</i> THE SHIFT OF PERSONS IN THE FREE INDIRECT DISCOURSE OF MODERN GERMAN LANGUAGE	79
<i>A.A. Minikeeva, A.G. Sadykova</i> FUNCTIONAL-STYLISTIC ANALYSIS OF TEXTS OF PRE-ELECTION CAMPAIGN DISCOURSE (BY THE EXAMPLE OF H. CLINTON'S AND D. TRUMP'S TEXTS)	82
<i>G.N. Mukhamedjanova, E.N. Abutalipova</i> THE WORD AS A TECHNIQUE OF MANIPULATION IN THE MASS MEDIA	85
<i>P.Y. Petrusevich</i> COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL INTERLINGUAL CORRESPONDENCES OF RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN AND SPANISH LANGUAGES AS BASIS OF TEACHING SEVERAL FOREIGN LANGUAGES	88
<i>Mekhdi Rakhimov</i> INTERCULTURE AND BORROWINGS IN THE DEVELOPMENT OF LANGUAGE	93
<i>D.M. Sirazetdinova</i> SPECIAL FEATURES OF PHRASAL VERBS USAGE IN MODERN ENGLISH PRESS	96
<i>O.V. Shemshurenko</i> FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE LITERARY CONCEPT «ŞEHİR» (CITY) IN THE INDIVIDUAL AUTHOR'S STYLE OF ORHAN PAMUK	100
<i>N.A. Yankova</i> CONCEPT STRANGER IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE: AGE OBJECTIVATION	103
ABSTRACTS	106

10.01.00

Р.Р. Хуснулина д-р филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
кафедра иностранных языков в профессиональной коммуникации,
Казань, razilya-kh@yandex.ru

ПРОЕКТ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО ЛИТЕРАТУРЕ. О ЧЕМ СПОР?

Предложенный образовательный стандарт по литературе вызвал недовольство учителей, входящих в Гильдию словесности. Я считаю предложенный стандарт достаточно разумным и гибким. Он в лучшую сторону отличается от предыдущих документов. В действительности, он поднимает уровень школьного литературного образования.

Ключевые слова: *стандарт, литература, список произведений, образование, программа, эксперт.*

Итак, опубликован проект нового образовательного стандарта по литературе. Гильдия словесников, куда входят 56 учителей словесности и методисты, опубликовало открытое письмо на официальном сайте союза. В нем педагоги обращаются к министерству образования и науки с просьбой пересмотреть решение о «жестком» списке литературы.

«Программа перегружена произведениями (235 произведений за пять лет обучения), зачастую объемными и имеющими сложную художественную природу. Это исключает возможность их полноценного освоения, создает риск формального, поверхностного разговора о них на уроке»[1], – говорится в заявлении Гильдии словесников.

Я считаю, что предложенный стандарт достаточно разумный и гибкий, он в лучшую сторону отличается от предыдущих документов и, с учетом замечаний экспертов, поднимает уровень школьного образования.

Кроме КНИТУ, я работаю в МГУ им М.В. Ломоносова с китайскими магистрантами, они рассказывают, что их по-настоящему серьезное обучение началось довольно рано, в три года. Встречаясь, их родители спрашивали друг друга: «На скольких курсах учится Ваш ребенок?». Никого из них не удивляло, что иногда их было шесть-семь, включая китайскую каллиграфию, иностранные языки, чтение, плавание, танцы, гимнастику. И именно это разумное сочетание умственной нагрузки с физической делало такую подготовку интересной и эффективной. А главное, китайские дети с детства приучались к культуре умственного труда. И сейчас, будучи уже магистрантами, в перерывах между учебными парами они находят в телефонах нужные им книги и читают. Я никогда не вижу их праздно проводящими время.

Я помню себя добросовестной школьницей, которая за лето, привычно помогая бабушке и дедушке в их большом деревенском хозяйстве, прочитывала всю основную и дополнительную литературу; кроме того, вела литературный дневник, куда вписывала свои впечатления от каждой прочитанной книги. В последствие именно выработанное в школе трудолюбие позволило мне, провинциальной школьнице, окончить школу с золотой медалью, затем романо-германский факультет университета, аспирантуру и докторантуру в Институте мировой литературы АН СССР и РАН.

«Прочитать и обсудить на уроках все включённые в программу (часть нового стандарта) тексты вдумчиво и качественно невозможно. Программа перегружена произведениями (двести тридцать пять произведений за пять лет обучения), зачастую объёмными и имеющими сложную художественную природу. Это исключает возможность полноценного их освоения, создаёт риск формального, поверхностного разговора о них на уроке. Кроме того, в списке произведения второго и третьего ряда обозначены как обязательные для изучения, причем мотивы выбора тех или иных текстов непонятны».

Мне грустно, что предметом споров моих коллег стал список 235 литературных произведений, включенный в новый литературный стандарт. Но ведь в него вошли все основные авторы, которых изучали в советской школе, и те, кто был в дополнительном списке, их мы тоже изучали, например, творчество А.П. Платонова. Но когда преподаватели начинают спорить о включении в обязательный перечень того или иного произведения на их личный вкус, мне это кажется пустословием. Так, один из доводов по подборке литературного материала звучит так:

«Программа исключает литературу, популярную среди детей: современную литературу, литературу, написанную для подростков.

Таким образом, предложенный в проекте документа список произведений является серьёзным шагом назад в построении программы по литературе, не учитывает интересов ученика и учителя, отстал от современной науки о литературе; он не берёт в расчёт изменившихся практик чтения, не отвечает вызовам времени».

Стоит, на мой взгляд, разделить круг чтения для подростков, продиктованный их собственным выбором, и интересов школьника, который в школе осваивает лучшие произведения русской литературы. Подросток дома может читать любые интересные именно ему произведения мировой литературы, Совсем не обязательно они вызовут интерес даже отдельно взятого класса. Поэтому и составляется нормативный список литературы, который необходимо изучить, чтобы на этом, школьном уровне, уметь разбираться в отечественной литературе.

Кроме всего, предлагаемые стандарты по литературе вариативны. В этом их значительное преимущество, а не недостаток!

К примеру, из списка художественной литературы второй половины XX - XXI веков учителю можно выбрать произведения трех прозаиков: Ф.А. Абрамова, Ч.Т. Айтматова, В.П. Астафьева, В.И. Белова, В.В. Быкова, Ф.А. Искандера, Ю.П. Казакова, В.Л. Кондратьева, Е.И. Носова, А.Н. и Б.Н. Стругацких, В.Ф. Тендрякова. Такой же выбор предоставлен при изучении произведений О.Ф. Берггольц, И.А. Бродского, А.А. Вознесенского, В.С. Высоцкого, Е.А. Евтушенко, Н.А. Заболоцкого, Ю.П. Кузнецова, Б.Ш. Окуджавы, С.С. Орлова, Н.М. Рубцова, Н.И. Рыленкова. Можно критиковать отдельные части документа и предлагать взамен какие-то улучшения, но отвергать стандарт полностью совершенно нелепо.

В то же время я не считаю завышенным число произведений в обязательном перечне стандарта по литературе.

«Программа перегружена произведениями (235 произведений за пять лет обучения), зачастую объемными и имеющими сложную художественную природу. Это исключает возможность их полноценного освоения, создает риск формального, поверхностного разговора о них на уроке», – говорится в заявлении Гильдии словесников.

Все зависит от того, в каком темпе и насколько разумно проходят занятия, как подходить к каждому конкретному произведению. Со времени советской школы многое изменилось, и преподавать, к примеру, творчество Ф.М. Достоевского так же, как тогда, мы уже не можем. Оно исследовано достаточно глубоко. Но это и облегчает участь учителя. Теперь, изучая «Преступление и наказание» и выделяя мотивы преступления Раскольникова, стоит не упустить из вида личную неприязнь героя к матери. Убивая процентщицу, он мысленно расправляется именно со своей матерью [2]. Такой подход меняет всю концепцию изучения произведения. И позволяет четко следовать намеченному плану изучения романа, не разбрасываясь на мелочи. К логике поведения Раскольникова логично прикладываются образы Свидригайлова и Сони Мармеладовой. Удивительно ли, что произведение обретает больший психологизм и философскую глубину?

Недавно мой магистрант из Китая сказал мне, что китайское образование более эффективное, потому что на занятиях высокий темп обучения, который позволяет эффективно изучить большое количество материала. Это касается философии, языка, литературы и других гуманитарных предметов. Там не принято ходить вокруг да около темы – сразу излагается главный подход к теме, и лишь потом педагог касается частностей.

Словесники высказывают к критику и о том, что новый стандарт не берет в расчет изменившиеся практики чтения, что он отстал от современной науки о литературе.

Однако я так не считаю. В списке новых стандартов по литературе основные классические произведения и те лучшие произведения, что написаны на рубеже XX и XXI веков. И здесь уместно вспомнить название пьесы Шекспира «Много шума из ничего». Именно таким пустословием заняты отдельные литераторы.

К счастью, современные дети начинают учиться еще в детских садах и приходят в школу уже абсолютно подготовленными, умеют не только читать, но и хорошо изъясняться. Стандарты поддерживают сложившуюся в детских садах и в начальных школах систему образования и позволяют разнообразить, укрепить, улучшить полученные там знания. Моя мама, Субаева Р.Г., которой сейчас 82 года, проработала в школе г. Сарапула УАССР учителем русского языка и литературы 50 лет. В данном случае я излагаю наше с ней консолидированное мнение.

Список литературы

1. Материалы из официального сайта Гильдии словесников.
2. Хуснулина Р.Р. Грех как травма или муки совести в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского // Казанская наука. 2017. № 11. С. 13-15.

10.01.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ - ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

10.01.10

Р.З. Дарзаманова канд. филол. наук

Казанский национальный исследовательский технологический университет («КНИТУ»),
факультет социотехнических систем,
кафедра ИЯПК (иностранных языков в профессиональной коммуникации)
Казань, rezedad@inbox.ru

**БИОГРАФИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПУБЛИЦИСТА ХУГО ЛЁЧЕРА
В ДЕТАЛЯХ ТВОРЧЕСТВА**

В данной статье предпринят анализ биографии Х. Лёчера с точки зрения «множественности» профессиональной деятельности и личности автора. Рассмотрена творческая эволюция Х. Лёчера, благодаря которой работы автора представляют собой композиционный сплав журналистики и художественной литературы, синтез документального и художественного.

Ключевые слова: *швейцарская немецкоязычная журналистика, швейцарская немецкоязычная литература, синтез документального и художественного, жанровый плюрализм.*

Х. Лёчер (1929-2009) посещал народную школу и гимназию в родном городе. Учился в Париже и Цюрихе, изучал политологию, социологию, историю экономики и литературу. Был активным участником студенческого движения Швейцарии. Защитил докторскую диссертацию на тему «Политическая философия во Франции после 1945 года» [1, с. 15-20].

После деятельности литературного критика в газетах «Нойе Цурхер Цайтунг» и «Вельтвохе» с 1958 года по 1962 занимал пост литературного редактора ежемесячного журнала «Ду», впоследствии был свободным членом редакции этого журнала. С 1964 по 1969 год Х. Лёчер провёл на посту редактора литературного отдела «Вельтвохе». С 1969 года избрал своей профессией деятельность свободного писателя.

Х. Лёчер родился в Швейцарии в семье кузнеца, который работал также механиком. Мать Х. Лёчера имела немецкое происхождение. Сестра Х. Лёчера Моника описывается автором в «условно-романе» «Неуязвимый» в главе «Письмо сестре». Ранняя смерть младшей сестрёнки Элизабет находит отражение в главе «Неуязвимого» «Первые мёртвые». Боль этой утраты, сопереживание, любовь можно увидеть и на протяжении всего «условно-романа» «Мир Чудес. Встреча в Бразилии», в которой автор ведёт вымышленный диалог с умершей в трёхлетнем возрасте бразильской девочкой Фатимой. Цюрих, в котором Х. Лёчер родился и вырос, является сценой действия для романа «Вязальщица венков», а в эссе «Зиль, средняя река» Х. Лёчер признаётся в любви своему городу, рабочему кварталу, где он вырос: «Вода Зиль тёмная, хмурая, грязная. Но вот Зиль встречается с рекой Лиммат, и какое-то время две реки текут вместе, и вода их не смешиваются. Почти чёрная вода реки Зиль, как рука об руку, плывёт со светлыми чистыми водами реки Лиммат» [3, с. 509].

Х. Лёчер пишет, что десятилетия позже он был бесконечно эмоционально тронут, когда увидел практически такую же картину на другом континенте, в другом уголке мира. На лодке он добрался до места на реке Амазонка, которое всегда привлекало туристов: река Рио Негро попадает в основное течение, и потоки воды, чёрной и белой, не смешиваются на протяжении нескольких километров. С тех пор Зиль для Х. Лёчера – маленькая часть из жизни Амазонки, а Амазонка – большая, победоносная река Зиль [3, с. 510].

К своему происхождению, к родному городу Х. Лёчер обращается и в главе «Proletarier Sightseeing» «Пролетарская экскурсия» «Неуязвимого». Глава, которая послужила основой для фильма школьного телевидения Швейцарии в 1977 г, называется «Потому что он существует, Цюрих». Цюриху посвящён и сборник фотографий, вышедший под редакцией Х. Лёчера в 1979 г.

Другая важная географическая веха в творчестве Х. Лёчера – Париж. Там Х. Лёчер изучает философию, находит тему для своей докторской диссертации, много читает Ж.-П. Сартра и А. Камю. Автор признаёт, что во Франции ему стала понятна необходимость чётко выраженной гражданской позиции писателя и журналиста.

Х. Лёчер работает также издателем на протяжении всей своей творческой деятельности, поэтому Париж остаётся важной точкой на его рабочей и жизненной карте, о чём можно прочитать в эссе «Возвращение в Париж», опубликованном в газете «Du» в 1959 г. Газета «Du» оказалась важной отправной точкой в работе Х. Лёчера как журналиста, здесь он начинал свой профессиональный путь, писал эссе и литературно-критические зарисовки о Г. Гассе (1960), Г.-М. Энценсбергере (1961).

Благодаря М. Гассеру для Х. Лёчера становится возможным издание нового литературного приложения «Das Wort», где перу Х. Лёчера принадлежали эссе «Дюрренматт – протест или революция?» (1960), «Заметки для молодого интеллектуала» (1961) - здесь под редакцией автора публикуются письма Р. Вальзера (1961), поэтические лекции И. Бахманн (1961). Особое внимание Х. Лёчером уделяется итальянским авторам О. Монтале и Дж. Унгаретти. После выхода из состава редакции Х. Лёчер остаётся свободным сотрудником газеты.

Х. Лёчер на протяжении своей студенческой жизни и взрослого творческого пути активно участвовал в общественной жизни. Будучи студентом, с 1954 по 1956 гг. он был президентом Объединения швейцарских студенческих союзов. С 1968 по 1973 гг. Х. Лёчер был членом Комиссии по поддержке культуры кантона Цюрих, и в этой функции выступил соиздателем сборника «Цюрих – аспекты одного кантона» (1970), и собрания сочинений А. Туреля (1974).

В 1978 г. Х. Лёчер вступил в Союз писателей Швейцарии, председателем которого он проработал с 1986 по 1990 гг. В этот период Союзом писателей Швейцарии была издана расширенная энциклопедия писателей и писательниц Швейцарии (1987).

С 1986 по 1997 Х. Лёчер входил в состав литературного и журналистского фонда имени Ч. Вайлона, который занимался ежегодным присуждением премий за эссе, изданные в Европе.

Редакторская и издательская деятельность, прерванная Х. Лёчером в связи с многочисленными путешествиями в Италию, Грецию и Португалию, была возобновлена им в 1964 г., когда он снова вступил в редакцию газеты «Weltwoche». С 1964 по 1969 гг. Х. Лёчер был редактором раздела фельетонов и членом шеф-редакции газеты. Здесь Х. Лёчер получил возможность заниматься разными аспектами журналистики. Репортажи, необходимость текущей актуальности выдаваемой информации расставляли иные акценты и аспекты в работе журналиста, нежели это было в редакции газеты «Du». К тому же, Х. Лёчер отмечал отсутствие строгого деления между культурой и политикой в работе издательства «Weltwoche». Эта позиция была очень близка самому Х. Лёчеру, как личности, ибо он ратовал за гражданскую и политическую ангажированность как один из показателей культуры поведения человека и гражданина [3, с. 517].

Х. Лёчер - общественный деятель, преподаватель, литературный критик, издатель, редактор, переводчик, драматург, журналист и эссеист с более чем впечатляющим охватом тем (культурная ситуация в Швейцарии, вопросы демократии, религия, диктатура, кулинария, искусство фотографии, музыка, театр).

Множественность – одно из, пожалуй, самых ярких, заметных, постоянных черт не только самой личности автора, но и аналитической, информационной, художественной публицистики и «условно романов» Х. Лёчера. Как Х. Лёчер смешивает стили и жанры, каждый из которых претендует на равноправие с другими в рамках одного текста, так синтез

документально и художественного является логичным продолжением широкого взгляда автора на своё творчество. Х. Лёчер не раз подчёркивал, что не разделяет для себя журналистику и литературу, поэтому документальное в его прозе занимает такую же важную роль, как и вымышленное [2, с. 99].

Для Х. Лёчера характерны жанровый плюрализм и многообразие языковых стилей. К примеру, в «Неуязвимом» каждая из глав представляет собой репортаж-расследование («Прерванный взгляд», «Лиссабон за решётками»), интервью-монолог («Точка зрения»), красивую, добрую сказку, рассказываемую детям на ночь («Гусь, живущий в подушке»), путевые заметки и дневники путешественника («Путешествующий сеньор») [2, с. 88].

Таким образом, для публицистики Х. Лёчера характерны жанровое разнообразие, идейная неоднозначность и множество трактовок реальной действительности, которым всегда сопутствует критический аспект.

Публицистика и художественные тексты Х. Лёчера внесли значительный вклад в развитие европейской журналистики и литературы во второй половине XX в. Х. Лёчер выступал с идеей синтеза критического, социально-ангажированного начала с художественной образностью. Х. Лёчер полемизировал с швейцарским сознанием в предубеждении, что идеологичность и художественность – несочетаемые понятия. Он стремился приучить его к тому, что журналист, создающий качественные тексты, может полноправно считаться писателем. Х. Лёчер видел путь развития европейской литературы непосредственно в совмещении её с журналистикой. Публицистика Х. Лёчера сыграла важную роль для преодоления пропасти между журналистикой и литературой в европейском сознании второй половины 20 в.

Список литературы

1. *Дарзаманова Р.З.* Многополярный образ мира в публицистике Хуго Лёчера: Диссертация кандидата филологических наук: Казанский государственный университет, Казань, 2010.- 182 с.
2. *Дарзаманова Р.З.* Многополярный образ мира в публицистических и литературных произведениях Хуго Лёчера: монография [текст] / Р.З. Дарзаманова. – Казань: КНИТУ, 2016 – 194 с.
3. *Dewulf, Jeroen.* Transkulturelle Neujahrsgrüsse. Globalisierung, Hübridität und Posrmoderne im Werk von Hugo Loetscher / J. Dewulf // In alle Richtungen gehen. Reden und Aufsätze über Hugo Loetscher. Zürich: Diogenes, 2005. – S. 509 – 555.

10.01.10

Р.В. Даутова д-р истор. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Высшая школа журналистики и медиакоммуникаций,
кафедра телевидения и телепроизводства,
Казань, RVagiz@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАССР С ТЕЛЕВИДИЕНИЕМ: (1960-1970-е гг.)

В статье анализируются особенности формирования взаимоотношений республиканского телевидения и Союза писателей ТАССР в 1960-1970-е годы. Автор показывает программную политику государственного телецентра Татарии по отношению к литературно-драматическим передачам. Сотрудничество известных писателей и поэтов с телевидением являлось важным фактором развития национальной литературы и культуры.

Ключевые слова: *республиканское телевидение, Союз писателей ТАССР, хрущевская «оттепель», национальная культура, провинция.*

Первые этапы развития татарского телевидения и татарской тележурналистики, пришедшиеся на период 1960-1970-е гг., невозможно рассматривать без учета той роли, которую сыграли в этих процессах деятели национальной литературы и Союз писателей ТАССР. Местные писатели и поэты не только сотрудничали в качестве авторов в литературно-драматических телепередачах, но, являясь камертоном общих настроений в республике, влияли на программную политику республиканского телевидения.

Выбранный автором статьи период неоднозначен, так как включает в себя вторую половину «хрущевской оттепели», характеризующуюся исследователями как «изморозь», и начало так называемого «застоя». Именно в это время, несмотря на кризис национальной самоидентификации, который остро осознавала национальная интеллигенция, на Татарском государственном телевидении постепенно формируется мощный вектор на сохранение родной культуры и истории, культурный взаимообмен и консолидацию народов, которые исторически населяют данный регион. Технические возможности телевидения, принцип билингвизма, изначально заложенный в республиканское вещание, позволяли транслировать на двух языках не только новости, но и культурные, просветительские передачи, пользовавшиеся огромной популярностью среди населения [2, С.9].

Первые опыты привлечения писателей к деятельности телевидения имели место еще в середине 1950-х гг. При Малом телецентре (1955 г.) был организован худсовет из 14 человек, в который входили писатели Ф. Хусни, А. Исхаков, Г. Паушкин, композиторы Х. Валиуллин, А. Ключарев, музыкант А. Хайрутдинов и др.. Худсовет должен был консультировать и направлять телевидение [3, С.22]. Подобная форма работы с Союзом писателей ТАССР впоследствии стала традиционной, худсовет курировал так же деятельность радио.

Кроме того, на литераторов возлагались большие надежды, как на потенциальных авторов телевизионных передач. В 1960-е гг. – пик «хрущевской оттепели» - именно писатели и поэты являлись выразителями особой духовной атмосферы в обществе. «Оттепель» характеризуется в первую очередь «литературным опытом осмысления новой реальности» [9]. Отголоски популярных поэтических вечеров в Политехническом институте доходили и до советской провинции.

Однако поначалу татарские писатели не спешили предлагать новому СМИ свои сценарии. Многие литераторы недооценивали телевидение, даже считали его чуждым для истинной культуры. И это была проблема всесоюзного масштаба, о которой писала в 1965 году газета «Правда» [5]: «По-прежнему почти не участвуют в работе телестудий профессиональные драматурги, видные писатели». В Татарстане о дефиците внимания со стороны Союза писателей ТАССР начали говорить уже в мае 1961 года - на Республиканском совещании работников радио и телевидения [4].

Показателен в этом плане роман «Урамнар артында яшел болын» (дословный перевод – «За околицей луга зеленые», русский вариант «Диляра») выдающегося татарского писателя А. Гилязова. Главный герой - журналист Ахат сначала работает в газете, а затем переходит на телевидение. И этот поступок расценивается Гилязовым как переход из команды высокого класса А в команду класса Б.

Постепенно татарская творческая интеллигенция, имевшая исторически сложившиеся крепкие традиции сотрудничества с республиканскими журналами и радио, меняет свое отношение к телевидению в лучшую сторону. Телевидение превращается в эффективное средство просвещения и популяризации произведений литературы и искусства.

Гостелерадио СССР регулярно запрашивал для рецензирования у местных телестудий сценарии художественной редакции. В качестве примера, демонстрирующего эту практику, приведем следующий факт: в 1964 году Казанская студия по запросу Гостелерадио СССР послала на рецензирование семь сценариев литературно-драматической редакции: два – на русском языке, пять – на татарском [6]. Сценарии были тщательно проанализированы, после чего в аналитической записке было отмечено следующее: недостаточное участие местных писателей в работе редакции, недостаток разнообразия и творческой выдумки, перенасыщение зрительного материала, невнимательность и небрежность журналистов, плагиат в написании сценариев [7].

К концу 1960-х годов литературно-драматическая редакция – самая плодотворная и активная, что видно по отчетам студии, об этом не раз говорилось и с высоких трибун партийных собраний. «С 1968 по 1970-й годы литературно-драматическая редакция подготовила и выдала в эфир 15 телепостановок. Если учесть, что за сезон театры выпускают 6–7 спектаклей, это немало», – говорила на партийном собрании Союза писателей ТАССР А.К. Сафиуллина, в то время главный редактор художественных программ Казанской студии телевидения [8].

При анализе отчетов студии обращает на себя внимание приоритет календарного принципа подготовки литературных программ и постановок. Так в дни празднования 25-летия Победы зрители увидели телевизионные постановки «Подношу цветы» (по И.Беляеву) и «До последней капли» (по С. Шакирову). К 50-летию юбилею Татарии был создан телевизионный спектакль в 3-х сериях «Дочь степей» (по Г.Ибрагимову). К 100-летию со дня рождения М.Горького подготовлены на татарском языке два спектакля по его рассказам – «О матерях» и «Есть папа». К 150-летию со дня рождения И.Тургенева транслируется телепостановка «В одиночестве». Положительные отзывы получили телепостановки «Шутка» (по А.Еникееву) и «Девушка с красивым голосом» (сценарий Э.Адылова). На русском языке были поставлены телеспектакли «Буре навстречу» (по пьесе Р.Ишмуратова), «Хлеб» (по рассказу белорусского писателя И. Шамякина), трехсерийный спектакль «Обелиск в Раифе» (по документальной повести П. Евгеньева).

Телепостановки создавались в сложных условиях «живой» передачи и транслировались непосредственно из студии. Их подготовка требовала усилий большого творческого количества – режиссера, ассистентов, операторов, художников, звукорежиссеров, осветителей, костюмеров, артистов. Работавший в этом жанре телережиссер Г.К. Хусаинов, имевший за плечами работу театрального режиссера, стал первым на Татарском телевидении применять режиссерские приемы, которые потом взяли на вооружение его коллеги. Благодаря Г.Хусаинову татарстанцы увидели оригинальные постановки: «Материнское поле» (2 серии), «Муса» (5 серий), «Он был во Вьетнаме», «Белые цветы» и другие.

К сожалению, в фондах не сохранилось ни одной записи с телевизионными постановками Г.Хусаинова, кроме киновставок, которые режиссер специально снимал для своих телеспектаклей. Киновставки значительно оживляли действие телеспектакля, придавая ему интонации игрового телефильма.

В 1964—1967 гг. редактором на республиканском телевидении известный работал татарский драматург Т.А.Миннуллин. Благодаря сотрудничеству Г.К. Хусаинова и Т.А.Миннуллина, появились десятки телепостановок, появился ставший популярным цикл «Творческие портреты» (ведущая – диктор А.К.Сафиуллина), посвященный творчеству и жизни ведущих артистов Татарского Государственного Академического театра имени Г.Камала.

Также большой была аудитория у цикла «Писатель и жизнь». Каждая программа этого цикла представляла собой самостоятельный творческий портрет прозаика или поэта: «Илегеэ турында уйлагыз» («Подумайте о своей родине», творческий портрет поэта Ф.Карима), «Шагыйрь» («Поэт», творческий портрет поэта Ш.Мударриса), «Аксакал» (к 70-летию поэта, прозаика и драматурга Н.Исанбета), «Радость» (к 70-летию драматурга Т.Гиззата), «Родник» (творческий портрет поэта С.Хакима), «Туган ягым бишеге» («Колыбель моего родного края», к 70-летию писателя Г.Баширова) и другие [1].

Таким образом, в 1960-1970-е гг. сформировался важный творческий тандем Союза писателей ТАССР и республиканского телевидения. Литератор на телеэкране представал не просто как автор своих произведений, но и принимал на себя роль выразителя и наставника жизни для огромной аудитории телезрителей.

Список литературы

1. Воспоминания А.К.Сафиуллиной – архив Р.В.Даутовой
2. Даутова Р.В. Партийно-государственная политика в области средств массовой информации автономных республик Поволжья и Приуралья (1953 – 1964 гг.): Автореф. дис.... на соискание ученой степени д-ра ист. н. – Казань, 2011. С.9.
3. Даутова Р.В. Телевидение Татарстана: от прошлого к настоящему. - Казань: ЗАО «Новое знание». 2010. С.22
4. НА РТ, Ф. Р-4493, оп.1, д.485, л.32.
5. Советское телевидение. // Правда – 1965. – 19 августа.
6. См.: НА РТ, Ф.Р-4493, оп.2, д.33.
7. НА РТ, Ф.Р-4493, оп.2, д.33, л.6.
8. Текст выступления А.К.Сафиуллиной - Личный архив А.К. Сафиуллиной.
9. Ясин Е. Шестидесятники: 7 заметок к возможной дискуссии. URL: <http://www.liberal.ru/anons/1908т> (Дата обращения - 10.03.2018)

10.02.00 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10.02.00

Л.С. Абдурахманова¹, Т.Б. Баранникова² д-р филол. наук

Дагестанский государственный педагогический университет,
факультет иностранных языков,
¹кафедра языкознания,
²кафедра английской филологии,
Махачкала, leyla591@mail.ru, tatyanaabarannikova@mail.ru

**О ЧАСТЕРЕЧНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Настоящая статья, выполненная в русле проблемы частеречной семантики фразеологических единиц, посвящена вопросу частеречного распределения фразеологических синонимов в русском и английском языках. Наряду с тенденцией соотносительности исследуемых единиц с отдельными частями речи, в работе определена достаточно представительная доля фразеологических синонимов, частично соотносимых и не соотносимых с частями речи. Выявлены различия в частеречном распределении фразеологических синонимов в сопоставляемых языках и обозначены их причины.

Ключевые слова: *соотносительность, распределение, части речи, синонимические связи, фразеологические синонимы, синонимические ряды.*

К настоящему времени в отечественной фразеологической науке имеется значительное количество специальных изысканий, проведенных в области грамматики фразеологических единиц (ФЕ) ведущими лингвистами. Особое место при этом исследователями отводится их частеречной характеристике. В.В. Виноградов одним из первых оценил важность проблемы, связанной с дифференциацией ФЕ по лексико-грамматическим разрядам [1]. Необходимо, вместе с тем, отметить, что на современном этапе развития фразеологии проблема дифференциации ФЕ по лексико-грамматическим разрядам продолжает оставаться дискуссионной. Среди исследователей возникают расхождения в определении количества, объема и границ лексико-грамматических разрядов ФЕ. Отсутствие единых критериев дифференциации ФЕ по лексико-грамматическим разрядам связано как с дискуссионными вопросами общей теории частей речи, так и с наличием своеобразных качеств ФЕ, отличающих их от слова.

Настоящая статья, выполненная в русле проблемы частеречной семантики фразеологических единиц, посвящена вопросу частеречного распределения фразеологических синонимов (ФС), не получившего в современных исследованиях достаточно глубокого освещения. Целесообразность рассмотрения данного вопроса обуславливается, во-первых, отмечающейся зависимостью синонимических связей от частеречных категориальных сем [3]: в одних частях речи синонимы развиты в большей степени, в других – меньшей, во-вторых, количественными и качественными расхождениями частеречных характеристик синонимов в различных языках, в-третьих, спецификой частеречного распределения фразеологических единиц. Исследование проводится нами в сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков, позволяющем обозначить в выявляемой характеристике ФС общее и специфическое, и представить ее, таким образом, более объективно.

При сопоставлении частеречной соотносительности ФС русского и английского языков мы основывались на частеречном делении ФЕ, предложенным А.А. Хуснутдиновым [2]. Автором, в частности, выделены ФЕ, 1) соотносимые в той или иной степени с отдельной частью речи (глагольные, именные, адвербиальные, модальные и междометные),

2) соотносимые с частью речью лишь частично (адъективные, местоименные), 3) не соотносимые с какой-либо отдельной частью речи (глагольно-пропозициональные, предикативно-оценочные, неопределенно-количественные разряды).

По результатам нашего анализа, ряды фразеологических синонимов русского языка, соотносимые в той или иной степени с отдельной частью речи (именные, глагольные, адвербиальные и междометные разряды ФЕ), составляют более половины общего числа исследуемых единиц (приблизительно 55 %). Внутри этой группы наибольшую частотность показывают глагольные ряды (около 50 %). Ср.: **преуспеть** - *выйти в люди, пойти в гору, пробить себе дорогу, далеко пойти, вылезти из грязи в князи* (устарев., разг.); **завершить деятельность** - *сойти со сцены, отжить свой век, выйти в тираж, изжить себя* и др.

Именные синонимические ФЕ представлены в нашей выборке не столь широко (около 25%): **баловень** – *маменькин сыночек, маменькина дочка, тепличное растение; небылицы* – *бабушкины сказки, небылица в лицах, развесистая клюква* и др. Адвербиальные и междометные ФС среди рассматриваемых единиц, соотносимых в той или иной степени с отдельной частью речи, наименее представительны (соответственно около 15% и 10%): **любыми средствами** - *любой ценой, правдами и неправдами, не мытьем так катаньем; чистосердечно* - *положа руку на сердце, как перед Богом*; междометные ФС, выражающие удивления: *вот тебе раз!; вот так раз!; вот тебе на!; вот оно что!; вот как!; скажи, пожалуйста!; ну и ну!* и др.

Объем рядов фразеологических синонимов английского языка, соотносимых в той или иной степени с отдельными частями речи (около 60%), в определенной мере превышает данные по русскому языку. Внутри группы наиболее представительными, как и в русском языке, являются глагольные ряды (приблизительно 60%), однако их число выше, чем в выборке по русскому языку (около 50%). Ср.: **to win** (победить) - *to bear the bell, to carry off the palm, to take the bun, to take the cake*; **to be afraid of** (испугаться) – *to get cold feet, to show the white feather, to show a clean pair of heels* и др.

Именные ФС в материале по английскому языку, также, как и в русском, значительно, и даже в большей мере уступают глагольным ФС (20%): **luck** (удача) - *good fortune, the horn of plenty, deep pockets*; **wife** (жена) - *one's better half, the little woman, old girl* (разг., ласк.) и др.

Ср. с адвербиальными (более 10%) и междометными ФС (около 10%): **nearby** - **very close** (очень близко) - *at hand, at one's elbow, at close quarters; under one's very nose, right under somebody's nose, within a stone's throw of somebody, just round the corner, at one's doorstep*; **secretly** (тайком) - *on the sly, under the rose, on the quiet*; **privately** (наедине) - *face to face, heart to heart*, междометия, выражающие восхищение, досаду, удивление: *bless me!; by George!; by thunder; dear me!; holy cow!; man alive!; you don't say!; the cat's pajamas!* и др.

Фразеологические синонимы, частично соотносимые с отдельной частью речи (адъективные, местоименные), составляют приблизительно 25% общего числа исследуемых единиц русского языка.

Ср.: **настоящий, достойный называться так** - *с большой буквы, широкая натура, крупного помола*; **румяный** - *кровь с молоком, как маков цвет*; **смелый** - *храброго десятка, не робкого десятка* и др.; **никто** - *ни один черт, ни одна душа*; **вы и вам подобные** - *ваш брат, ваша братия*; **все вы, женичины** - *ваша сестра, наша сестра* и др.

Ряды фразеологических синонимов, лишь частично соотносимые с отдельной частью речи (адъективные, местоименные), составляют приблизительно 25% от общего числа исследуемых единиц английского языка. Ср.: **young, inexperienced** (молодой, неопытный) - *wet behind the ears, scarcely out of the shell yet*; **red** (красный) - *as red as a beet, as red as a lobster, as red as a rose, as red as blood, as red as fire* и др.

secretly (но секрету) - *between ourselves, between you and me, between you and me and the gate-post* (разг.); **everybody** (все, любой) – *every Tom, Dick and Harry, as the next man*; **we** (мы) - *our kind (sort), the likes of us*.

Фразеологические синонимы, не соотносимые с какой-либо отдельной частью речи, включают глагольно-пропозициональные, предикативно-оценочные, неопределенно-количественные разряды. В количественном отношении в русском языке они представлены приблизительно 20%. Ср. глагольно-пропозициональные ряды ФС: *дым стоит коромыслом, пыль стоит столбом, как Мамай прошел* (то есть установился беспорядок); *голова ходит кругом, голова пухнет, шарики за ролики зашли* (то есть кто-л. теряет способность ясно соображать от множества дел, забот и т.п.) и др.

К предикативно - оценочным ФС, основываясь на разработках А.А. Хуснутдинова, мы относим ФЕ, которые объединены «общим значением оценки лица, предмета или действия, обязательной сочетаемостью с существительными, заменяющими их местоимениями и инфинитивом, неизменяемостью» [3]. Не соотносясь с какой-либо частью речи, они служат для оценки одушевленного субъекта. Ср.: *в полном согласии, душа в душу, в ладу; на широкую ногу, полным домом; по большому счету, чин по чину, по форме* (разг.); *честь честью* (разг.), *честь по чести* (разг.), *чин чином* (разг.) и др. Наименьшее распространение в этой подгруппе показывают неопределенно-количественные ФС: *хоть отбавляй, нет отбоя, нет перевода; капля в море, в обрез* и др.

Фразеологические синонимы, не соотносимые с какой-либо отдельной частью речи, в материале по английскому языку в количественном отношении составляют около 15%. Ср. глагольно-пропозициональные ряды синонимических ФЕ английского языка: *that won't do* (так дело не пойдет), *that cat won't jump, that cock won't fight; here's the problem* (вот в чем дело), *there's the rub, that's where the shoe pinches* и др. Ряды предикативно-оценочных (модальных) синонимических рядов ФЕ английского языка могут быть проиллюстрированы следующими примерами: *nobody knows* (никто не знает), *goodness know, God knows, the Lord only knows, God knows only; to be poor* (быть бедным) - *to be out of elbows, to be hard up* (разг.), *not to have a bean* (разг.), *to be on one's uppers* (разг.), *to be on one's bones* (сленг), *to be stony broke* (сленг) и др. Ср. неопределенно-количественные ФС: *much, many* (много) - *as common as dirt, more than one can shake a stick at* и т.п.

Проведенный сопоставительный анализ позволяет сделать вывод о том, что общая тенденция соотносительности ФС с отдельными частями речи носит в русском и английском языках доминирующий (соответственно 55% и 60%), вместе с тем, ограниченный характер: определяется достаточно представительная доля ФС, частично соотносимых и не соотносимых с частями речи (соответственно 45% и 40%). Различия в частеречном распределении фразеологических синонимов в сопоставляемых языках состоят в несколько более высокой доле единиц, соотносимых с частями речи, в английском языке и ФС, частично соотносимых и не соотносимых с частями речи – в русском языке. Подобные расхождения могут объясняться структурно-типологическими характеристиками сопоставляемых языков: распространением в «синтетическом» русском языке именных предикативных ФЕ типа *без царя в голове*, безглагольных оборотов типа *хоть бы хны*, бессубъектных ФЕ типа *без меня меня женили*, с одной стороны, и склонностью «аналитического» английского языка к глагольности и двусоставности предложения, то есть присутствием в нем подлежащего и сказуемого в глагольной форме – с другой.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С.10.
2. Хуснутдинов А.А. Фразеологические единицы в отношении к частям речи // Межвузовский сборник научных трудов. Лингвистика какая она есть. Лингвистика какая она будет. Иваново, 1998. С. 28.
3. Черняк В.Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л., 1989. С.11.

10.02.00

**Т.В. Алейникова¹ канд. филол. наук, Н.В. Горохова² канд. филол. наук,
И.Н. Кубышко³ канд. филол. наук**

¹Омский государственный технический университет
факультет гуманитарного образования, кафедра «Иностранные языки»,
Омск, tanya_aleynik@mail.ru

²Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
факультет гуманитарного образования, кафедра иностранных языков,
Москва, n.gorokhova@nxt.ru

³Московский государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского (ПКУ),
институт социально-гуманитарных технологий, кафедра иностранных языков,
Москва, irina-kub@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Характеристика этапов развития специальной терминологии на примере материала английского трубопроводного подъязыка и последующая этимологическая оценка терминов анализируются в статье. Впервые предпринимается попытка исторического моделирования профессиональных представлений о конъюнктуре специального знания. В статье дается сравнительный анализ терминов трубопроводного транспорта, определяется периодизация становления терминологии, относящейся к исследуемому разделу практической профессиональной сферы деятельности.

Ключевые слова: *термин, транспорт, трубопровод, пневмопочта, атмосферическая дорога, метро.*

Характерной особенностью современного развития специальной терминологии является проблема происхождения отдельных терминов и формирование терминологических систем научно-технического знания. Почти все открытия индустриального прогресса нашли свое отражение в профессиональных подъязках, передающих новые понятия и явления в различных сферах деятельности. «Только один английский язык за период после окончания второй мировой войны пополнился тремя миллионами новых слов, и все они являются терминами, принадлежащими различным областям знаний» [10:23].

Взаимосвязь развития науки и техники и соответствующей ей терминологии является необходимым условием формирования и упорядочения терминосистемы, создания терминологических материалов, валидных для использования и употребления [1]. Взаимообусловленное изучение терминологии и соответствующей ей области знания помогает получить истинную конъюнктуру терминологических единиц и определить их семантическую структуру [2]. Как известно, образование любой терминологии обосновано, как минимум, двумя факторами: экстралингвистическими и лингвистическими, где первые отвечают за вербальное выражение «терминируемых» понятий научной или прикладной отрасли знаний, вторые – за возможность сочетания различных в понятийном отношении элементов, выраженных терминоточетаниями [4].

Наиболее развитым видом транспорта на современном этапе является трубопроводный, который осуществляет передачу на расстояние жидких, газообразных сред и твердых материалов [7]. Известно, что история трубопроводного транспорта насчитывает более 6 тысяч лет и начинается свою летопись с Древнего Китая. Изначально трубопровод (tube) был бамбуковым и применялся лишь для перекачки воды, чтобы орошать рисовые поля. В государствах Двуречья (3 тысячелетие до н.э.) были обнаружены дамбы, сооружения из кирпича и камня, используемые для защиты от потока воды. В Древнем Египте для целей водоснабжения использовались деревянные, гончарные и даже металлические трубы

(медные и свинцовые). Отрывочные исторические справки о «подводных» трубопроводах можно найти на Сицилии (около 700 лет до нашей эры), с помощью которых Пуническая колония снабжалась водой. Генуэзская крепость в Крыму (14-15 века) имела подземный трубопровод из гончарных труб, который действовал по принципу сообщающихся сосудов [3]. Однако терминология данного исторического этапа не характеризовалась едиными объяснительными принципами, была однокомпонентной и представляла накопление разрозненных дилетантских сведений о объекте.

С обнаружением нефти в Китае и открытием ее свойств (220 г. до н. э.), трубопроводная система начала претерпевать изменения. Добыча нефти осуществлялась из специальных нефтяных колодцев, заменивших бамбуковые трубы. Малой Азии, Древнему Риму, Древней Греции и другим странам Северного Средиземноморья стала хорошо известна металлургия и было налажено производство металлических труб (свинцовых, бронзовых, оловянных) для транспортировки жидких сред (426 год н.э.). Не меньшее значение для транспортировки нефти сыграли деревянные трубы, так например, в Лондоне, в Петербурге, в Москве, нескольких городах Германии сохранились упоминания об использовании деревянного трубопровода (15-18 века) [6]. В 19 веке новым источником энергии стала нефть, и вопрос об ее транспортировке стал еще более актуальным. Первый нефтяной трубопровод (pipeline) был построен в США в 1865 [5]. В России, начиная с 1878, шло активное строительство нефтепроводов, керосинопроводов, нефтепродуктопроводов. Терминологическая база данного периода уже включала научную парадигму, которая определяла пути изучения предметной области. Собственные и заимствованные из других научных областей понятия начинают складываться в терминологию трубопроводного транспорта.

Однако во многих исторических документах и инженерных проектах трубопровод выступает в качестве пассажирского или грузового транспорта (pipeline transport). Учеными была разработана идея специальных транспортных труб, в которых для перевозок использовалась энергия воздуха. Три крупных направления стали центральными для исследования в середине 19 века: 1) атмосферическая дорога (atmospheric railway), 2) туннельные поезда (tunnel trains), 3) пневмопочта (pneumatic tube post). В конце 19 – начале 20 веков во многих странах мира планы трубопроводного перевоза пассажиров начали реализовываться в жизнь [3]. Современный этап терминологического развития трубопроводного транспорта характеризуется совершенствованием научной парадигмы и экспликацией ее содержания, в том числе экстраполяцией на новые предметные области [8]. Терминология начинает активно развиваться, пополняться новыми понятиями из смежных научных сфер, усложняться за счет внедрения нового компьютеризированного оборудования, усовершенствования способов транспортировки, изобретения новых методов строительства трубопроводных систем, развития международных связей и т.д. Отличительной особенностью данного этапа является качественное увеличение терминединиц трубопроводного транспорта.

Принимая во внимание все достижения научно-технического прогресса в области трубопроводного транспорта, а также закономерности развития английского языка на разных исторических этапах, представляется возможным произвести историческое моделирование специальной терминологии (на примере трубопроводного транспорта) и предложить ее периодизацию.

Таблица – 1. Историческое моделирование терминологии трубопроводного транспорта

Период (век)	Название периода	Терминология
до 15	дотехнический	pipe, line, tube, transport
15-середина19	технологичный	petroleum pipeline, product pipeline, valve, slurry pipeline
конец19-начало21	высокотехнологичный	tubing, piping, fitting, casing, Christophorsen tube, box-to-box pipe, flush joint pipe, pipe departure point

Попытка проследить развитие специальной терминологии и соотнести языковые факты развития с неязыковыми – одна из основных задач современной лингвистики, «... лишь обращение к самой науке и технике, соотнесение фактов лингвистических с фактами научно-техническими, изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, позволяет дать исчерпывающее объяснение многим лингвистическим процессам, имеющим место в терминологии» [10: 25]. Исторически установлено, что становление трубопроводного транспорта как сферы профессиональной деятельности проходило в несколько этапов, каждый из которых характеризовался определенными параметрами. Терминологическое обеспечение отдельно взятого периода в историческом развитии соответствуют исследуемой хронологической шкале формирования трубопровода [9].

Сегодня 21 век трудно представить без трубопроводного транспорта, не только средства передвижения и грузоперевозок, но и способа решения. Наряду с развитием самой профессиональной деятельности важное значение приобрели вопросы использования специальной терминологии, напрямую зависящей от истории формирования данной области научного знания.

Список литературы

1. Герд А.С. Логико-понятийное моделирование терминосистем и машинный фонд русского языка // Отраслевая терминология и ее структурно-типологическое описание. Воронеж: ВГУ, 1988. С. 114-123.
2. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта : Наука, 2011. 224 с.
3. Горохова Н.В. Исторические предпосылки появления и формирования терминов трубопроводного транспорта // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2013. Т. 18. № 1. С. 114-120.
4. Деркач И.В. Семантика и структура терминов в подязыке вычислительной техники: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 17 с.
5. Капустин В.М. Нефтеперерабатывающая промышленность США и бывшего СССР. М.: Наука, 1995. 304 с.
6. Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. М.: Наука, 1986. 512 с.
7. Коркин В.Д. Англо-русский, русско-английский словарь технических терминов и словосочетаний. М.: АВОК-ПРЕСС, 2001. 340 с.
8. Рожнова И.А. Неологизмы в английской терминологии полиграфического производства: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Омск, 2005. 20 с.
9. Скрынник Ю.Н. Нефть. Газ. Оборудование. Терминологический словарь. М.: Недра, 2004. 311 с.
10. Ткачева Л.Б. Происхождение и образование авиационных терминов в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973. 29 с.

10.02.00

Д.Л. Амитирова-Тургенева канд. филол. наук

РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
кафедра иностранных языков,
Москва, turgenevaa@list.ru

ОДНОЯЗЫЧНЫЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается представление регионально-маркированных номинативных единиц английского языка в одноязычных учебных словарях. Анализ показал, что региональная маркированность может быть представлена как во всех частях словарной статьи, так и в макроструктуре словарей; словарям свойственна неоднородность представления информации о региональной маркированности; тем не менее, они являются надежным источником материала исследования особенностей американского и британского английского благодаря оперативному реагированию на изменения языка и обучающей направленности.

Ключевые слова: учебные словари, онлайн-словари, американизмы, бритицизмы.

В настоящее время принадлежность единиц английского языка тому или иному его национальному варианту входит в сферу интересов одноязычной и двуязычной практической лексикографии английского языка. Это относится и к академическим словарям, и фразеологическим словарям, и, безусловно, лингвострановедческим, и даже терминологическим словарям. Учебные одноязычные словари толкового типа выбраны для анализа, поскольку они являются неотъемлемой частью процесса изучения английского языка благодаря своим прескриптивным качествам, а также быстрой реакции на изменения (в отличие от, например, академических словарей), характерные для функциональных и прагматических аспектов языка, что достигается, прежде всего, ограничением словника и использованием передовых компьютерных технологий лексикографами [2, 3, 6, 7].

Цель статьи – проанализировать одноязычные учебные словари толкового типа как источник материала исследования системных, функциональных и прагматических характеристик лексических единиц, принадлежащих британскому английскому и американскому английскому. В связи с тем, что к главным требованиям, выдвигаемым лексикографам сегодня, относятся «формирование условий максимальной доступности и прагматической актуальности словарей», а также «создание онлайн ресурсов как дополнительной семиотической системы для преодоления узости вербальных дефиниций» [1, с. 50], в качестве объекта лексикографического исследования выбраны онлайн-версии пяти британских одноязычных учебных словарей толкового типа (словарей «Большой Пятерки»): Cambridge Learner's Dictionary (Cambridge) [4], Collins English Dictionary (Collins) [5], Longman Dictionary of Contemporary English (Longman) [8], Macmillan Dictionary (Macmillan) [9] и Oxford Learner's Dictionaries (Oxford) [10].

Необходимо отметить, что английские учебные толковые словари отличаются от словарей других типов включением информации о грамматических характеристиках единиц; исключением из словника единиц, вышедших из употребления; отсутствием диалектной лексики; использованием упрощенного языка (с ограничением входящих в него единиц) в толковании заголовочных слов; обилием примеров употребления единиц [11, с. 77]. Анализ словарей также показал, что словарные статьи снабжены пометами разного рода (например, стилистическими, прагматическими, и др.), информацией о словообразовательных возможностях единиц, сочетаемости, частотности. Также, необходимо отметить, что важной частью макроструктуры таких словарей являются приложения и примечания, имеющие целью

ознакомление пользователя с разнообразными лексическими, семантическими, грамматическими и экстралингвистическими особенностями английского языка.

Что касается региональной маркированности единиц, то, прежде всего, она представлена соответствующими пометами (например, *British English* и *North American English* в Oxford) и отсылками к другому варианту (например, второй лексико-семантический вариант (ЛСВ) слова **mean** в Macmillan – *BRITISH not willing to spend money. The usual American word is cheap*). Важно отметить, что, ввиду того, что постоянно происходит процесс взаимовлияния одного варианта на другой, с преобладанием влияния американского английского на британский английский, большая часть регионально-маркированных единиц характеризуется тем, что принадлежит тому или другому варианту лишь частично, т.е. частью своей семантической структуры, либо наблюдаются различия в частотности употребления единиц. В таких случаях лексикографы дополняют региональные пометы уточнениями, например, *especially, usually, mainly*.

Указание на региональную маркированность можно также наблюдать в дефинициях. Рассмотрим представление регионально-маркированной единицы **term paper** в исследуемых словарях:

Oxford:

term paper (*in an American school or college*) a long piece of written work that a student does on a subject that is part of a course of study

или Longman:

term paper a long piece of written work done by college students *in the US*, that is the most important piece of work in their course

Интересно, что в словарных статьях на данную единицу в Macmillan и Collins указание на региональную маркированность содержится в пометах:

Macmillan: **term paper** (*American*) a long piece of writing on a particular subject that you do as part of a course in high school, college, or university

Collins: **term paper** an essay or report which a student writes on a subject that he or she has studied during a term at a school, college, or university.[*US*]

И, наконец, Cambridge не содержит никакой информации о принадлежности данной единицы американскому или британскому английскому:

Cambridge: **term paper** the main research paper written by a student for a particular class or subject during the school year.

То, что два словаря представляют информацию о региональном статусе единицы в дефинициях, в то время как два других – в пометах, может означать, что лексикографы по-разному трактуют термин «американизм».

Сравнительный анализ многих других словарных статей, содержащих регионально-маркированные единицы или ЛСВ единиц, показал, что неоднородность представления исследуемыми словарями информации о региональной маркированности затрагивает семантическую структуру, систему помет и отсылок, дефиниции, сведения о частотности.

В некоторых случаях интересующая нас информация содержится в словосочетаниях с заголовочной единицей:

(«зона словосочетаний» в словарной статье на слово **finance** (n.) в Oxford)

change / exchange money / currency / (British English) **traveller's cheques** / (US English) **traveler's checks**

depend / be dependent on (British English) **benefits** / (North American English) **welfare**

Согласно Oxford, бритицизм **traveller's cheques** и американизм **traveler's checks** являются структурными вариантами, в то время как бритицизм **benefits** и американизм **welfare** – семантическими аналогами.

И наконец, в редких случаях информация о региональной маркированности может быть представлена в предложениях-примерах употребления единиц, например:

(второй ЛСВ слова **gas** в Oxford)

a particular type of gas or mixture of gases used as fuel for heating and cooking

- (British English) Preheat the oven to gas mark 5 (= a particular temperature of a gas oven).

Анализ макроструктуры словарей «Большой Пятёрки» показал, что помимо упомянутых выше способов представления информации о принадлежности единиц английского языка тому или другому его национальному варианту, онлайн-версии некоторых словарей предлагают словари американского английского (American Thesaurus в Collins и Oxford Advanced American Dictionary).

Исследование структуры словарей «Большой Пятёрки» показало, что:

1. региональная маркированность единиц английского языка может быть представлена во всех частях словарной статьи, а именно: в пометах, отсылках, словосочетаниях, предложениях-примерах, дефинициях, примечаниях; а также отдельными словарями американского английского;
2. исследуемым словарям свойственна неоднородность представления информации о региональной маркированности единиц, что может создавать трудности при анализе системных, прагматических и функциональных характеристик единиц;
3. несмотря на то, что наблюдаются расхождения в представлении региональной маркированности единиц словарями, они являются надежным источником материала исследования особенностей американского и британского английского благодаря оперативному реагированию на изменения, происходящие в языке, и обучающей направленности.

Список литературы

1. Денисов К.М., Карпова О.М. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского Государственного Университета. Серия: Гуманитарные Науки. №1. – Иваново: Ивановский Государственный Университет. – 2018. – С. 39-44.
2. Голубкова Е.Е. Возможности использования корпусов в целях лингвистического исследования // Магия ИННО: Новые измерения в лингвистике и лингводидактике. Сборник научных трудов: в 2-х томах. Том 1. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2017. – С. 394-400.
3. Труфанова М.В. Применение цифрового словаря с корпусом для работы над лингвистическими проектами по немецкому языку // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина. – 2011. – №8. – С. 229-232.
4. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.04.2017)
5. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 25.04.2017)
6. De Schryver, Gilles-Maurice State-of-the-Art Software to Support Intelligent Lexicography // Proceedings of the International Seminar on Kangxi Dictionary & Lexicology. – Beijing: Beijing Normal University, 2009. – P. 565–580.
7. Fuertes-Olivera P.A., Bergenholtz H. e-Lexicography: The Internet, Digital Initiatives and Lexicography. – New York: Bloomsbury Publishing, 2011. – 368 p.
8. Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 25.04.2017)
9. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 25.04.2017)
10. Oxford Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 25.04.2017)
11. Strevens P. The effectiveness of learners' dictionaries // Studies in Lexicography. – Oxford: Oxford University Press, 1987. – 312 p.

10.02.00

**Л.И. Антропова д-р филол. наук, Л.С. Полякова канд. филол. наук,
Ю.В. Южакова канд. филол. наук**

Магнитогорский государственный университет им. Г.И. Носова,
кафедра иностранных языков по техническим направлениям,
Магнитогорск, alitier@mail.ru, lilitmgn@mail.ru, julia_south@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена особенностям переводческих трансформаций английского медиатекста на примере перевода статьи «Putin - Medvedev: Russia's Managed Drama». В статье описаны наиболее перспективные способы и приемы перевода, используемые для медийных текстов. Рассмотрены особенности переводческих трансформаций; установлены закономерности, обеспечивающие адекватный перевод медиатекста с английского языка на русский. Выявлены способы перевода англоязычного медийного текста на русский язык.

Ключевые слова: *текст, медиатекст, стилистическая трансформация, грамматическая трансформация, синтаксическая трансформация, морфологическая трансформация.*

В современных условиях медиатекст занимает одно из центральных мест бытования национального языка, изучение которого помогает выявить своеобразные характеристики современного языка. Кроме того, лингвопереводческое исследование функционирования переводческих трансформаций приобретает сегодня особое значение, обусловленное повышенным интересом к изучению иностранных языков, что делает освещение данной проблемы актуальной. Цель данного исследования – выявить приёмы переводческих трансформаций, используемых при переводе английского медийного текста на русский язык.

Источником материала послужила русскоязычный вариант статьи «*Putin - Medvedev: Russia's Managed Drama*» [1], опубликованной на сайте британского издания «*Open Democracy*» [5]. Научная новизна исследования состоит в том, что подвергается сравнительно-сопоставительному анализу прием переводческих трансформаций медийного текста.

Среди лингвостилистических особенностей медиатекста, которые отличают его от языка других функциональных стилей, можно выделить: 1) экспрессивность языка как способ привлечения внимания читателя, 2) высокую степень стандартизации используемых средств, 3) насыщенность разнообразными реалиями (политической, общественной и культурной жизни), цитатами и аллюзиями, 4) использование фразеологии и идиоматической лексики (а также: игры слов, каламбуров, пословиц и поговорок), 5) применение иных стилистических средств, приемов и фигур речи, (образные сравнения, гиперболы, литоты, метонимия, метафоры, паронимическая аттракция, эвфемизмы, иносказания и др.) [3]. Поскольку эти особенности во многом и определяют специфику перевода медиатекста, переводчик должен иметь о них представление еще до того, как он приступает собственно к переводу [4].

Довольно ярким примером использования переводческих трансформаций является русскоязычный вариант статьи «*Putin - Medvedev: Russia's Managed Drama*», опубликованной на сайте британского издания «*Open Democracy*» [5]. Перевод вышеупомянутой статьи под заголовком «*Вопрос о престолонаследии в России*» можно найти на сайте ИНОСМИ [1].

Даже не проводя анализ заголовков этих двух статей, мы видим, что в русскоязычном варианте происходит полная замена заголовка: сравните англоязычную версию «*Putin - Medvedev: Russia's Managed Drama*», что дословно можно перевести как «*Путин – Медведев: российская постановка*» и русскоязычную версию заголовка «*Вопрос о престолонаследии в России*».

Полную замену заголовка можно объяснить стремлением переводчика максимально эффективно реализовать основную функцию любого заголовка – привлечь внимание читателя. Поскольку оригинал текста и его перевод рассчитан на абсолютно разные в историческом и культурном плане аудитории: англоязычную и русскоязычную, то и языковые средства, используемые в данных заголовках, кардинально отличаются. В англоязычной версии ситуация описывается с помощью назывной конструкции *Russia's Managed Drama* (*российская постановка*), в пресуппозицию которой входит постановочность, нереальность передачи власти в России, проводятся параллели со сценическим действием. Подобные назывные конструкции – метафоры, максимально ярко и кратко описывающие содержание статьи, часто используются в качестве заголовков в англоязычных СМИ. Видимо, такая подача материала для англоязычной аудитории является оптимальной, учитывая ее любовь к различного рода шоу и сенсациям. Такой способ представления информации позволяет максимально эффективно реализовывать функции привлечения внимания и воздействия. Русскоязычная версия заголовка «*Вопрос о престолонаследии в России*», по форме очень напоминающая заголовок научной статьи, претендует на обращение к вдумчивому читателю, знающему историю, т.е. человеку, относящему себя к интеллигенции. Использование лексемы *престолонаследие* (передача власти по наследству) имплицитно подразумевает отсутствие демократических процедур передачи власти в России.

Таким образом, оба варианта заголовка подразумевают, что власть в России передается лишь формально, не по-настоящему. Однако для передачи этой мысли в них используются разные метафоры. Для англоязычных читателей этой статьи передача власти в России – это спектакль, для русскоязычных – престолонаследие, при этом оба эти варианта имеют негативные коннотации в рассматриваемом контексте.

Таким образом, полная замена заголовка происходит из-за необходимости привлечь внимание и воздействовать на разные аудитории, обладающие разными картинками мира и разными ценностными ориентациями.

Gennady Zyuganov, leader of the Russian Communist Party (KPRF) declared his intention to stand early on; Vladimir Zhirinovskiy, leader of the Russian Liberal Democratic Party (LDPR) is likely to join him. - Уже заявил о своем желании участвовать в выборах Геннадий Зюганов, лидер Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Скорее всего, примет участие и лидер Либерально-демократической партии России (ЛДПР), Владимир Жириновский.

При переводе данного предложения произошла трансформация синтаксической структуры. Одно предложение в англоязычном варианте в русскоязычном варианте было разбито на два. Если в оригинале автор писал про кандидатов в форме перечисления, то здесь переводчик создаёт самостоятельное предложение и начинает со слов «Скорее всего, примет участие и...», в то время как в оригинале предложение начинается с имени кандидата.

Следует обратить внимание на порядок слов в образовавшихся предложениях. В англоязычном варианте применяется прямой порядок слов, осложненный приложениями: *Gennady Zyuganov, leader of the Russian Communist Party (KPRF) declared his intention to stand early on; Vladimir Zhirinovskiy, leader of the Russian Liberal Democratic Party (LDPR) is likely to join him.* В русскоязычном варианте используется обратный порядок слов и другие приложения: *Уже заявил о своем желании участвовать в выборах Геннадий Зюганов, лидер Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). Скорее всего, примет участие и лидер Либерально-демократической партии России (ЛДПР), Владимир Жириновский.*

Обратный порядок слов в русскоязычной версии можно объяснить делением предложений в русском языке на тему и рему, т.е. старую и новую информацию. Старую информацию принято излагать в начале предложения, а новую – в конце. Замена приложения *Vladimir Zhirinovskiy, leader of the Russian Liberal Democratic Party (LDPR)* на *лидер Либерально-демократической партии России (ЛДПР), Владимир Жириновский* не несет никакой смысловой нагрузки и могла быть использована переводчиком, чтобы избежать структурного однообразия рассматриваемых предложений. В русском языке принято

избегать всевозможных повторений, если они не несут особой смысловой нагрузки.

Подводя итоги данного анализа, можно сделать следующие выводы: наиболее часто используемой синтаксической трансформацией является изменение структуры предложения за счёт разделения предложения на два самостоятельных, а также трансформации причастных и деепричастных оборотов в придаточные предложения (и наоборот). С точки зрения использования грамматических трансформаций, наиболее распространёнными оказались трансформации изменения форм глаголов (время, залог, наклонение), применяемые для выполнения стилистической функции. Среди лексических преобразований наиболее часто используемым приёмом является описательный перевод. На наш взгляд выбор переводческих трансформаций, а также объём их использования в большей степени зависит от индивидуального стиля переводчика.

Список литературы

1. *Голосов Г.* Вопрос о престолонаследии в России // Open Democracy, 26.04.11, Великобритания, - [Электронный ресурс] - URL: <https://inosmi.ru/politic/20110426/168798665.html> (дата обращения 20.03.2018).
2. *Добросклонская, Т.Г.* Что такое медиалингвистика? / *Т.Г. Добросклонская* // Вестник Московского университета. – Сер. 19. – Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 9–17.
3. *Полякова Л.С.* Роль личности переводчика при выборе гендерных стратегий // Вестник Челябинского государственного университета. - Филология. Искусствоведение. Выпуск 57, № 24 (239), 2011. – Челябинск, 2011. – С.260-262.
4. *Южакова Ю.В.* Композиционные особенности медиатекста, актуализирующие принцип толерантности // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Ульяновский государственный университет. 2008. С. 403-405.
5. *Goloso G.* Putin - Medvedev: Russia's Managed Drama // Open Democracy, 25.04.11, Great Britain, - [Электронный ресурс]-URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/grigori-goloso/putin-medvedev-russias-managed-drama> (дата обращения 20.03.2018)

10.02.00

Б.Б. Базарова канд. филол. наук

Бурятский государственный университет,
Институт филологии и массовых коммуникаций,
кафедра английского языка и лингводидактики,
Улан-Удэ, bbbazarova@mail.ru

SKETCH ENGINE В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья посвящена корпусному подходу в лингвистических исследованиях. В работе обращается внимание на корпусно-когнитивный подход в изучении языковых явлений. В качестве примера используется англоязычный корпус Sketch Engine.

Ключевые слова: *английский язык, корпусная лингвистика, электронный корпус, Sketch Engine, корпусно-когнитивный подход.*

В науке сегодня все чаще доминирует интегративный подход, лингвистика не является исключением. «Использование компьютерных технологий для сбора и хранения материала лингвистического исследования позволяет в полной мере задействовать преимущества нового способа. ...Ускоряется процесс получения языкового материала, использование Интернета в качестве средства дистанционного доступа нивелирует расстояния, объём информации увеличивается многократно, компьютерные программы хранения и обработки данных позволяют быстро получать доступ к необходимой информации и так же быстро её обрабатывать» [4, 2007: 277].

Корпусная лингвистика дает материал для различного рода исследований языка и определяет основной метод анализа текстов - анализ на базе корпусов. Этот метод широко используется и в обучении языку, как иностранному, так и родному (см., например, [7, 2010]). Таким образом, можно говорить о новых методах, повышающих эффективность работы и преподавателя, и студента. Однако в первую очередь корпус дает возможность проводить лингвистические исследования на обширном аутентичном языковом материале, таким образом, речь может идти о достаточной достоверности полученных результатов.

На сегодняшний день не встречается пока единой трактовки в терминологии при обсуждении использования корпусов, так, фигурируют термины «корпусный подход», «корпусный метод», либо вовсе встречается лишь ссылка на обращение к такому-то корпусу.

Другим аспектом обсуждения является вопрос о революционности/традиционности, т. е. степени новизны метода/методов, выработанных в корпусной лингвистике. А. Ю. Мордовин, в частности, считает: «Такой способ лингвистического анализа является, несомненно, прогрессивным; он исключает возможность авторского произвола в притягивании языковых фактов под необходимую теорию, возводит на новую ступень убедительность языковых теорий. Одновременно, методологически данный метод не является революционным, не составляет собой новой исследовательской парадигмы, но является лишь технологически обусловленным способом механизации и компьютеризации традиционных методов лингвистического анализа» [6, 2013: 71].

Известно, что методика исследования во многом зависит от уровня развития науки, от конкретных задач той или иной работы. В. В. Мамонтова использует термин «метод» и к таковым в корпусной лингвистике относит: «1) филологические методы, 2) теоретико-лингвистические методы, 3) математические (статистические) методы, 4) методы информационных технологий. К первой группе относятся методы, связанные с проблемами жанров, авторства текстов, доли текстов того или иного жанра и тому подобные. Ко второй группе – методы и приёмы, связанные с общими и частными лингвистическими проблемами отбора текстов и представления лингвистической информации в корпусе. Третью группу

составляют методы математической статистики, связанные с количественными аспектами выборки, обеспечения её репрезентативности. В четвёртую группу могут быть включены методы информатики, с помощью которых обеспечивается компьютерное представление и обработка данных корпуса» [4, 2007: 278].

Приведенная классификация методов иллюстрирует те широкие возможности, которые заложены в корпусе, когда исследователь, исходя из своих конкретных научных целей, может выбрать свой подход к анализу языкового материала, применяя тот или иной метод. Это зависит от следующих условий: способа коммуникации, от того, исследование основано на корпусе или, наоборот, корпусные данные служат постановке научной задачи, способ (режим) получения данных, является ли корпус аннотированным или не является таковым, используется общая статистика или выборочная, одноязычный или многоязычный корпус [8, 2001].

К корпусной лингвистике обращаются и лексикографы. Так, большие массивы языковых данных служат для составления электронных словарей. Обращаются к корпусу и в психолингвистике, например, для изучения языкового сознания (см., например, [2, 2009]).

Особенный интерес к корпусам проявляют когнитологи. Когнитивная лингвистика придерживается идеи интердисциплинарности. Поэтому неудивительно, что методы двух наук объединяются и дают принципиально новую методологию, когда к методам когнитивного анализа, в частности, семантики слова, привлекается корпусно-компьютерный подход (см. [5, 2015], в частности, [3, 2015], см. также [1, 2016]).

Переходя к собственно корпусам, следует заметить, что самым известным англоязычным корпусом, безусловно, является Британский национальный корпус (British National Corpus – BNC), который постоянно пополняется новыми подкорпусами, появляются новые увлекательные возможности для работы. Мы же хотим обратить внимание на другой корпус – Sketch Engine.

Корпус дает возможность выбора подкорпуса по языку, по объему. Обратимся к подкорпусу English Web 2015 (enTenTen15), который вмещает в себя 20 миллиардов слов (для сравнения: BNC насчитывает 96 миллионов слов). В меню, наряду с обязательной домашней страницей (Home), информацией о корпусе (Corpus info), инструкцией пользователя (User guide) и поисковой строкой (Search), есть следующие опции: список слов (Word list), отличительный признак этого корпуса – разнообразная информация, которую можно получить об искомом слове (Word sketch), тезаурус (Thesaurus), сопоставление слов, например, близких по значению и под. (Sketch diff), сохранение результатов работы (My jobs). В качестве примера рассмотрим прилагательное *nice*.

Тезаурусное рассмотрение дает следующую картину. Во-первых, частотность встречаемости слова в этом корпусе составляет 1.485.424, или 80.77 на миллион слов. Во-вторых, корпус выдает таблицу из 60 близких, похожих по значению слов с указанием их частотности и индекса частотности в данном корпусе. Сравнительный анализ можно продолжить далее. Так, первым в списке стоит *wonderful* и при обращении к нему мы получаем результат сопоставления: семнадцать таблиц, в которых отражается лексико-грамматическая валентность (с существительными, наречиями, в конструкциях и под.) со всей статистической выкладкой. В-третьих, рядом с табличной частью корпус выдает облако из слов, в свою очередь интерактивных, наводя курсор на интересующее слово, можно получить ту же статистику по нему.

Рассмотрим вкратце сочетаемостные характеристики *nice*. Самая частотная сочетаемость с наречием (modifiers of “nice”) – *very (a very nice)*, с существительным (nouns modified by “nice”) – *guy (a nice guy)*, с предлогом (prepositional phrases) – *for (nice for...)*, с инфинитивом (infinitive of objects of “nice”) – *to see (nice to see)*, глагольная сочетаемость (verbs before “nice”) – *look (look nice)*, *play nice with*, (verbs complemented by “nice”) – *say sth nice*, (subjects of “be nice”) – *weather (the weather is nice)*. Мы не стали здесь приводить статистику частотности и встречаемости, сделав выборку лишь по абсолютной частотности. Итак, на этом примере мы рассмотрели возможности для анализа частотности употребления единиц

языка, их сочетаемостных особенностей, включая устойчивые сочетания, синонимических рядов. Кроме того, корпус дает возможность контекстного изучения лексемы, переводные варианты. Краткий экскурс, предложенный здесь, приводится лишь для иллюстрации возможностей корпусов.

Методологический аппарат корпусной лингвистики является перспективным инструментом. Корпуса текстов позволяют проверять лингвистические гипотезы, теории; их можно использовать для любых практических работ с языковым материалом, в частности, как большие массивы текстовых примеров на трудные явления языка. Большой (репрезентативный) объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений. Эффективность использования возможностей корпусной лингвистики очевидна, но они пока не находят должной реализации в лингвистических исследованиях и в обучении иностранному языку.

Список литературы

1. *Базарова Б. Б.* Об одном из методов когнитивного анализа // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация в современной парадигме знаний: материалы III международной научно-практической конференции 18 марта 2016 г. – Чита: РИЦ ЧГМА, 2016. – с. 15 – 19.
2. *Борискина О. О.* Корпусная vs. Психоллингвистика: конфронтация или кооперация. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и Межкультурная коммуникация. 2009. № 2. – с. 34 – 38.
3. *Голубкова Е. Е.* Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход // под общ. ред. В. И. Заботкиной – М.: Языки славянской культуры, 2015. - (Studia philologica). – С. 39 – 80.
4. *Мамонтова В. В.* Корпусная лингвистика и лингвистические корпусы // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. Проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. – с.с. 275-283.
5. *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход* / под общ. ред. В. И. Заботкиной – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 344 с. – (Studia philologica).
6. *Мордовин А. Ю.* Корпусы текстов в методологии лингвистического исследования: степень новизны относительно традиционного подхода // Филология и человек, 2013. – с. 64 – 72.
7. *Сысоев П. В.* Лингвистический корпус в методике обучения иностранным языкам // Язык и культура. – 2010. - № 1 (9). – с. 99 – 111.
8. *McEnery, T. and Wilson, A.* Corpus Linguistics, Edinburgh University Press, Edinburgh, 2001.
9. *British National Corpus* – <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
10. *Sketch Engine* - <https://the.sketchengine.co.uk>

10.02.00

Л.В. Базарова канд. филол. наук, Г.И. Салыхова канд. пед. наук, М.А. Яхин

Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, отделение юридических и социальных наук, кафедра филологии,
Набережные Челны, shagapovalilya@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
отделение Высшая школа иностранных языков и перевода, кафедра иностранных языков для физико-математического направления и информационных технологий,
Казань, gulnarik_sal@mail.ru, yakhinmarat94@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛЬМОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье проведен семантический анализ фильмонимов в английском и русском языках. Изучение фильмонимов с точки зрения семантического аспекта строится на основе того, какой критерий выделять для классификации. Исходя из трех неотъемлемых составляющих художественного мира произведения, выделяются три типа фильмонимов: указывающие на объект, время и место действий. Иная семантическая классификация базируется на функциональном аспекте. В данном отношении также выделяются три типа названий фильмов, каждый из которых отличается своеобразием. Систематизация фильмонимов согласно информативной функции предполагает выделение трех подгрупп: собственно информативные, информативно-концептуальные, информативно-образные.

Ключевые слова: фильмонимы; заглавие; произведение; семантический аспект.

Среди всех аспектов изучения фильмонимов, центральным представляется семантический, так как название киноленты, так же как и название любого литературного произведения, в краткой форме передает его содержание, может также представлять главного героя, время или место действий. Именно семантический аспект изучения заглавий делает их особым разрядом имен собственных.

При анализе семантических особенностей заглавий кинокартин представляется целесообразным сослаться на систематизацию заголовков, получившую обширное распространение в науке. Данные классификации были разработаны такими всемирно известными учеными-лингвистами как А.В. Ламзина, Н.А. Кожина, Л.М. Щетинин.

Основу первого подхода к классификации названий составляют три неотъемлемые составляющие художественного мира любого произведения: человек, время и пространство. «Три составляющих художественного мира относятся к универсальным текстовым категориям. Наличие указанных трех компонентов в каждом произведении является обязательным» [Ламзина 1997].

Принципы формирования художественного мира произведения подразумевают выделение следующих типов заглавий кинематографических произведений:

- I. Фильмонимы, указывающие на объект.
- II. Фильмонимы, отображающие место происходящих событий.
- III. Фильмонимы, передающие время происходящих событий.

I. Названия фильмов, отмечающие объект в широком смысле данного слова. Указанная группа фильмонимов, отображающая объект сюжета в широком смысле этого слова, является самой многочисленной.

В представленной группе названий фильмов выделяется несколько семантических подгрупп.

Заглавия, определяющие действующее лицо и группу лиц: «Spy» – «Шпион», «The fantastic four» – «Фантастическая четверка», «Зловещая шестерка» – «The sinister six», «Спразжи галактики» – «Guardians of the galaxy», «Женщины против мужчин».

Названия, входящие в данную подгруппу могут включать:

а) личное имя героя: «Золушка» – «Cinderella», «Гудини» – «Houdini», «Безумный Макс: дорога ярости» – «Mad Max: fury road».

Такие названия становятся тенденцией как в российском, так и зарубежном кинематографе. Но многие из такого рода названий мало информативны и их воздействующая функция сводится к нулю. Напротив, смысловую емкость и семантическую насыщенность несут те фильмонимы, которые включает в себя антропоним, т.е. имя широко известной личности: «Вселенная Стивена Хокинга» – «The theory of everything», «Курт Кобейн: чертов монтаж» – «Kurt Cobain: montage of heck».

Также высокоинформативными являются фильмы, которые представляют собой экранизации одноименных литературных произведений: «To kill a mockingbird» – «Убить пересмешника», «The picture of Dorian Gray» – «Портрет Дориана Грея», «The Great Gatsby» – «Великий Гэтсби», «Анна Каренина» – «Anna Karenina», «Война и мир».

б) прозвище или кличка героя: «DUFF» – «Простушка», «Человек-муравей» – «Ant-man», «Агент 47» – «Agent 47», «Крепкий орешек» – «Diehard».

в) фильмонимы, указывающие на особенности внешности, поведения и характера героя: «Blood sucking bastards» – «Кровососущие подонки», «Hellions» – «Озорники», «The hateful eight» – «Омерзительная восьмерка», «Простушка» – «DUFF», «Безумный Макс» – «Mad Max», «Невидимки».

г) фильмонимы, указывающие на возраст героя: «Child 44» – «Номер 44», «The Graduate» – «Выпускник», «Подросток», «Несносный дед» – «Bad grandpa».

е) названия кинолент, которые указывают на профессию действующих лиц, специальность, социальный статус и т.п. Применение подобных элементов в названии устанавливает связь с конкретным кругом зрительской аудитории: «The Judge» – «Судья», «Guardians of the Galaxy» – «Стражи Галактики», «The last witch hunter» – «Последний охотник на ведьм», «The Transporter» – «Перевозчик», «Шпион» – «Spy», «Колдун», «Курьер из Рая», «Сыщик Путилин».

Подобные названия могут быть источником информации о том, о ком и о чем идет речь в кинофильме. Однако интерпретация названий может быть разной и прогноз только по названию кинофильма не всегда оказывается верным. Например, фильмоним «The Nutty Professor» – «Чокнутый профессор». Либо это сумасшедший профессор, либо очень добрый, бесхитростный и мягкий. И действительно, это фильм комедийного содержания о безобидном профессоре.

ф) фильмонимы, указывающие на объект, который отражает родственные, дружеские или неприяельские отношения: «The chronicles of Narnia: the Magician's nephew» – «Хроники Нарнии: племянник чародея», «Bad grandpa» – «Несносный дед», «Mommy» – «Мамочка», «The skeleton twins» – «Близнецы», «Сводная сестра».

II. Фильмонимы, указывающие на место происходящих действий.

Данная группа фильмонимов так же представляет один из компонентов художественного мира произведения – пространство. «Даже общие названия того или иного места свидетельствуют о предельно широком значении создаваемого автором художественного образа» [Ламзина 1997]. Например, «Владивосток», «Hanover street» – «Ганновер-стрит».

Место действия может быть как реальным, так и ирреальным, как например, в фантастическом жанре: «Outpost 37» – «Район 37», «Однажды в Нью-Йорке» – «Song one», «Jurassic World» – «Мир Юрского периода», «Second best exotic Marigold hotel» – «Отель Мэриголд: лучший из экзотических», «Shutter Island» – «Остров проклятых», «Бухта смерти», «Алиса в стране чудес» – «Through the looking glass».

Названия, указывающие на место действия, могут включать в себя контекстуальные элементы со значением «перемещение / передвижение» — дорога, скитание, путешествие: «A walk among the tombstones» – «Прогулка среди могил», «Flying home» – «Полет домой», «На пути в Берлин», «Возвращение резидента».

III. Фильмонимы, отображающие время происходящих действий.

Подобные фильмонимы называют определенный временный отрезок: «*Last days in the desert*» – «*Последние дни в пустыне*», «*Avengers: Age of Ultron*» – «*Мстители 2: Эра Альтрона*», «*X-Men: Days of future past*» – «*Люди Икс: Дни минувшего будущего*». «*Пять минут*».

В эту же группу относятся названия фильмов, где лексическая единица со значением «время» сочетается с определением: «*Roman Holiday*» – «*Римские каникулы*», «*Большая перемена*».

IV. Фильмонимы, содержащие несколько семантических компонентов, отмеченных в других группах.

Названия кинокартин, содержащих одновременно различные компоненты, указывающие:

– на место и на событие или героя: «*Strangers on a Train*» – «*Незнакомцы в поезде*», «*Выстрел в лесу*», «*Алиса в стране чудес*» – «*Through the looking glass*»;

– на событие и героя: «*Невероятные приключения итальянцев в России*»;

– на объект и время: «*X-Men: Days of future past*» – «*Люди Икс: Дни минувшего будущего*»;

– на время событий и место: «*Last days in the desert*» – «*Последние дни в пустыне*».

Отсюда вытекает тот факт, что вышеуказанные три универсальные категории порой переплетены между собой таким образом, что разделить их фактически невозможно, что и подтверждает исследуемый материал.

Однако многообразие в семантике заглавий возможно продемонстрировать, базирясь и на другие существующие в лингвистике классификации. Учитывая информативную функцию фильмонимов, исследователь Н.А. Кожина выделяет три ведущих семантических типа названий фильмов: собственно информативные; информативно-концептуальные; информативно-образные [Кожина 1986].

Собственно информативные фильмонимы отличаются нейтральным, безоценочным характером. Как правило, подобные названия кинофильмов указывают на героя, время или место событий, иногда содержат отсылку на жанр кинокартины: «*Dr. Kildare*» – «*Доктор Килдэр*», «*Gremlins*» – «*Гремлины*», «*Preservation*» – «*Заповедник*», «*Mr. Holmes*» – «*Мистер Холмс*», «*Me and Earl and the dying girl*» – «*Я, Эрл и умирающая девушка*», «*The Paper*» – «*Газета*», «*Song one*» – «*Однажды в Нью-Йорке*», «*The Judge*» – «*Судья*», «*Big game*» – «*Большая игра*».

Подобные названия часто передаются структурой номинативного типа предложений, что создает не только лаконичность, но и семантическую емкость.

Информативно-концептуальные названия тесно связаны с идейным замыслом. Такие заглавия, как правило, выражают те или иные авторские идеи, его замысел: «*Catch Me If You Can*» – «*Поймай меня, если сможешь*», «*Now you see you*» – «*Иллюзия обмана*», «*Единожды солгав...*», «*Immortal beloved*» – «*Бессмертная возлюбленная*»,

«*Праздник взаперти*».

Информативно-концептуальные фильмонимы непосредственно обращены к зрителю. Данный факт подтверждается и их синтаксическими отличительными чертами: очень часто в роли подобных заглавий выступают побудительные или вопросительные предложения.

Отличительной чертой информативно-образных названий является тот факт, что при восприятии подобного рода названий крайне редко удастся определить содержание фильма, его основную тему, идею автора. Автор создает интригу использованием различных тропов и стилистических фигур: «*Back to the Future*» – «*Назад в будущее*», «*Little Shop of Horrors*» – «*Лавка ужасов*», «*The quick and the dead*» – «*Быстрый и мертвый*», «*X-Men: Days of future past*» – «*Люди Икс: Дни минувшего будущего*», «*Ant-man*» – «*Человек-муравей*», «*The return of the living dead*» – «*Возвращение живых мертвецов*», «*Голубые дороги*», «*Жених с того света*».

Таким образом, можно предположить, что между содержанием фильма и его заглавием существует тесная взаимосвязь. Фильмонимы в какой-то степени передают содержание фильма, место или время происходящих действий. Исходя из вышеприведенного исследования, целесообразно полагать, что заглавия произведений так или иначе соотносятся с сюжетом киноленты.

Выделенные три группы семантических видов фильмонимов представлены в таблице 1, отображающей их частотность и количество.

Таблица. 1. Семантические типы фильмонимов

		Русский язык	Английский язык
I группа	Объект	92	86
II группа	Место	28	21
III группа	Время	13	9
IV группа	Несколько компонентов	11	7

Исходя из анализа, можно полагать, что наиболее частотны фильмонимы, которые представляют главного героя, называют его имя, отражают действующее лицо или группу лиц. Их число равно 86 заглавиям в английском языке и 92 в русском, что составляет 55,1% и 54,1% соответственно. Самая малочисленная группа – фильмонимы, содержащие несколько компонентов одновременно (7 названий (4,4%) англоязычных кинофильмов и 11 названий (6,4%) русских кинокартин).

Список литературы

1. *Кожина Н.А.* Заглавие художественного произведения: структура, функция, типология (на материале русских произведений XIX-XX): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986. С. 123-135.
2. *Ламзина А.В.* Заглавие литературного произведения // *Русская словесность*. – 1997. – №3. – С. 75-80.
3. *Щетинин Л.М.* Имена и названия. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1966. – С. 89-97.

10.02.00

А.М. Бальян

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
стоматологический факультет, кафедра лингвистики,
Краснодар, ksma-lingua@mail.ru

**ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АЛИСЫ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. КЭРРОЛЛА
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» И «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ»
С УЧЕТОМ ЕЕ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ**

Статья посвящена изучению индивидуальности языковой личности Алисы с учетом ее возрастных особенностей. Нами анализируются речевые навыки Алисы и делаются выводы об отнесенности ее к определенному типу языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, словарный запас, речевое развитие, грамматические конструкции, тип языковой личности.

Человек являясь носителем вербального мышления, рассматривается лингвистами как языковая личность.

Приоритет в построении единой теории языковой личности принадлежит Ю.Н. Караулову, он достаточно полно раскрывает понятие языковой личности определяя ее как «любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире... Языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструируемая в основных своих чертах на базе языковых средств [1, с. 39].

Изучение языковой личности в тесной связи с человеком, учитывая его практическую деятельность, мышление, принимая во внимание его психофизические и интеллектуальные факторы, стало приоритетным для лингвистов. В этой связи Ю.Н. Караулов писал: «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [1, с. 7].

Языковую личность автор понимает как совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, точностью и глубиной отражения действительности, определенной целенаправленностью [1, с. 245].

В.Д. Лютикова дает следующее определение языковой личности: «Языковую личность следует понимать как совокупность языковых свойств, типичных для некоего конкретного человека» [6, с. 4; 10].

На основании этого мы будем изучать особенности языковой личности Алисы – героини произведений Льюиса Кэрролла с целью создания типологии ее языковой личности. Мы проведем анализ уровня когнитивно-речевого развития, речемыслительных процессов, словарного запаса, умения общаться, внутренних качеств, интеллекта Алисы в процессе ее речевой деятельности.

Отметим большой словарный запас девочки, ее умение правильно использовать вербальные средства в соответствии с правилами стилистики, грамматики, применять различные образные средства.

Приведем примеры, демонстрирующие широкий словарный запас Алисы:

"She said this last word two or three times over to herself, being rather proud of it: for she thought, and rightly too, that very few little girls of her age knew the meaning of it at all. However, "jury-men" would have done just as well [5, p. 13].

«Последнее слово она повторила про себя раза два или три – она очень гордилась тем, что знает такое трудное слово; немного найдется девочек ее возраста, думала Алиса (и в этом она была права) понимающих, что оно значит. Впрочем, назвать их «присяжными заседателями» также было бы верно» [3, с. 119].

Алиса, возможно, читает и понимает книги, предназначенные для старшего возраста (где еще она могла прочесть все о суде?), а также газеты (она упоминает, что «в газетах часто пишут «выдворили из пределов»), что говорит о развитости ее интеллекта, о желании получать новые знания отовсюду. Алиса также впитывает и хорошо усваивает нравоучения, содержащиеся в книгах:

“For she had read several nice little stories about children who had got burnt, and eaten up by wild beasts, and other unpleasant things, all because they would not remember the simple rules their friends had taught them” [5, p. 40].

«Она недаром перечитала множество поучительных рассказов про детей, с которыми случались разные неприятности... и всё потому, что они забывали (или не хотели помнить!) советы старших» [4, с. 18].

Речь Алисы насыщена яркими и запоминающимися образами и сравнениями, что говорит о ее развитом уме и богатом лексиконе:

“...then Alice, thinking it was very like having a game of play with a cart-horse, and expecting every moment to be trampled under its feet...” [5, p. 69].

«Играть с ним, подумала Алиса, все равно, что играть с ломовой лошадей – того и гляди, погибнешь под копытами!» [3, с. 50].

Отметим креативность языковой личности Алисы, которая, в частности, сама придумывает имя коту и угождает ему.

“Cheshire-Puss”, she began, rather timidly, as she did not at all know whether it would like the name: however, it only grinned a little wider. “Come, it’s pleased so far,” thought Alice, and she went on. “Would you tell me, please, which way I ought to go from here?” [5, p. 90].

«- Чеширский Мурлыка... - заговорила Алиса несмело – она не знала, понравится ли ему такое обращение.

Кот в ответ улыбнулся еще шире.

«Значит, не сердится,» - подумала Алиса и продолжала:

- Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?» [4, с. 61].

Для речемыслительного процесса Алисы характерна образность, например:

- “How can she knit with so many?” the puzzled child thought to herself “She gets more and more like a porcupine every minute!” [2, p. 77].

«Алиса взглянула на Козу и обомлела: Коза Вязала Четырнадцатью Спицами.

- И как это у нее выходит? – ужаснулась Алиса. – Теперь она похожа не на Козу, а на Дикобраза!» [2, с. 170].

В очень коротком предложении присутствуют такие качества речи, как выразительность, точность; в ней четко отражается эмоциональный настрой героини, что делает ее речь убедительной.

В следующем примере Алиса заменяет интересующий ее вопрос (не очень вежливый, по ее мнению), на другой, не дающий прямого ответа, но из которого можно догадаться, кусается насекомое или нет, что говорит об умении создавать речевые произведения с определенной целенаправленностью:

“What kind of insect?” Alice inquired a little anxiously. What she really wanted to know was, whether it could sting or not, but she thought this wouldn’t be quite a civil question to ask. [2, p. 43].

«- Какое насекомое? – забеспокоилась Алиса. На самом деле она хотела узнать, кусается ее собеседник или нет, но задать такой вопрос прямо было бы, конечно, невежливо» [3, с.189].

Таким образом, проанализировав некоторые фрагменты речи Алисы, где, на наш взгляд, очевидна целостность языковой личности ребенка, в том числе уже сформировавшаяся ее интеллектуальная составляющая, что нехарактерно для семилетнего возраста, Алису можно охарактеризовать как сильную языковую личность. Мы можем так же отнести языковую личность Алисы к национально-специфическому типу. Во-первых, Алиса в своей речи использует грамматические конструкции выражения позволения или просьбы, свойственные английскому языку. Она часто произносит важные в английском языке, часто употребляемые слова, придающие оттенок подчеркнутой вежливости “thank you” («спасибо») и “please” («пожалуйста»), что тоже весьма характерно для английской речи. Во-вторых, Алиса осознаёт уклад английской жизни, участвует в традиционных ритуалах, поддерживает английскую систему ценностей.

Список литературы

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
2. Кэрролл, Л. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл. На англ. яз. – М., 2004. Кэрролл, Л. Алиса в Зазеркалье / Л. Кэрролл / перекл. и предисл. Вл. Орла. Сказки / пер. с англ. – Краснодар, 1990.
3. Кэрролл, Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: Пер. с англ. Н.М. Демуровой / Л. Кэрролл. – М., 1985.
4. Кэрролл, Л. Алиса в Стране Чудес / перекл. и предисл. Б. Заходера / Л. Кэрролл / пер. с англ. – Краснодар, 1990.
5. Кэрролл, Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Набоков В. Аня в стране чудес / Л. Кэрролл. Повесть-сказка. На английском и русском языках. – М., 2000.
6. Лютикова, В.Д. Языковая личность и диалект / В.Д. Лютикова. – Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 1999. – 185 с.

10.02.01

Н.И. Белунова д-р филол. наук, А.Б. Черняева канд. филол. наук

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского
кафедра русского языка,
Санкт-Петербург, belunova.n@mail.ru; chernyaeva-a@mail.ru

**СВОБОДНОЕ ОПЕРИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ТЕКСТАМИ
КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ
НОСИТЕЛЕЙ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
КОНЦА XIX –ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)**

Авторами статьи выявляются прецедентные тексты, содержащие культурную ценность, в дружеских письмах творческой интеллигенции конца XIX- первой четверти XX века и рассматриваются функциональные разновидности прецедентных текстов, свободное оперирование которыми квалифицируется как характерная особенность носителей элитарной речевой культуры.

Ключевые слова: *прецедентные тексты, элитарная культура речи, интертекст, маркированные цитаты, функция.*

Эпистолярное наследие составляет важную часть духовной культуры человечества. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX -первой четверти XX века выдающихся поэтов и писателей, ученых, музыкантов, театральных деятелей – отражают духовные, творческие поиски идеалов их авторов и представляют собой уникальный, недостаточно изученный языковой материал. Авторы данных писем представляли собой культурную микросреду, уникальную по своей духовности, энциклопедичности знаний, широте и многогранности интересов и несомненно являлись носителями элитарной речевой культуры.

Доказано, что ведущую роль в национальной культуре играет элитарная культура. В докторской диссертации Т.В.Кочетковой [7] подчеркивается, что создание в недалеком будущем концепции современной культуры речи невозможно без учета достойного речевого поведения представителей элитарной речевой культуры. При этом изучение текстов, принадлежащих носителям элитарной речевой культуры (в частности, текста дружеского письма как личностно ориентированного средства общения) не может оставаться без внимания исследователей. Сказанное подчеркивает актуальность и научную новизну нашей работы.

Элитарная речевая культура определяется исследователями как самый высокий уровень культуры речи, как искусство владения языком [5]. При этом исследователи выделяют основные особенности элитарного типа речевой культуры: владение всеми функциональными стилями, разграничение устной и письменной форм речи, строгое следование законам жанра, владение многословным словарем, соблюдение всех ортологических норм современного русского литературного языка, уважительное отношение к собеседнику, обращение ко все новым и новым источникам знаний, жесткий самоконтроль речи и др.[5]. Одним из самых существенных признаков носителей элитарной речевой культуры Т.В.Кочеткова считает нестандартность речи, творчески индивидуальные проявления, а также умение общаться и развитое «чувство партнера» [7].

С нашей точки зрения, элитарная речевая культура имеет специфику проявления, обусловленную главным образом социально-культурным статусом языковой личности, ее принадлежностью к определенной эпохе, особенностями жанра общения [см. об этом:3].

В данном случае рассматривается такая особенность носителей элитарной речевой культуры, как свободное оперирование прецедентными текстами, представляющими культурную ценность. При этом мы разделяем точку зрения исследователей, которые прецедентные тексты понимают как тексты, хорошо известные широкому окружению определенной личности, включая ее предшественников и современников [6].

В дружеских письмах прецедентные тексты могут быть эксплицитными, когда «чужое слово» резко подчеркнуто (при этом в качестве маркеров прецедентных текстов могут выступать кавычки, курсив, разрядка и другие типографские знаки, а также прямое указание, т.е. ссылка на источник) и имплицитными, т.е. завуалированными, скрытыми, когда прецедентные тексты не маркированы.

Отметим, что нами рассматриваются маркированные, эксплицитные прецедентные тексты, поскольку именно маркированные тексты наиболее ярко подчеркивают наличие «чужого» высказывания.

К прецедентным текстам мы относим: маркированные цитаты (1), библейские тексты (2), пословицы, афоризмы (3):

1. «Пока верилось, что все в жизни от тебя зависит – начинала эту стену пробивать головой, но жизнь научила, что стена крепче головы, и это средство оставлено, что же теперь-то предпринять? Есть какие-то стихи, которые кончались так: *“Весь пыл души моей истратил я на грезы, когда настанет жизнь, мне нечем будет жить. Я пролил над мечтой восторженные слезы, когда придет любовь, не хватит сил любить”*. (В. Ф. Комиссаржевская – Е. П. Карпову. Первая половина марта, 1898. Петербург).

2. *«Ибо не может человек ничего принимать на себя, если не будет дано ему с неба»* (Евангелие Иоанна, IV, 27). Никакое насилие над собственной волей не поможет, если в ней самой не заложено чувство духовного роста, священное устремление к предмету культа. Тут различается истинная любовь от неистинной: к неистинной нужно принуждать себя <...>» (А. Блок – Л. Д. Менделеевой. 27 декабря, 1902. Петербург).

3. «А кроме того, есть другое наблюдение одного английского писателя, выразившееся в афоризме: *“Человек всегда имеет определенную цену, меняется лишь валюта”*» (В. В. Виноградов – Н. М. Малышевой. 19 апреля, 1926. Ленинград).

Отметим, что цитата понимается нами как «дословная выдержка из какого-л. текста» [8]. При этом маркерами цитаты являются кавычки или ссылка на источник.

М. Бахтин отмечал возможности различной степени и характера оценки, освоения и отчуждения «чужого» цитируемого слова. Через цитату происходит «подключение» текста-источника цитаты к авторскому тексту, модификация и обогащение последнего за счет ассоциаций, связанных с текстом-предшественником [2]. Эти два критерия – референциальность цитаты по отношению к своему источнику и ее смыслообразующая функция в новом тексте – отмечаются практически всеми исследователями [см., напр.: 1; 9 и др.]. При этом исследователи отмечают, что существует главным образом два варианта взаимодействия цитаты и цитирующего текста, т.е. нового текста, в котором она употребляется: 1) гармония двух текстов, континуум культур и 2) конфликт, столкновение, неприятие, когда цитата употребляется в пародийной функции [9; 1].

Проанализированный нами материал свидетельствует о том, что тексты дружеских писем и употребляемые в них цитаты как прецедентные тексты представляют собой главным образом гармоническое взаимодействие, когда возникает не отрицание, не неприятие «чужого» текста, «чужой» точки зрения, а, напротив, установление связи, взаимопонимания, преемственности культур.

При этом цитаты как прецедентные тексты используется адресантом главным образом для усиления смысла своего высказывания, для сообщения высказыванию большей значимости, убедительности, авторитетности. «Всякое появление “чужого голоса” приводит к повышению в этой точке текста интенсивности смысла, подобно вмешательству в разговор нового лица» [1, с. 417].

Прецедентные тексты отражают непрерывный процесс взаимодействия текстов и мировоззрений в общей цепи мировой культуры и свидетельствует о широте и многогранности интересов творческой интеллигенции.

Наиболее общая функция прецедентных текстов в дружеском письме – усиление смысла высказывания адресанта – может быть конкретизирована и представлена следующими функциональными разновидностями: 1) выражение внутреннего состояния адресанта (его настроения, чувств, эмоций), 2) усиление убедительности, авторитетности высказывания адресата, 3) ироническая функция («мягкая» ирония):

1. «Мое настроение упадническое. *“Ни сна, ни отдыха измученной душе”*.¹ Но все же перебираю давно начатую работу о Гоголе и привожу к концу» (В. В. Виноградов – Н. М. Малышевой. 4 сентября, 1925. Ленинград).

2. «Люди ошибаются, думая, что надо глядеть вниз, чтобы не споткнуться – нет, именно надо всегда, всегда глядеть вверх, и только тогда минуешь все препятствия. Когда артист делается нищим (если его душа делается пустой сумой), никого не смеет он винить в этом, потому что про душу артиста можно сказать то, что Христос сказал про себя: *“Я – правда, я и путь к правде”*» (В. Ф. Комиссаржевская – Н. Н. Ходотову. Середина июля, 1900. Железноводск).

3. «Хотя денег в кармане нет, но есть надежды их достать. А Кант-философ, *“величайшего ума человек”*,² – доказывал, что тридцать талеров воображаемых ничем не отличаются от тридцати талеров в кармане. Исходя из этой философской точки зрения, я пишу Вам письмо – последнее перед отъездом к Вам» (В. В. Виноградов – Н. М. Малышевой. 17 января, 1927. Ленинград).

Употребление прецедентных текстов наиболее характерно для писем А. Блока. При этом культурные и художественные ассоциации, преломляясь в творческом сознании А. Блока, не только не нарушают органичности авторской мысли, но и способствуют созданию неповторимости внутреннего мира поэта и его связи с великими предшественниками, отечественной и мировой культурой [см. также о многообразии прецедентных текстов в поэтическом творчестве А. Блока: 10].

Отметим, что прецедентные тексты можно рассматривать и как интертекстуальные средства («текст в тексте»), реализующие категорию диалогизации в тексте дружеского письма [см. об этом: 4].

Таким образом, употребление прецедентных текстов свидетельствует о высокой культуре, духовности, широте и многогранности интересов творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в., ее «открытости», ориентации на преемственность, взаимодействие культур, мировоззрений различных эпох, ориентации на продолжение и умножение творчества: создание уникальных художественных и научных ценностей.

¹ Из арии князя Игоря в одноименной опере А. П. Бородина.

² Из повести А. П. Чехова «Дуэль» (ср. со сходными репликами из «Вишневого сада») (см. прим. к письму В. В. Виноградова в журнале «Новый мир» 1995. №1. С. 200).

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / Науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб., 1999.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979
3. Белунова Н.И. Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.): Учебное пособие. –СПб, 2009. -103с.
4. Белунова Н.И. Дружеское письмо творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. в коммуникативном аспекте: Монография. - СПб, 2011. -199с.
5. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
6. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М., 1996. С. 297–302.
7. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: Автореф. дис. д-ра филол. наук. - Саратов, 1999. -53с.
8. Словарь русского языка: В 4 т., т.1, изд.3. АН СССР, Ин-т рус.яз./ Главн. ред. А. П. Евгеньева. - М., 1985. -699с.
9. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация, М., 1997. -вып. 2. - С. 13–25.
10. Субботина М. В. «Создавая из чужого свое» (цитаты, реминисценции, аллюзии в поэтических текстах А. Блока) // Русская литературная критика серебряного века: Тезисы и доклады, сообщ. Междунар. науч. конф. 7–9 октября 1996 г. Новгород, 1996. - С. 23–26.

Список источников

- Литературное наследство. Александр Блок. Письма к жене. – Т.89. - М., 1978. - 414с.
- Виноградов В. В. «Сумею преодолеть все препятствия». Письма // Новый мир, 1995. - № 1. - С. 173–213.
- Комиссаржевская В. Ф. Письма актрисы. Воспоминание о ней: Материалы. -М., 1964. - 423с.

10.02.04

Е.Н. Ветошкина канд. филол. наук, С.Г. Вишленкова канд. филол. наук

Мордовский государственный педагогический институт,
факультет иностранных языков,
кафедра английского и немецкого языков и методик обучения,
Саранск, syrkina@mail.ru, svetlana.vishlenkova@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ АКТ «ПРОЩАНИЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассматриваются основные способы выражения речевого акта «Прощание» в немецком языке, анализируется ритуал прощания в разных социумах, подчеркивается необходимость исследования речевого акта «Прощание», который выступает в тесной связи с контекстом и ситуацией.

Ключевые слова: *Речевой акт «Прощание», коммуникация, ритуал прощания, формулы прощания, рукопожатие.*

Особенностям и проблемам коммуникации посвящено много исследований, из которых можно сделать вывод, что лингвистический статус речевого акта, способы его выражения, как вербальные, так и невербальные, условия протекания речевого акта, актуальны и по сей день.

Каждый текст формируется в конкретном речевом акте. Речевым актом обозначается лингвистами любой зафиксированный текст, либо записанный, либо произнесенный вне зависимости от его объема. Не стоит забывать и про внутреннее речевое произведение, которое формируется во внутренней речи, не имеющее своего дальнейшего последующего устного или письменного воплощения.

Для прощания, как и любого другого речевого акта характерна двучленность и симметричность. Высказанное при прощании пожелание одним партнером, не может остаться безответным от другого партнера, так как существующие нормы этикета и правила поведения в обществе диктуют непереносимое и обязательное реагирование на прощание, побуждая реципиента вступать в коммуникацию с эмитентом. Формулам прощания присуща катафоричность, так как они предвосхищают следующие за ними реплики. К примеру, фраза „*Alles Gute!*“ (*Всего хорошего!*), предполагает наличие ответной формулы „*Ja klar, dir auch*“ (*Спасибо, тебе тоже*). Собственно говоря, часто ритуал прощания выступает в виде парной формулы: „*Wiedersehn!*“ - „*Wiedersehn!*“ (*До свидания! – До свидания!*), „*Tschüß!*“ – „*Tschüß!*“ (*Пока! – Пока!*).

Фрейм-ситуация, социальные, психологические факторы обуславливают выбор формулировок прощания. В немецком языке самой частотной нейтральной формой прощания по праву можно считать *Auf Wiedersehen!* (*До свидания!*), которая приобретает сокращенную форму в неформальном общении, при близком контакте *Wiedersehen!* (*До встречи!*). Существуют высказывания, которые можно охарактеризовать как вежливые способы выражения речевого акта прощания: *Gestatten Sie / erlauben Sie, dass ich mich verabschiede! Ich möchte mich verabschieden! Angenehme Nachtruhe! Auf ein baldiges glückliches Wiedersehen! Leben Sie wohl!* (*Разрешите / позвольте попрощаться! Я хотел бы попрощаться! Приятного вечера! До скорого счастливого свидания! Всего хорошего!*). Естественно каждая из перечисленных формул прощания обладает своими контекстуальными характеристиками протекания.

¹ Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнёров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ и МГПИ)

Помимо всего, способы выражения речевого акта «прощание» находятся в прямой зависимости от большого количества факторов, в том числе и социокультурного, ярким примером чего может послужить русская пословица «Конец – делу венец», так как правильно завершённый диалог выступает залогом последующего эффективного взаимодействия.

Ритуал прощания в русском речевом этикете предполагает выражение благодарности хозяевам за проведенное у них время, что является прямым противоречием немецкому речевому этикету, ибо прямое выражение благодарности в Германии не принято, и немцы часто удивляются русскому «Спасибо» при уходе из гостей. «Спасибо за что?» – выражают свое удивление немцы.

Присущая немцам специальная формулировка телефонного прощания имеет сильное отличие от устного прощания в речи: для устной речи характерна формула, имеющая буквальное значение «до повторного видения» – „Auf Wiedersehen”, которая в телефонной коммуникации преобразуется во фразу «до повторного услышания» – „Auf Wiederhören”. Именно так радиоведущий/ая прощается со слушателями своей программы:

..... *Auf Wiederhören morgen früh!* (...До повторного услышания завтра рано утром!) [4, с. 75].

Необходимо упомянуть о важности такого церемониала в Германии как рукопожатие. Обязательное пожатие рук характерно в первую очередь, при знакомстве, при каждой последующей встрече и каждом прощании как среди мужчин, так и среди женщин. Ритуал рукопожатия присущ Руки женщинам, студентам и преподавателям, врачам и пациентам, адвокатам и его клиентам, детям и родителям, ведущему телепередачи и его гостям.

Причиной появления таких формул прощания, как „Bis gleich!” (До скорого!), „Bis dann!” (пока!), „Bis dahin!” (До следующей встречи!), „Bis nachher!” (До встречи!), „Bis später!” (До встречи!), „Bis bald!” (До встречи!), „Bis morgen!” (До утра!). В данном случае русские обходятся формулами «Пока!», «До встречи!», «До скорого!» стали немецкая пунктуальность и приверженность к «жизни по расписанию».

Вышеупомянутые формулы немецкого языка обладают принципиальным значением при прощании. Например, „Bis gleich!” (До скорого!) имеет место быть лишь тогда, когда участники ритуала прощания расстались ненадолго, „Bis bald!” (До встречи!) отличается от „Bis gleich!” (До скорого!) тем, что предполагает более длительный период расставания. Следующие формулировки прощания „Bis später!” (До встречи!) и „Bis nachher!” (До встречи!) несут в себе значение еще более длительного периода разлуки. Если же между партнерами оговорено точное время следующей встречи, то при прощании релевантно употребление формулы „Bis dahin!” (До следующей встречи!), „Bis dann!” (пока!) [1, с. 56].

Территориально ограниченные варианты „Adieu!” (До свидания!), „Ade!” (Пока!), „Adju!” (Прощайте!), которые являются заимствованиями из французского языка (adieu: сращение предлога а и dieu «Бог»), присущи жителям южной части Германии. В Швабии и Саксонии весьма популярно прощание „Ade” (Пока!). Данный способ выражения прощания отличается от „Adieu!” (Прощайте!) тем, что он употребляется и по отношению к незнакомым людям, однако социальный статус в первом и втором случаях должен быть одинаковым [3, с. 551].

„Servus” – что на латыни означает «слуга» или даже «раб» – укоренилось в немецком языке ещё в раннем средневековье, и является, как полагают историки языка, самой старой из бытующей и по сей день форм прощания. Все остальные появились позже, включая и дежурное „Auf Wiedersehen” – до свидания. Синонимичной единицей является „Auf Wiedersehen” (До свидания!) с вариантом „Wiederschauen!” (Свидания!). Причем формула „Auf Wiedersehen” является диалектным вариантом, весьма типичным для жителей Баварии.

Большие региональные различия присущи формам прощания: например, австрийца или баварца сразу можно опознать по приветствию / прощанию „Grüß Gott!” (*Здравствуйте / Прощайте!*) вместо обычного „Hallo” (*Привет*) и напыщенному „Servus” (*Здравствуйте*) – вместо привычного „Tschüss” (*Пока*). И даже, находясь в другом регионе Германии или другой стране, баварцы остаются верны и преданы своим традициям и обычаям, демонстрируя лишь им присущие формулировки прощания в соответствующем ритуале [5, с. 75].

Новым формулировкам прощания вынуждены учиться и те, кто оказывается в местности, где живут потомки «швабов». Это диалект вызывает наибольшее количество насмешек, так как он наименее понятен непосвящённым.

При прощании швабы вместо обычного всем немцам „Schönen Abend noch” (*Приятно провести остаток вечера*) или „Gute Nacht!” (*Спокойной ночи!*) – употребляют: „Gootis Nächtle!” (*Спокойной ночи!*).

Для швабов характерно употребление уменьшительно-ласкательного суффикса „le” ко всему – в том числе и к формулам прощания: „Adele” – вместо „Ade”, или „Tschüssle” вместо „Tschüss” [2, с. 434].

С повсеместным внедрением „Tschüss!” (*Пока!*) прощание – как одна из форм человеческой коммуникации – стало более формальным, холодным, безликим.

В Германии ритуал прощания является гораздо более холодным и формальным в отличие, например, от американцев, которые вкладывают в момент прощания гораздо больше души, да и сам момент прощания выглядит куда более эмоционально интенсивным, чем в Германии.

Список литературы

1. Васильева, Н. А. Учись говорить вежливо на немецком языке (разговорные формулы): учеб. пособие / Н. А. Васильева. – Иваново, 2005. – 96 с.
2. Маккензен, Л. Немецкий язык. Универсальный справочник / Л. Маккензен; пер. с нем. Е. Захарова. – М. : Аквариум, 1998. – 592 с.
3. Папп, Ф. Паралингвистические факты. Этикет и язык / Ф. Папп // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика / сост. и общ. ред. Т. В. Булыгиной и А. Е. Кибрика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 546 – 553.
4. Alles Gute: Телевизионный курс немецкого языка / рус. Текст Д. О. Добровольского – М.: Акция, 1991. – 288 с.
5. Beile, W. Deutsch einfach 1: Frei Fassung / W. Beile, A. Beile. – Bonn: Inter Nationes, 1987. – 84 S.

10.02.00

Л.С. Гаибова, Ф.Х. Тарасова д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации, кафедра германской филологии
Казань, leysan.gaibova@mail.ru, fhtarasova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ)

Статья посвящена исследованию языковой игры на материале художественных произведений О. Генри. Нами создана классификация способов передачи языковой игры, образованной посредством омонимии. Особое внимание уделяется раскрытию экспрессивного потенциала языковой игры и выявлению стилистических средств, с помощью которых она реализуется. Представлена частотность употребления способов передачи языковой игры.

Ключевые слова: *языковая игра, омонимия, способы передачи языковой игры, экспрессивность, стилистические средства.*

Непревзойденное умение О. Генри раскрывать юмористический характер языка относит его к числу немногих писателей, обладающих этим уникальным талантом. Для нас представляет интерес владение О. Генри навыками языковой игры, которая выражается в проявлении яркого стилистического эффекта, что способствует эмоциональной насыщенности повествования. Языковая игра, по мнению И.В. Цикушевой, «это осознанное и целенаправленное манипулирование экспрессивными ресурсами речи, обусловленное установкой на реализацию комического эффекта» [6, с.170]. Несколько иное определение языковой игры дает О.А. Викторова: это «намеренное отклонение от литературной нормы, которое проводится с целью создания экспрессивного эффекта» [5, с. 4].

Реализация различных оттенков экспрессивности языковой игры не представляется возможным без использования разнообразных способов ее выражения. В соответствии с поставленной целью, для создания языковой игры О. Генри находит именно тот способ, который наиболее ярко выражает представленную им идею.

Методом сплошной выборки на материале рассказов О.Генри было отобрано 17 примеров языковой игры, созданной посредством омонимии, на основании которых был проведен анализ способов передачи языковой игры и была выполнена их систематизация по двух критериям: стилистическим средствам и экспрессивной функции.

Анализ способов передачи языковой игры посредством омонимии позволил нам представить их в виде следующей классификации.

1. Перенос значения объекта на фамилию персонажа или на другой объект: I witness, says he, 'that they're the same *bank* bills that you and I marked, Judge *Banks*. [7, с.5]. (Я свидетельствую, - говорит он, - что это те самые банкноты, которые мы с вами отметили, судья Бэнкс). [1, с. 296].

этом случае, языковая игра основана на использовании омонимов, имеющих сходную звуковую и графическую форму *bank*: *bank bills* (банкнота) и *Bank* (фамилия судьи), что позволяет акцентировать внимание на данном персонаже, делая его более запоминающимся, благодаря чему сюжетная линия воспринимается легче и интереснее.

2. Различная интерпретация одной и той же лексической единицы: In olden days," he said, orotundly, *Paris* awarded the golden apple to the most beautiful. And I was at the Exposition but I never heard of it. [8, с.5]. (В древности, - сказал он (судья Менефи) с подъемом, - *Парис* присудил золотое яблоко красивейшей. Я был в *Париже* на выставке, — заметил снова развеселившийся мельник, — но ничего об этом не слышал). [2, с. 826].

Автором приведен тип омонимии *Paris*, который в начале предложения трактуется как имя мифического героя, в конце предложения – как город Париж. Языковая игра основана на

том, что собеседник в происходящей беседе не догадывается об истинном значении слова *Paris*, подменяя его другим, что ведет к созданию комического эффекта.

3. Совмещение разного рода созвучий: *It's words more that warts, talk more than talcum, palaver more than powder, blarney more than bloom that counts – the phonograph instead of the photograph.* [9, с.3]. (Звук голоса важнее, чем цвет лица, полоскания полезнее притираний, блеск остроумия сильнее блеска глаз, бархатный тембр приятнее, чем бархатный румянец, и никакой фотограф не заменит фонографа). [3, с.193].

Экспрессивность, красноречивость высказывания достигается использованием в одном и том же предложении созвучных между собой и противопоставленных друг другу омонимов: *warts* (недостатки во внешности) и *words* (слова), указывающих на несоответствие внешних данных человека его способностями и таланту. Кроме того, данный способ позволяет подчеркнуть основную философскую идею о том, что же является истинной ценностью: внутреннее содержание человека или его внешняя оболочка.

4. Применение аллегорий: *The smiles of woman,' goes on Paisley, 'is the whirlpool of Squills and Chalybeates, into which vortex the good ship Friendship is often drawn and dismembered. Friendship between man and man,' says I, 'is an ancient historical virtue enacted in the days when men had to protect each other against lizards with eighty-foot tails and flying turtles.* [10, с.2]. (Улыбки женщин, - продолжает Пейсли, - это водоворот Сциллы и Харибды, в пучину которого часто попадает, разбиваясь в щепки, крепкий корабль «Дружба». Дружба между мужчинами, - говорю я, - есть древняя историческая добродетель, рожденная в те дни, когда люди должны были защищать друг друга от летающих черепах и ящерице восьмидесятифутовыми хвостами). [4, с. 291].

Обыгрывание значений омонимов: *Friendship* (дружба) и *Friendship* (корабль «Дружба») обусловлено остротой, содержащей ироническое отношение персонажей к понятию «дружба». Ироничность, несущая философский характер, заключается в том, что даже самая крепкая мужская дружба, которую, казалось бы, ничто и никто не в состоянии разрушить, может быть сокрушена, здесь автор утрирует – по вине «улыбки женщины». Остроумно подобранный метафорический образ придает мысли ярко выраженную насмешливо-экспрессивную окраску.

5. Совмещение омонимов, принадлежащих к разным грамматическим категориям: *I get homesick sometimes, and I'd swap the entire perquisites of office for just one hour to have a stein and a caviar sandwich somewhere on Thirty-fourth Street, and stand and watch the street cars go by, and smell the peanut roaster at old Giuseppe's fruit stand.'* [11, с. 4]. (Иногда меня одолевает тоска по родине, и тогда, кажется, я отдал бы все свои доходы и привилегии, только бы посидеть где-нибудь на Тридцать четвертой улице, да съесть сэндвич с икрой, да запить пивом, а то просто стоять и смотреть на трамваи и вдыхать запах жареных орешков из фруктовой лавчонки старика Джузеппе). [1, с.63].

Языковая игра осуществляется О. Генри за счет использования омонимов, относящихся к разным категориальным признакам: *stand* (стоять) и *stand* (лавка), которые с учетом содержания всего отрывка помогают передать более насыщенно и экспрессивно ностальгические чувства персонажа, его ощущения себя частью того мира, в который он окунулся в своих воспоминаниях.

Количественное распределение выявленных способов выражения языковой игры с использованием омонимов представлено на рис.1.

Наиболее часто используемым О. Генри способом является языковая игра, созданная путем совмещения омонимов, принадлежащих к разным грамматическим категориям (30%). Причиной распространенного использования этого способа является то, что в английском языке широко распространены идентичные или схожие по звуковой и графической форме лексические единицы, принадлежащие к одной или разным частям речи. Кроме того, это связано с разнообразием в английском языке временных форм глагола, которые могут совпадать с другими частями речи, включая различные предлоги и союзы. Способ совмещения разного рода созвучий также встречается довольно часто (23%). Данный способ

придает тексту некоторую мелодичность, который благодаря этому легче воспринимается человеческим сознанием. Такая же доля процента приходится на способ переноса значения объекта на фамилию персонажа или на другой объект (23%). Это логически оправдано, так как с помощью одной только фамилии уже удастся создать некий образ героя, наделенного определенной оценочной характеристикой. Благодаря этому, в самом начале повествования, когда персонаж еще не включен в круговорот событий и, казалось бы, трудно составить о нем конкретное мнение, у читателя мгновенно формируется навязанный автором образ персонажа. Частота использования остальных способов составляет 18% и 6%, что указывает на стремление автора к поиску новых способов передачи языковой игры.

Рис.1. Процентное соотношение способов передачи языковой игры посредством омонимии

Анализ рассмотренных примеров позволил раскрыть механизм создания языковой игры посредством омонимии. Выбор соответствующего способа создания языковой игры находится в прямой зависимости от того, в какой форме автор хочет раскрыть ее экспрессивный потенциал: иронической, комической или сатирической. Одновременно с этим автором достигается и соответствующий характер повествования: философский, романтический или какой-либо другой в зависимости от общей сюжетной линии.

Список литературы

1. Генри О. Избранное: Короли и капуста: Роман / Рассказы / – М.:ТЕРРА – Книжный клуб, 2000. – 480 с.
2. Генри О. Короли и капуста. Новеллы: Сб. – М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 927 с.
3. Генри, О. Избранные произведения в 2-х томах / под ред. М.Ф. Лорие / том 2. – Москва: Госуд. изд-во худож. лит-ры, 1959. – 204 с.
4. Генри О. Короли и капуста. Рассказы. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2000. – 832 с.
5. Викторова О.А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: дис. канд. фил. наук. – Тверь, 2016. – с. 161.
6. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Рос. гос. пед. ун-та 2009. – с.169-171.
7. Henry, O. Jeff Peters as a Personal Magnet. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2014. — 5 с. [<https://e.lanbook.com/reader/book/51100/#5>].
8. Henry, O. The Sphinx Apple. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2014. — 10 с. [<https://e.lanbook.com/reader/book/51237/#5>].
9. Henry, O. Next to Reading Matter. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2014. — 10 с. [<https://e.lanbook.com/reader/book/51116/#3>].
10. Henry, O. Telemachus, Friend. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2014. — 5 с. [<https://e.lanbook.com/reader/book/51139/#2>].
11. Henry, O. The Phonograph and the Graft. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2014. — 8 с. [<https://e.lanbook.com/reader/book/51213/#4>].

10.02.00

**Д.А. Гезалова, С.И. Гусева д-р филол. наук, Ю.П. Иванашко канд. филол. наук,
В.В. Сысоенко**

Амурский государственный университет,
филологический факультет, кафедра иностранных языков,
Благовещенск, pinky_boo@mail.ru, s_guseva@mail.ru, polia-80@mail.ru, vikasy@yandex.ru

СЛОГОВОЙ КОНТРАСТ ПО ДЛИТЕЛЬНОСТИ В РЕПРОДУЦИРОВАННОЙ РЕЧИ

В предлагаемой статье речь идет о результатах экспериментального исследования открытого слога модели «согласный + гласный (CV)» в континууме подготовленной репродуцированной речи. На основе применения метода слоговых контрастов изучается слоговой контраст по длительности в слогах русского и китайского языков.

Ключевые слова: репродуцированная речь, слоговой контраст, открытый слог модели «согласный+гласный», смычно-взрывные согласные.

Предметом исследования является слоговой контраст по длительности, функционирующий на разных уровнях реализации слога: в изолированном слоге, в составе слова и в предложении. Многоуровневый подход позволил выявить зависимость слогового контраста по длительности от контекстного окружения.

Материалом для анализа выбрана речь носителей русского и китайского языков. Специально подобранный языковой материал, включающий открытые слоги с начальными глухими и звонкими смычно-взрывными согласными /p, t, k/ и /b, d, g/ в слогах с гласными /i, a, u/, был записан в лаборатории фонетики Амурского государственного университета. Дикторами выступили русские и китайские студенты, владеющие орфоэпическим стандартом родного языка. Полученные аудиоматериалы были подвергнуты спектральному анализу с помощью программы компьютерной обработки речевого сигнала PRAAT.

Русский и китайский языки как разносистемные языки, относящиеся к фонемным и слоговым языкам соответственно, значительно отличаются друг от друга, хотя и имеют схожую структуру и строение слога. Перечислим основные особенности, присущие слогу в анализируемых языках:

1) русский слог отличается разнообразием количества звуков, которые могут быть использованы в пределах одного слога, например, односложное слово «всплеск» содержит 7 звуков. Китайский слог не может содержать более четырех звуков;

2) в русском языке допускается разнообразная последовательность звуков в слоге. Почти любой звук русского языка может стоять в начале, середине или конце слога. В китайском языке звуки, образующие слог, размещаются в строгом порядке;

3) в пределах китайского слога не встречаются сочетания двух и более согласных, вместе с тем сочетание гласных звуков является нормой. В русском языке наблюдается противоположная ситуация: сочетание двух гласных в пределах одного слога не встречается;

4) не все звуки китайского языка могут соседствовать в слоге. Следствием этого является ограниченное количество слогов, которые могут быть образованы из звуков китайского языка. В то же время в русском языке практически все звуки могут складываться в слоги;

5) использование тональности при произнесении одного и того же слога в китайском языке значительно влияет на значение слова. Тональный компонент дополнительно к сегментному составу используется как средство семантической дифференциации слогов. Он характеризуется определенными акустическими параметрами. Основным из них, отличающим вокалический компонент слога от консонантного, является частота основного

тона голоса, в терминах восприятия речи – мелодический компонент. В потоке речи мелодический компонент разных слогов, сливаясь в единую цепочку, образует мелодическую кривую синтагмы и фразы, участвуя в передаче оттенков смысла высказывания.

Значение мелодического компонента велико в организации тонической основы репродуцированной стихотворной речи. В профессиональном звучании прагматическая направленность стихотворных произведений заключается не только и не столько в передаче определенного содержания, сколько в воздействии на чувства и эмоции слушающего. Этой цели служит фонетическая специфика слога, заложенная в мелодике его тонального элемента [3].

Таким образом, русский слог является более гибким, он может включать большее количество звуков, при этом допускается их различная последовательность. Особенности каждого из рассматриваемых языков оказывают существенное влияние на реализацию слоговых контрастов.

Слог модели CV характеризуют контрасты следующих типов: по основному тону (F осн.), по длительности, формантной структуре (F-структуре), по интенсивности, частоте FII (или по локусу). Для разных слогов модели CV набор контрастов не является величиной постоянной, а зависит от вида согласного. Лишь два контраста – по локусу и интенсивности – присущи всем слогам типа CV. Причем степень контраста определяют собственные характеристики согласного [1].

Экспериментальный анализ контраста по длительности в открытых слогах русского и китайского языков убедительно свидетельствует о зависимости значения контраста как от характеристик входящих в слог звуков, так и от позиции слога, в том числе по отношению к ударению.

В русских слогах со смычно-взрывными согласными /p, t, k, b, d, g/ контраст по длительности в слогах с глухими согласными ниже, чем в слогах со звонкими согласными. Кроме того, большое значение имеет мягкость согласного: в слогах с мягкими согласными данный показатель значительно выше, чем в слогах с твердыми согласными.

На слоговой контраст по длительности между согласным и гласным в словах русского языка оказывают влияние такие факторы, как расположение слога, наличие/отсутствие ударения и др. Исследование показало, что количество слогов в слове оказывает меньшее влияние на контраст по длительности, чем ударное или безударное положение слога.

Ударение в русском языке характеризуется увеличением длительности звука и возрастанием его интенсивности, что так же сказывается на контрасте по длительности. Важную роль играет позиция слова во фразе. В большинстве случаев значение контраста возрастает в сильной фразовой позиции, т.е. в конце предложения, где, как правило, располагается коммуникативный фокус высказывания (рема). Аналогичные результаты были получены на материале немецкого языка [2]. Нередко в препозиции к реме находится пауза, после которой, как свидетельствуют полученные данные, показатель слогового контраста по длительности увеличивается.

Изучение контраста по длительности в аналогичных слогах китайского языка показало, что на данную характеристику в значительной мере оказывает влияние тональность слога. При этом были выявлены следующие закономерности:

- самые высокие показатели контраста наблюдаются в слогах, маркированных 4 тоном;
- самые низкие – у слогов во 2 тоне;
- значение показателя контраста у слогов в 1 и 3 тоне различаются незначительно.

Заметные различия контраста по длительности выявлены в китайских слогах с придыхательными и непридыхательными согласными: слоги с придыхательными имеют более высокие показатели, чем слоги с непридыхательными согласными, независимо от тональности слога.

Анализ слогового контраста по длительности в словах и предложениях китайского языка показал, что значение контраста практически не зависит от протяженности анализируемой функциональной единицы, будет это изолированный слог, слово или предложение.

Сравнение акустических характеристик русских и китайских слогов свидетельствует, что контраст по длительности в слогах [pa], [pu], [pi], [ta], [tu], [ti], [ka] и [ku] в русском и китайском языках значительно отличается. Важно заметить, что анализируемые глухие смычно-взрывные согласные китайского языка, в отличие от русских /p, t, k/, являются придыхательными (аспирированными). Этот факт, бесспорно, повлиял на различие данных контраста по длительности. Так, контраст по длительности в слоге [pa] в русском языке составляет 8%, а в китайском – 25,17%, что почти в три раза больше показателя для русского языка.

Разница контраста по длительности между другими слогами в русском и китайском языках также значительна, за исключением слога [ti], в котором для русского языка данный показатель составил 22%, а для китайского – 34,5%.

В слогах [ba], [bu], [bi], [da], [du], [di], [ga] и [gu] различие в контрасте по длительности между согласным и гласным в русском и китайском языках не так существенно, как в слогах с глухими согласными. Например, среднее значение контраста по длительности в русском слоге [ba] составило 3,75%, а в китайском – 4%. Заметим при этом, что в русском языке согласные b, d, g характеризуются как звонкие смычно-взрывные, а в китайском – это полувзрывные непродыхательные согласные.

Таким образом, сравнение данных о слоговом контрасте по длительности в русской и китайской репродуцированной речи убедительно свидетельствует, что в слогах с глухими смычно-взрывными /p, t, k/ значения контраста в исследуемых языках существенно разнятся, в то время как в слогах с согласными /b, d, g/ показатели контраста по длительности в обоих языках по своим значениям довольно близки.

Список литературы

1. Бондарко Л.В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – С. 107.
2. Гусева С.И. Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных единиц: Дис. ...д-ра филол. наук – СПб.: СПбГУ, 2001. – 172 с.
3. Гусева С.И., Сысоенко В.В., Гезалова Д.А. Об изучении характеристик слога на основе метода слоговых контрастов // Современные проблемы науки / Материалы Российской национальной научной конференции с международным участием (22 декабря 2017 г.). – Часть III. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2017. – С. 49.

10.02.04

Т.В. Горбунова канд. филол. наук, А.В. Семкова канд. филол. наукИркутский национальный исследовательский технический университет,
tanya.mironchuk@hotmail.comПолитехнический институт (филиал) федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова» в г. Мирном,
semkova1@rambler.ru**РОЛЬ ПРОТОТИПИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В
ВЕРБАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ЭМОЦИЙ**

В статье определяется роль прототипической ситуации выражения эмоций в категоризации семантики эмоций в современном английском языке. Прототипическая ситуация позволяет определить какие языковые средства и грамматические конструкции ожидаются в речи говорящего при вербализации ситуации проявления эмоций.

Ключевые слова: *прототипическая ситуация, прототипическая конструкция, категоризация, вербализация.*

Смена научной парадигмы в языкознании со структуральной на антропоцентрическую позволила лингвистам начать изучение вербализации таких сложных концептов как эмоции и эмоциональные состояния человека, что впоследствии привлекло исследователей к признанию важности отношения человека к окружающей его действительности в процессе выбора говорящим языковых средств. Таким образом, языковое выражение эмоций связано с миром не напрямую, а через призму человеческого сознания. Это значит, что любое проявление эмоций, репрезентируемое предложениями в речи, номинируют ситуации внеязыковой действительности, но уже интерпретированные говорящим, то есть обработанные его сознанием. Следовательно, существует две семантики: одна – когда значение напрямую соотносено с обозначаемой действительностью и отражает объективную формализованную ситуацию в мире, другая – когда значение соотносено с миром через сознание и отражает не мир напрямую, а мир, увиденный и понятый носителями языка (мысль о ситуации в мире). Р. Джекендофф писал: «первая отражает мир, каков он есть, вторая – такой, каким его смог понять говорящий (one is about the way the world is, and the other about the way we grasp the world)» [2, p. 12]. Понятие «прототипическая ситуация», введенное в лингвистику Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, подразумевает некий идеализированный абстрактный потенциальный смысловой блок, мысль о внеязыковой ситуации. Это – «набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для нашего опыта» [3, p. 70]. Этими же исследователями была, например, выделена довольно сложная «прототипическая» или «парадигмальная» ситуация непосредственной каузации: 1) у агенса есть цель как-то изменить состояние пациенса; 2) это изменение физического состояния; 3) у агенса есть «план» достижения этой цели; 4) план требует от агенса использования моторной программы; 5) агенс контролирует эту моторную программу; 6) агенс ответственен за проведение этого плана; 7) агенс – источник энергии, а пациенс – это цель, на которую направлена энергия; 8) агенс затрагивается до пациенса либо сам, либо с помощью инструмента; 9) агенс успешно выполняет план; 10) изменение в пациенсе различимо; 11) агенс с помощью сенсорного восприятия производит мониторинг изменений в пациенсе; 12) есть единственный специфицированный агенс и единственный специфицированный пациенс [3, p. 70]. Предложенные признаки воспринимаются говорящим как гештальт, «набор совместно реализующихся характеристик, который более существенен для нашего опыта, чем отдельное проявление каждой характеристики», а значит они не могут быть маркированы в рамках одного предложения [3, p. 71].

Таким образом, общим концептуальным содержанием для языковой репрезентации и реальной ситуации проявления эмоций будет являться прототипическая ситуация, некая идеализированная модель ситуации с определенным набором признаков. В своей работе мы используем понятие «прототипическая ситуация» для обозначения положения дел в мире, т.е. проявление эмоции. Для выделения прототипической ситуации единой для всех базовых эмоций обратимся к дефиниционному анализу.

Oxford Advanced Learner's Dictionary дает следующие определения базовым эмоциям [4]:

«surprise – a feeling caused by something happening suddenly or unexpectedly»;

«anger – the strong feeling that you have when something has happened that you think is bad and unfair»;

«fear – the bad feeling that you have when you are in danger, when something bad might happen, or when a particular thing frightens you»;

«happiness – the state of feeling or showing pleasure; the state of being satisfied that something is good or right»;

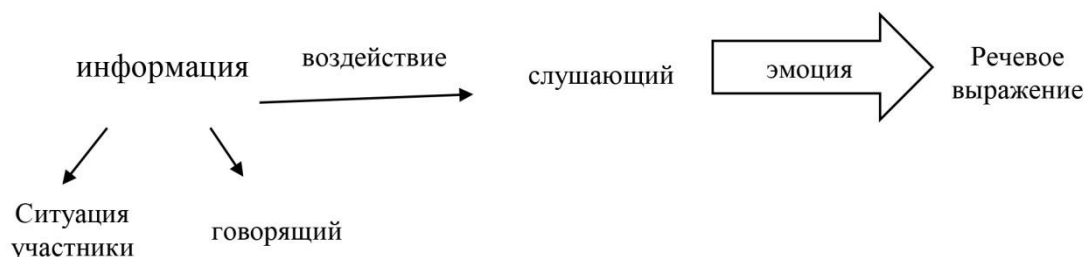
«sadness – the feeling of being sad».

Проанализировав словарные статьи, мы видим, что практически во всех дефинициях встречаются упоминания о наличии какой-либо ситуации, которая и вызывает эмоции. Таким образом, мы делаем вывод, что любая эмоция вызывается посредством какого-либо события или какой-то информации, следовательно, одним из параметров будет наличие неожиданной ситуации / новой информации и наличие наблюдателя на которого воздействует событие / информация вызывая ту или иную эмоцию. Что касается параметра неожиданная ситуация / новая информация, то здесь они подразделяются на обязательное присутствие действующих лиц, которые производят действия и наличие говорящего, передающего неизвестную информацию. Данные параметры можно изобразить в виде схем 1 и 2:

Схема 1.

Схема 2.

Очевидно, что ни в одном предложении не могут быть одновременно маркированы все приведенные признаки, и никакая конструкция точно не соответствует данной ситуации. Именно поэтому при вербализации одни конструкции (или средства языка) категоризируют прототипическую ситуацию лучше, другие – хуже. Прототипические конструкции (или средства языка), категоризируют прототипическую ситуацию наилучшим образом и без добавления других, дополнительных, параметров. Говорящий использует данную конструкцию в качестве «готовой формы» для вербализации прототипической ситуации [3, р. 70-72]. Например, Дж. Лакофф и М. Джонсон считают прототипической конструкцией для категоризации каузативной ситуации в английском языке агентивную конструкцию, которая наиболее часто употребляется говорящими для номинации каузальных отношений. Это объясняется тем, что уникальность события «предполагает дополнительно отмеченные смысловые блоки, которые часто предстают невербализованными в структуре предложения» [5, с. 31].

Рассмотрим пример вербализации прототипической ситуации выражения эмоции радости прототипическим лексическим средством предикатом и существительным *surprise*, выделенным по признаку наибольшей частотности употребления (суммарное количество употреблений – 4962 случая с 1810 по 2000 год, согласно British National Corpus): *Wilko aims to help cement promoted Boro's impressive start in the Premier Division at Southampton today. "The top eight is our aim and we will surprise a lot of teams this season," he said. Champion Leeds would agree with that - they were shot down 4-1* (British National Corpus).

Приведенный отрывок иллюстрирует ситуацию удивления, где ситуацией является игра *in the Premier Division at Southampton*, во время которой участники вместе с говорящим удивят *will surprise* наблюдающих *a lot of teams*. Как мы видим, в приведенном отрывке все необходимые части прототипической ситуации отражены, а сама ситуация выражения эмоции удивления вербализована прототипическим лексическим средством.

Но, наряду с прототипическими конструкциями (средствами языка), существуют и непрототипические, это те конструкции (средства языка), которые категоризируют лишь некоторые, наиболее значимые для говорящего в момент категоризации, параметры прототипической ситуации, либо оязыковляют характеристики не только данной, но и других прототипических ситуаций. Непрототипические конструкции (средства языка) отличаются от прототипической конструкции (средства языка), которая располагается в центре, а также друг от друга по определённым параметрам, которые выделяются говорящим в ситуации как наиболее важные для достижения цели определенного высказывания. Данные параметры всплывают в сознании говорящего для категоризации какой-то определённой ситуации реальной действительности, при этом параметр может, как соответствовать, так и не соответствовать реальности. Все зависит от того, как говорящий понял и категоризовал ситуацию [2, 1980].

Таким образом, очевидно, что прототипическая ситуация необходима для определения некой абстрактной идеализированной модели ситуации действительности, которая в последующем будет вербализована определенным набором языковых средств или конструкций. Такая модель позволяет определить какие языковые средства и грамматические конструкции ожидаются в речи говорящего, вербализующего ту или иную ситуацию проявления эмоций.

Список литературы

1. British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 01.03.2015).
2. Jackendoff R. Semantic Structures. Cambridge, Mass.: MIT, 1993.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
4. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2010.
5. Фурс Л.А. Особенности когнитивной категории в синтаксисе // Когнитивные категории в синтаксисе: колл. моногр. Иркутск: ИГЛУ, 2009.

10.02.00

Ю.А. Горностаева

Сибирский федеральный университет,
кафедра романских языков и прикладной лингвистики,
Красноярск, yulyatald@yandex.ru

ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ МАРКЕР МАНИПУЛЯЦИИ: ОПЫТ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ

В статье представлен опыт использования тематической группы лексики «Военная терминология» в качестве вербального маркера манипуляции в поляризованном политическом дискурсе в контексте отношений России и США. Доказано, что данный маркер доступен для параметризации и дальнейшего использования в рамках создания программы автоматического анализа массмедийных политических текстов по уровню их манипулятивности.

Ключевые слова: *поляризованный политический дискурс, вербальный маркер, манипуляция, компьютерный классификатор.*

В настоящее время все большее распространение получает политический поляризованный дискурс, который, пропагандируя стереотипные представления об оппоненте и очерняя его репутацию, способствует делению общества на две группы – своих и чужих [9. С. 70-71]. Манипуляция – центральное явление поляризованного политического дискурса, реализуемое в стратегиях положительной самопрезентации и дискредитации оппонента, имеющих ряд устойчивых средств вербализации или маркеров манипуляции, одним из которых является военная терминология. Проблеме манипуляции и способам ее реализации посвящено достаточное количество работ отечественных и зарубежных исследователей [8. С. 359-380; 2. С. 42-60; 4. С. 56-57]. Под манипуляцией, вслед за Т.А. ван Дейком, понимается коммуникативная и интерактивная практика, предполагающая, что манипулятор, действуя в своих интересах, устанавливает контроль над другими людьми [8. С. 359].

Цель данной публикации – описать опыт использования группы лексических единиц, относящихся к военной терминологии, в качестве параметра для создания классификатора текстов по уровню манипулятивности. Новизна заключается в том, что впервые военная терминология используется в качестве одного из параметров для автоматического измерения уровня манипулятивности в рамках разработки концепт-модели классификатора англоязычных текстов.

Материал исследования – статьи англоязычных изданий *The Washington Post* и *The New York Times*, отражающие актуальную политическую ситуацию на Украине и отношения двух политических оппонентов – России и США – в объеме 100 текстов или 435000 печатных знаков.

Исследование состояло из нескольких этапов: 1) сплошная выборка 100 текстов статей обозначенной тематики; 2) дискурсивный анализ материала с целью выявления манипулятивных статей; 3) экспериментальное исследование с привлечением информантов для диагностирования дискурсивных маркеров манипуляции; 4) проверка статей из выборки на наличие выделенных респондентами маркеров и сужение первоначальной выборки; 5) статистическая проверка валидности маркеров; 6) разработка классификатора на основе алгоритма деревьев решений.

С точки зрения методологии исследование опирается на: 1) дискурсивный анализ по Т.А. ван Дейку, включающий в себя текстуальный анализ на лексическом уровне и контекстный анализ (исследование обстоятельств, времени, места и т.д.); 2) социологический инструментальный экспериментального исследования; 3) статистический метод – двух-

выборочный t-критерий Стьюдента для независимых выборок; 4) алгоритм машинного обучения – деревья принятия решений.

В результате было выделено 6 вербальных маркеров манипуляции, одним из которых является военная терминология [3. С. 194-199]. Под военной терминологией мы понимаем «устойчивую единицу, закрепленную за соответствующим понятием в понятийно-функциональной системе определенной сферы военной профессии в значении, регламентированном его дефиницией» [6. С. 8].

Изучив выборку статей, мы пришли к выводу, что многие авторы умышленно прибегают к использованию военной терминологии для усиления манипулятивного эффекта и создания устрашающего образа оппонента. В примере 1 благодаря сочетанию военной лексики и конкретных числовых показателей создается образ реальной угрозы, исходящей от России, обладающей огромным военным потенциалом.

(1) «*A retired NATO general who recently held talks with the Ukrainian president, Petro Poroshenko, told me that **intelligence estimates** are of some **45,000 regular Russian troops** on the border; tens of thousands of **Russian irregulars** of various stripes inside Ukraine organized by a smaller number of **Russian officers and military personnel**; some **450 battle tanks** and over **700 pieces of artillery***» (The Iran-Ukraine Affair, The New York Times).

Отставной генерал НАТО, который недавно вел переговоры с Президентом Украины Петром Порошенко, сказал мне, что по оценкам разведки на границе находится более 45000 российских войск; десятки тысяч нерегулярных войск различных подразделений на территории Украины, организованных меньшим числом российских офицеров и военнослужащих; около 450 танков и более 700 артиллерийских орудий.

В примере 2 эксплицитно выражена угроза, исходящая от России: «*The current Russian buildup has all the signs of **preparation for an offensive***» - Наблюдаемое наращивание военной мощи дает все основания предполагать, что **Россия готовится к нападению**. Далее, на читателя нагоняется еще больший страх с помощью перечисления имеющегося у российской армии в распоряжении вооружения.

(2) «*The current Russian buildup has all the signs of preparation for an **offensive**. Large, **unmarked convoys of heavy weapons and tanks** manned by personnel without insignia on their **uniforms** (like those who took over Crimea) have been seen rumbling toward the **front lines** in rebel-held territory. **Sophisticated artillery** and **ground-to-air missile systems** have been moved into position. Units all the way from the east and far north of Russia have been massed. You don't move **military units** thousands of miles for nothing*» (The Iran-Ukraine Affair, The New York Times).

Наблюдаемое наращивание военной мощи дает все основания предполагать, что Россия готовится к нападению. Огромные конвои тяжелого вооружения и танков без опознавательных знаков и управляемые военными в безликой форме (как те, что взяли Крым) были замечены на границе с захваченной повстанцами территорий. Передовая артиллерия и ракетные комплексы земля-воздух приведены в состояние готовности. Собраны единицы военной техники со всей территории России – от востока до Крайнего Севера. Вы не стали бы передвигать единицы военной техники на тысячи миль просто так.

Статистическая проверка маркера «Военная терминология» началась со сбора тренировочного корпуса, состоящего из 50, на наш взгляд, манипулятивных текстов и 50 контрольных текстов, случайно взятых с сайтов тех же изданий. Далее проведена очистка контента от лишней разметки и нормализация текста. С помощью t-критерия Стьюдента с порогом статистической значимости в 5% проведены расчеты.

Таблица – Результаты статистической проверки

Параметр	t-критерий (различие между средним количеством слов в текстах)	p-значение (вероятность одинаковости двух выборок)
Военная терминология	2.3306	0.0223

Как видно из Таблицы, p -значение меньше выбранного порога значимости, поэтому сделан вывод: данная характеристическая функция может быть использована для идентификации манипулятивных текстов.

Далее был построен алгоритм «деревья принятия решений» – способ представления правил в виде «если... то...» в иерархической последовательной структуре, когда каждому объекту соответствует один узел решения [1] на языке программирования *Python*.

Скачивание статей, нормализация данных и отбор признаков проделаны на этапе статистической проверки. Классификатор изначально обучен на 80 случайно взятых из выборки текстах, затем количество было увеличено до 1800. После обучения классификатора получена возможность оценить значимость параметра «Военная терминология», который характеризуется самым высоким показателем 0.44938862, а значит является наиболее весомым в нашей классификации. Классификатор доступен в режиме тестирования по ссылке: <http://bias.verbalab.ru/>.

Таким образом, доказано, что появление в поляризованном политическом дискурсе военной терминологии является маркером манипуляции, который может быть использован для создания классификатора массмедийных политических текстов на английском языке, характеризующих отношения России и США. Результаты реализации алгоритма деревьев принятия решений показали, что военная терминология является наиболее значимым параметром для такой классификации. Анализ материала позволяет сделать вывод: американские журналисты используют военную терминологию для манипулирования адресатом, т.к. в контексте отношений между РФ и США данные лексические единицы помогают создать агрессивный образ России.

Список литературы

1. Бериков В.Б. Анализ статистических данных с использованием деревьев решений: учеб. пос. – Новос.: Изд-во НГТУ, 2002. – 60 с.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
3. Колмогорова А.В., Талдыкина Ю.А., Калинин А.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 194-199.
4. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности // Рекламный текст. Семиотика и лингвистика. – М., 2000. – 268 с.
5. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
6. Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статистике и динамике. – М., 1985. – 94 с.
7. Dijk. T.A. van. What is political discourse analysis? // Belgian Journal of Linguistics. – 1997. – 11-52 p.
8. Dijk. T.A. van. Discourse and manipulation // Discourse and Society. – 2006. № 17(2). – 359-383 p.
9. Eissa M.M. et al. Polarized discourse in the news // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2014. – P. 70 – 91.

10.02.00

А.Е. Жижина

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
факультет иностранных языков, кафедра английского языка,
Калуга, zhizhina.alla@yandex.ru

**ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА
Д. ТРАМПА И В.В. ЖИРИНОВСКОГО)**

В данной статье языковая личность политических деятелей рассматривается с точки зрения психолингвистической концепции С.А. Сухих и психологической теории установки Д.Н. Узнадзе; основой уровневого подхода к описанию языковой личности следует считать модель Ю.Н. Караулова. Автором статьи анализируются уровневые составляющие языковой личности Д. Трампа и В.В. Жириновского, приводятся результирующие данные исследования.

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность, психологический аспект, теория установки.

За последние 50 лет научные интересы лингвистов сместились с изучения структуры языка к изучению дискурса и его продуцента – homo loquens или человека говорящего. Переход к изучению языковой личности (ЯЛ) представляется логичным, так как именно она является центром интегрирования и обобщения всех существующих знаний о языке. Существуют многочисленные труды, направленные на изучение ЯЛ, наиболее известными из которых являются работы В.В. Виноградова, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова, С.А. Сухих, К.Ф. Седова, В.И. Карасика, Д.Н. Узнадзе, О.С. Иссерс и других. Типологический подход к изучению ЯЛ позволяет выявить группы индивидов, обладающих сходными свойствами; преимуществом данного подхода является возможность в глубинном изучении человека говорящего с учетом его жизнедеятельности, специфики вербальных реакций и типов поведения.

Целью проведенного нами исследования является описание типов ЯЛ политических деятелей Д. Трампа и В.В. Жириновского, основываясь на уровневом подходе к описанию ЯЛ Ю.Н. Караулова и психолингвистической концепции ЯЛ С.А. Сухих и Д.Н. Узнадзе.

Наиболее известной и распространенной является концепция ЯЛ Ю.Н. Караулова. По мнению ученого, модель ЯЛ имеет следующую структуру: 1) вербально-семантический уровень, 2) когнитивный уровень и 3) прагматический уровень [4]. Е.В. Белова также приводит уровневую структуру ЯЛ. Отличием от модели ЯЛ, предложенной Ю.Н. Карауловым, является более детальный анализ ЯЛ на психологическом уровне, поскольку речевое поведение «обусловлено не столько когнитивными характеристиками языковой личности, сколько психологическим типом личности и психологической установкой» [1, с. 117].

Особый интерес представляет теория установки, разработанная психологом Д.Н. Узнадзе. Ученый трактует установку в общем смысле как основную изначальную реакцию ЯЛ на воздействие ситуации, в которой ей приходится ставить и решать задачи [7, с. 150]. Узкая трактовка данного понятия предполагает обращение к внутренней форме языка и называется языковой установкой, определяя ее как «внесознательную готовность говорить и мыслить определенным образом». Языковая установка регулирует речевое поведение человека, однако существуют факторы, влияющие на нее, что позволяет ученому рассмотреть проблему установки подробнее с дифференциально-психологических позиций. К таким факторам относится возбудимость фиксированной установки, динамичность и статичность

установки (изменение установки вызваны изменениями, происходящими во внешней среде), фактор пластичности – грубости/инертности отвечает за качество изменения установки, константность – вариабельность, стабильность – лабильность установки. В зависимости от видов установок выделяются три типа языковых личностей: 1) динамичный, 2) статичный и 3) вариабельный. Динамичный тип характеризуется наличием динамичной, константной, иррадированной и интермодально стабильной установкой, развитой способностью к объективации и готовностью переключаться в направлении объективированных целей. Статичный тип определяется по наличию у человека грубой статической фиксированной установки, она также является сильновозбудимой, интермодальной и константной. Характерными чертами такой личности являются внутренняя противоречивость, сдержанность, деятельность которых протекает под бдительным контролем их сознания. К третьему типу относятся вариабельные люди, которых исследователь делит на две группы: стабильные и лабильные. Вариабельно-стабильный тип личности известен развитой силой своих потребностей, так как «поведение этих людей идет по линии активации установок удовлетворения этих потребностей». Из-за этого их установка определяется как крайне вариабельная, однако характеризующаяся стабильностью, что означает, что вариабельность рассматривается в строго ограниченных границах. В сравнении с предыдущим подтипом вариабельно-лабильный тип характеризуется слабостью своих потребностей, так как личность фиксирует свои установки под приоритетом ситуации [2, с. 402-403].

Концепция ЯЛ С.А. Сухих является психолингвистической. Целью разработки типологии языковых личностей является выделение определенного набора языковых черт («повторяющаяся особенность вербального поведения человека, склонного к определенному способу его реализации на экспонентном (формальном), субстанциональном и интенциональном уровнях дискурса»), которые характеризуют предрасположенность языковой личности к определенному способу вербального поведения. К экспонентному уровню дискурса относятся такие языковые черты как активность, созерцательность, персуативность, голословность, сомневаемость; в то время как субстанциональному и интенциональному уровням свойственны конкретность, абстрактность, директивность, юмористичность, буквальность, конфликтность, центрированность и децентрированность эго [6, с. 127-128].

В нашем исследовании мы придерживаемся точки зрения Е.В. Беловой на модель ЯЛ, выделяя вербально-семантический, психологический и прагматический уровни, и проводим анализ типов ЯЛ на материале предвыборного дискурса Д. Трампа и В.В. Жириновского. В качестве практического материала были использованы речи Д. Трампа в рамках президентской предвыборной кампании в штатах Среднего Запада, суммарный объем которых составил 198564 печатных знака; объем речей В.В. Жириновского – 235147 печатных знаков.

В результате проведенного нами анализа на вербально-семантическом уровне ЯЛ было выявлено, что Д. Трампу присущи следующие характерные черты: на лексическом уровне нами выделены слова-паразиты, преобладание лексики с негативной коннотацией, тавтология, как наиболее частотные особенности; грамматическому уровню относятся повторы, незаконченные предложения, частотное употребление модальных глаголов и пассивного залога. Говоря о наиболее употребимых речевых приемах, стоит отметить гиперболу, градацию, иронию/сарказм, метафору. На вербально-семантическом уровне ЯЛ В.В. Жириновского представлена употреблением лексических единиц с негативной коннотацией, заниженной лексики, наличие междометий; также на данном уровне мы выделяем неполные предложения, восклицательные предложения, дуплетные члены предложения, перечисления; наиболее характерными персуазивными приемами в речи политика являются анафора, сравнение, аллегория, градация.

Психологический уровень ЯЛ Д. Трампа выражен тенденцией к импульсивному поведению, речевые стратегии политика сконцентрированы на стремлении к доминированию, экспрессивные интенции имеют негативную окраску, политик прибегает к иронии и сарказму – на основе этого мы констатируем, что Д. Трампу присущ конфликтный тип личности с грубо-статистической установкой. На психологическом уровне ЯЛ В.В. Жириновского мы выделяем следующие черты: политик старается удовлетворить собственные интересы и интересы партии, которые он ставит перед собой в первую очередь, апеллирует к логическим аргументам для защиты собственной позиции и точки зрения. Данные сведения позволяют говорить о вариабельно-стабильном типе ЯЛ.

На третьем уровне – прагматическом – мы выделяем наиболее частотные стратегии и тактики, используемые политиками в своей речи. Под стратегией мы понимаем «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [5, с. 18]. Коммуникативная тактика трактуется нами как «конкретные речевые действия, способствующие реализации стратегии» [3, с. 19]. Согласно результирующим данным, наиболее частотными тактиками в речах Д. Трампа являются тактики самовосхваления, лести по отношению к избирателям, единения и оскорбления. Наиболее частотными тактиками в речах В.В. Жириновского являются тактики единения, признания существования проблем, иллюстрирования и тактика критики.

Таким образом, в нашем исследовании мы обратились к описанию типологических характеристик ЯЛ, основываясь на психологическом аспекте. В результате анализа мы полагаем, что Д. Трампу присущ конфликтный тип личности с грубо-статистической установкой, а В.В. Жириновскому – вариабельно-стабильный тип ЯЛ. Типологический подход позволяет строить портреты языковых личностей и реконструировать глубинные психологические особенности личности.

Список литературы

1. Белова Е. В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: диссертация ... кандидата филол. наук. Калуга, 2016. – 171 с.
2. Жижина А. Е. Типология языковых личностей: социально-психологический аспект. Научные труды Калужского гос. ун-та им. К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. – Калуга: Издат-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2017. С. 400-404
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. – 263 с.
5. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и институтов. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
6. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... доктора филол. наук. Краснодар, 1998. – 257 с.
7. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

10.02.00

А.Ф. Ибраева канд. филол. наук

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
факультет сервиса и туризма, кафедра иностранных языков и языкознания,
Казань, afibraeva@mail.ru

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. КОЛЛИНЗ «ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»)

В настоящем исследовании представлены результаты анализа авторского идиостиля на материале конкретного произведения «Голодные игры». Выявлено, что произведение современного автора обладает насыщенной стилистической окраской и образностью, благодаря наличию в тексте большого количества стилистических приемов и средств. Язык американской писательницы С. Коллинз отличается разнообразием языкового материала, яркостью выбираемых образов, эмоциональностью и экспрессивностью.

Ключевые слова: *авторский идиостиль, языковые средства выразительности, лингвостилистический анализ.*

Исследование авторского индивидуального стиля неотъемлемо связано с изучением творческой индивидуальности писателя. Вслед за С.А. Сафонкиной под идиостилем в данной статье понимаются «характерные для его манеры письма стилистические выразительные средства» [2, с. 33]. В настоящее время, согласно М.Ю. Мухину, «возрастают требования к объективации изучения текста и поиску формальных путей выявления индивидуально-авторских признаков литературных произведений» [1, с. 4]. В текстах ярко проявляются национальные, нравственно-эстетические и психологические особенности автора. Многообразие экстралингвистических факторов проявляется в структуре, семантике и прагматике текста [2, с. 32].

Цель настоящего исследования – анализ лингвостилистических особенностей идиостиля американской писательницы, автора одних из самых популярных романов последнего десятилетия С. Коллинз.

Материалом для настоящего исследования послужило произведение С. Коллинз «Голодные игры» (2008), которое за короткое время стало бестселлером не только на территории США, но и по всему миру. Роман был назван лучшим произведением для подростков 2008 года, лучшим романом года по версии Американской библиотечной ассоциации, получил приз ‘2008 Cybil Winner’ как лучший роман в жанре фэнтези и научной фантастики.

Современные авторские тексты часто подвергаются критике в связи с достаточно простыми текстами, которые не «загружают» восприятие читателем основного содержания произведения сложносочиненными образами и речевыми оборотами. Таким образом, многие литературные творения становятся чтением на один вечер.

Анализ идиостиля С. Коллинз на примере романа «Голодные игры» позволил опровергнуть данное убеждение и прийти к довольно интересным выводам. В данной статье рассмотрены некоторые особенно интересные примеры, на наш взгляд, которые указывают на великолепный авторский стиль для создания драматического эффекта.

Автор часто использует метафору на страницах своего романа. Такой подход объясняется тем, что роман написан в жанре фэнтези и научной фантастики; метафора, в свою очередь, предоставляет возможность компактного и образного использования искомых языковых средств.

Рассмотрим следующие примеры.

'The woods became our savior' [3, с. 51]. В данном случае речевая метафора точно отображает действительность в художественном плане – бремя выживания в трудных условиях. Лес становится главным источником пропитания Кэтнисс, ее друга Гейла и их семей.

'I want the audience to recognize you when you're in the arena,' says Cinna dreamily. 'Katniss, the girl who was on fire' [3, с. 67]. Первоначально, данное выражение используется, когда Цинна, стилист Кэтнисс, изготавливает ее костюм, который «пылает» синтетическим пламенем. Позднее оно становится «искрой», которая зажгла идею бесстрашного восстания в районах. Метафора отображает внутреннее состояние и образ героини.

'The walls of this elevator are made of crystal so that you can watch people on the ground floor shrink to ants as you shoot up into the air' [3, с. 73] Здесь автор образно передает оценку того, как выглядят люди, «простые смертные» с высоты Капитолия и чувства героини в момент, когда она примеряет на себя условия жизни высшего общества.

'The Sun was a searing blade on my skin' [3, с. 178]. Данная метафора описывает окружающую обстановку, в которой оказывается раненая Кэтнисс, блуждающую под палящим солнцем. Солнце сравнивается с лезвием, которое одновременно режет и обжигает кожу героини.

С. Коллинз часто прибегает к олицетворению, перенося признаки живого существа на явления природы, предметы и понятия.

'Mockingjays and jabberjays are funny birds and something of a slap to the face of the Capitol' [3, с. 42]. Вымышленные птицы, которые играют роль своеобразных курьеров, схожих с почтовыми голубями. Отличие состоит в том, что голуби доставляют почту, а эти птицы передают человеческую речь, запоминая ее в точности; ранее часто использовались мятежниками для передачи секретной информации. Автор наделяет птиц человеческим способностям (речью).

Наряду с метафорой, находим много примеров сравнения.

'Prim's face is as fresh as a raindrop, as lovely as the primrose...' [3, с. 1]. Сравнение описывает внешность младшей сестры Кэтнисс Прим, затрагивая теплоту их отношений.

'Could Gale and I have been eating blackberries only this morning? It seems like a lifetime ago. Like a long dream that deteriorated into a nightmare' [3, с. 87]. Сравнение характеризует тот факт, как насыщено пребывание героини на играх, как много пугающих событий происходит за короткий срок и сильную тоску по Гейлу.

'My legs, arms, torso, underarms, and parts of my eyebrows have been stripped of the stuff, leaving me like a plucked bird, ready for roasting...' [3, с. 61]. Сравнение внешности героини, когда она находится в руках визажистов, готовящих ее к интервью перед играми; показывается беззащитность сильной и волевой девушки перед системой и ее жестокими правилами, и возникающее в ней чувство протеста и негодования.

'...You've got about as much charm as a dead slug' [3, с. 117]. Кэтнисс сравнивается с мертвым слизняком и указывает на характер Хеймитча и его отношение к внешности и поведению героини.

Образность достигается С. Коллинз через преувеличение и преуменьшение того или иного признака: с помощью гиперболы и литоты соответственно.

'He leans down and rips the bandage off his leg, eliminating the final barrier between his blood and the earth' [3, с. 343]. Пита готовится к гибели в финальной сцене; гиперболизируя переживания героя, создается драматический эффект.

'She seemed like such a sniveling, cowardly fool that no one bothered about her...' [3, с. 41]. Использование литоты указывает на отрицательное отношение к трусливым и слабым персонажам в высказывании Кэтнисс.

'...Come on, everybody! Let's give a big round of applause to our newest tribute!' trills Effie Trinket [3, с. 23]. С помощью литоты выражается оценочное отношение к образу Эффи Тринкет, ее напыщенному, наигранному поведению, манерам.

Характеристика индивидуального восприятия того или иного качества / признака явления или предмета автором передается посредством использования эпитетов.

‘But today the black cinder streets are empty’ [3, с. 4]. Описываются улицы в районе, где живет Кэтнисс. Район известен своими шахтами, которые наряду с мизерным обеспечением забирают жизни.

‘...Effie Trinket, the maniacally upbeat woman...’ [3, с. 7]. Эпитет в данном примере усиливает экспрессивность описания.

Примеров использования метонимии относительно немного, но автор находит им правильное применение.

‘A death should hold the crowd for a bit’ [3, с. 209].

‘...I’ve seen her bringing back people suffering from immobilizing sadness since. Perhaps it is a sickness, but it’s one we can’t afford’ [3, с. 36]. Метонимия указывает на отношение героини к определенному поведению матери.

Интересным представляется использование иронии и сарказма в тексте романа. Иронично назван один из героев Peeta Mellark, сын пекаря, названный в честь хлеба – пита. Иронизируется сущность молодого человека, который на протяжении всей своей жизни работает в семейном бизнесе по производству хлеба. Сарказму подвергаются и сами Игры, транслируемые на телевидении, целью которых является борьба до смерти, которые естественно не могут быть счастливыми.

‘Happy Hunger Games!’ [3, с. 19]. Очевидно, что таким образом выражается негативное отношение к Играм и Капитолию.

В результате проведенного анализа, нами были сделаны следующие выводы: идиостиль автора С. Коллинз отличается использованием большого разнообразия выразительных средств и стилистических приемов; метафора, сравнение, эпитет, метонимия используются для выявления индивидуально-оценочного отношения к предметам и явлениям, при этом «перевес» в сторону метафоры в количественном отношении значительный, метонимия используется намного реже; экспрессивность в большей степени достигается через метафорические слова и выражения. С. Коллинз прибегает к использованию иронии для создания словесно комического, а также драматического образа.

Список литературы

1. Мухин М.Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): автореф. дис. ... д. филол. наук / М.Ю. Мухин. – Екатеринбург, 2011. – С. 4.
2. Сафонкина С.А. Особенности идиостиля Джерома К. Джерома / С.А. Сафонкина // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. – 2017. – №1. – С.32-49.
3. Collins S. The Hunger Games / S. Collins. – New York: Scholastic Press, 2008. – 387 p.

10.02.00

Н.А. Кирпичникова, Я.В. Попова канд. филол. наук

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации,
Красноярск, yanapopov@yandex.ru, natalykirp@gmail.com

СПЕЦИФИКА ЧЕРНОГО ЮМОРА В АСПЕКТЕ ДЕТАБУИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО И НЕМЕЦКОГО СТЕНДАПА)

В работе рассматривается специфика черного юмора в контексте нарушения табу. Объектом исследования выступает феномен черного юмора в американской и немецкой лингвокультурах в рамках юмористического жанра стендап, предметом – специфика чёрного юмора в аспекте детабуирования. В работе описываются актуальные социокультурные и языковые проявления табу, а также выявляются особенности детабуирования в жанре стендап на материале выступлений немецких и американских комиков.

Ключевые слова: *черный юмор, табу, детабуирование, стендап, американская лингвокультура, немецкая лингвокультура.*

Изучение феноменов черного юмора и табу способно расширить понимание различных социокультурных процессов в современном обществе и повысить компетентность в сфере межкультурного взаимодействия, что обуславливает актуальность настоящего исследования, посвящённого выявлению специфики чёрного юмора в аспекте процесса детабуирования.

Отсутствие единого понимания черного юмора объясняет наличие ряда англоязычных терминов, характеризующих феномен «dark humor»: «sick humor», «gallows humor», «dirty jokes» и «black comedy». В работе черный юмор понимается как «...the more or less explicit and sacrilegious representation of humour that has as its aim that of making fun of situations usually regarded as tragic, such as death, sickness, disability, and extreme violence, or of the people involved or subject to them» [4, с. 218-219].

Грань между смешным и запретным, между чёрным юмором и табу достаточно условна, поскольку табу - социокультурное явление, «социальный образец взаимодействия между интерактантами в тех или иных условиях, это элемент культурной идентичности, причем, прежде всего, коллективной идентичности» [1, с. 287]. В юмористическом стендап-выступлении эта грань зачастую стирается вовсе, что вполне объяснимо жанровой спецификой «одностороннего разговора выступающего, с возможностью более обширного взаимодействия с аудиторией» [5, с. 5]. Во время такого интерактивного взаимодействия табу нередко подвергаются детабуированию «...реализации <табуированных речесмыслов> при нарушении табуированного денотата» [3, с. 196], происходит «открытое и интенсивное использование слов и тем-табу в коммуникации» [2, с. 246]. Так выступающий устанавливает контакт с аудиторией, подчёркивает актуальность освещаемой проблематики, достигает комического эффекта, демонстрирует желание и возможность прямо говорить о том, о чём не принято или даже неприлично.

К актуальным в американской и немецкой лингвокультурах можно отнести ряд табу, которые систематизированы ниже в виде таблицы.

Таблица 1.

Американская лингвокультура	Немецкая лингвокультура
Дискриминация по половому/расовому признаку	Война и ее последствия, комплекс вины
Табу сферы сексуальных отношений (полигамия, нестандартные формы секса, мастурбация и порнография)	Проявление агрессии (в т.ч. сексуальной) в отношении женщин, детей, пожилых людей, животных.
Социальные проблемы внутри страны	Антисемитизм, расизм, национализм, сексизм
Тематики смерти и старения	Суицид, сопряженные тематики похоронных ритуалов
Табу женского тела (физический акт родов, менопауза, обсуждение половых органов)	Душевные и физические болезни, физические отклонения
Терроризм и его последствия, исламофобия	Иммигранты и их влияние на немецкое общество
Проявление насилия (жестокое обращение с детьми, пожилыми, животными, конфликты с применением физического насилия)	Сексуальные девиации разного рода (некрофилия, зоофилия, педофилия, различные фетиши)
Религиозные тематики	Тематики бесплодия и аборт

Материалом исследования послужили видеозаписи выступлений в жанре стендап американских (Sarah Silverman, David Cross, Louis C.K., Dave Attell, Kelsey Cook, Scott Thompson и др.) и немецких комиков (Maxi Gstettenbauer, Nico Semsrott, Oliver Polak, Fabian Hintzen, Enissa Amani, Tutty Tran и др.) в период с 2005 по 2018 гг.. Обратимся к двум фрагментам на английском и немецком языках, чтобы продемонстрировать основные выводы, к которым мы пришли в результате анализа практического материала. В комедийном концерте «Jesus is magic» Сары Сильверман комик заявляет[7]:

«I don't wanna jewels. I'm not like... I don't really... I'm not into jewelry or anything. I'm such a hypocrite. There's a jewel that I think is ... I guess I'm such a jap. There is one jewel that I think is stunning. That I... It's just like a classic. By jap I mean Japanese. But it's a... It's just gorgeous... You know. And it's really... It's rare. You know, it's only found like on the tip of the tailbone of Ethiopian babies. They debone the babies. I know that sounds so bad when you say it out aloud. But no, if you saw it... So worth it. You know, it's like... How do I even describe it like a... like if a diamond had that newborn baby smell. I have a moral issue with it, obviously, cause they're treating the unions that debone the babies really bad».

Прежде всего, необходимо отметить большое количество вводных фраз, которые зачастую выступают в роли дискурсивных маркеров и сопровождаются продолжительными паузами хезитации, указывая одновременно на наличие табуированной тематики и желание комика привлечь к ней внимание, призвать зрителя разделить основную идею высказывания. Например, вводная конструкция «**you know**» встречается в отрывке четыре раза; союзы «**but**», «**and**» и сравнение «**like**» служат для преодоления искусственно создаваемого комиком ощущения коммуникативного затруднения.

Детабуирование тематики детоубийства реализуется в высказывании «**You know, it's only found like on the tip of the tailbone of Ethiopian babies**». Комик использует прием абсурда, обозначая, что бриллиант может быть добыт исключительно от части копчика младенцев-эфиопов. Затем после паузы следует фраза с прямой номинацией «**debone**». Ей предшествует большое количество эмоционально-окрашенных эпитетов, описывающих бриллиант: «**gorgeous**», «**stunning**», «**classic**», «**rare**», усиленных наречиями «**just**» и «**really**». Внимание зрителей к этому объекту также привлекается с помощью повторяющихся синтаксических конструкций («**I'm not...**», «**There's a jewel...**», «**There's one jewel...**», «**It's just...**»), а отношение говорящего передаётся с помощью фраз «**I think**» и «**I guess**».

Выступающий использует восемь репаратур (самокоррекций) и фальстартов («**I'm not like...**», «**I don't really...**», «**I think is... I guess**», «**That I... It's just**», «**But it's a... It's just**», «**it's really... It's**», «**it's like...**», «**like a... like if**»), также к ним можно отнести критическую ремарку «**I'm such a hypocrite**». Комик отказывается от завершения фразы, нарушая причинно-следственную связь логического высказывания («**And it's really... It's rare**», «**But it's a... It's just gorgeous**», «**I'm not like... I don't really... I'm not into jewelry**», «**That I... It's just like a classic**»). Наличие множества пауз, эллипса и других средств криптолалии (тайноречия) говорит о высокой степени табуированности затрагиваемой тематики.

Теме детоубийства предшествует условно-табуированная тематика стереотипного представления о евреях. Она реализуется во фразах «**I guess I'm in such a jap... By jap I mean Japanese**» с помощью аббревиации и игры слов. Разговорный акроним J.A.P. («Jewish American Princess»), который имеет негативную коннотацию и обозначает «испорченную еврейскую девушку», созвучен сокращенному «**jap**» от прилагательного Japanese. За счет пресуппозиции об этническом происхождении комика у зрителей возникает ассоциация, связывающая любовь выступающей к бриллиантам с испорченностью еврейской девушки. Шутка строится на разрушении этой ассоциации посредством поясняющего комментария комика «**By jap I mean Japanese**», который реализует комический эффект.

Немецкоязычный пример взят из выступления комика Оливера Полака в рамках стендап шоу «Nightwash live» [6]:

«Aber ich bin oft horny... Ich bin sehr oft horny, das Problem ist nur wenn man horny ist, aber man hat niemanden mit dem man horny sein kann. Du weißt wovon ich spreche, Luke. Das ist... Als hattest du so eine Softeismaschine, aber nirgendwo ist ein Hörnchen. Du hast eine AK-47 - nirgendwo ist eine Schule.

Ich komme vom Land, da war das einfach, wenn man allein horny war und die Tiere verstehen das noch nicht so... Okay, das nehme ich jetzt wirklich zurück. Sie verstehen das schon, sie können es aber niemandem erzählen. What happens in the Stall, stays in the Stall».

Вульгарный англоязычный эпитет «**horny**», повторяющийся в высказывании четыре раза, имеет немецкий эквивалент (geil, rällig), однако говорящий намеренно использует заимствование из определённого дискурсивного пространства и выдерживает паузу хезитации, создавая отсыл к табуированной тематике проявления сексуальности. При этом во всем отрывке присутствуют только три паузы («...**horny... Ich**», «**Früher... Ich komme...**», «**nicht so... Okay**») и один фальстарт («**Das ist... Als...**»), что свидетельствует об относительно низком уровне коммуникативного затруднения в процессе детабуирования. Также реализуется типичная для стендапа интеракция с залом («**Du weißt wovon ich spreche, Luke**», «**Sie verstehen das schon, sie können es aber niemandem erzählen**»), направленная на уменьшение дистанции между комиком и зрителями.

В первой части фрагмента применяются эллиптические предложения, используются параллельные сравнительные конструкции («**Als hattest du... aber nirgendwo...**», «**Du hast... nirgendwo...**»). Сексуальная одержимость сопоставляется с насилием, идеологической одержимостью. Комик избегает прямой номинации «school shooting», но использует наименование модели автомата АК-47. Прямая номинация оружия направлена на выстраивание негативного ассоциативного ряда, связанного со стрельбой в школе.

Во второй части происходит наложение табуированных смыслов: к условно-табуированной тематике проявления сексуальности добавляется строго-табуированная тема зоофилии. Комик смягчает высказывание комментарием «**Okay, das nehme ich jetzt wirklich zurück**», маркирующим высокую степень табуированности. Комический эффект реализуется в последней фразе за счет аллюзивной отсылки к прецедентному высказыванию «**What happens in Vegas, stays in Vegas**». Слоган американской комедии «**What happens in Vegas**» первоначально использовался в сфере туризма и развлечений, эвфемистично вуалируя неприличные, постыдные действия или ситуации, о которых не принято распространяться. Импликация этого высказывания усиливается заменой топонима «**Vegas**» на существительное «**Stall**», что актуализирует подтекст сообщения и усиливает комический эффект.

Таким образом, в немецком и американском стендап-выступлениях комики часто нарушают разного рода табу, высмеивая или доводя до абсурда даже абсолютно табуированную в рамках их лингвокультуры тематику. При этом в американском стендапе мы отметили большее количество репаратур, фальстартов, продолжительную паузацию, а также обилие дискурсивных маркеров разного рода и преобладание прямых номинаций. Для немецкого стендапа более характерно использование смягчающих стилистических средств, параллелизмов, наличие эллиптических приёмов, заимствований, а также подмена понятий. Табуированные тематики в представленных лингвокультурах часто пересекаются, однако степень табуированности определённых сфер или аспектов достаточно разнится.

Список литературы

1. *Гришаева Л. И., Цурикова Л. В.* Культурные табу и их влияние на результат коммуникации // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – Вып. 2. – С. 282-298.
2. *Куницына О.М.* Семиотические основы табуирования // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Вып. 15 (675). – С. 105-112.
3. *Попова Я.В.* Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Тамбов, 2014. – 220 с.
4. *Bucaria C.* Dubbing dark humor: a case study in audiovisual translation [Электронный ресурс] // University of Bologna at Forlì, Lodz Papers in Pragmatics 4.2, 2008. URL: <https://goo.gl/06BF08> (дата обращения: 13.02.2018).
5. *Wilson N.* Was that supposed to be funny? a rhetorical analysis of politics, problems and contradictions in contemporary stand-up comedy [Электронный ресурс] // dis. PhD. University of Iowa, 2008. URL: <https://goo.gl/rESMQd> (дата обращения: 22.03.2018).
6. *Polak O.* Oliver Polak ist ein Krankes Schwein - Nightwash live [Электронный ресурс] // Youtube, 2014. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lcXAo5ntrK8> (дата обращения: 05.04.2018).
7. *Silverman S.* Jesus is magic [Электронный ресурс] // Youtube, 2005. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N3kiq79gL0I> (дата обращения: 06.04.2018).

10.02.19

А.В. Колмогорова д-р филол. наук, М.К. Мжельских

Сибирский федеральный университет,
Институт филологии и языковой коммуникации,
кафедра романских языков и прикладной лингвистики,
Красноярск, nastiakol@mail.ru, mary.sharowa@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ НОРМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В работе представлено описание взаимосвязей различных аспектов картины мира, в которых, так или иначе, репрезентирована когнитивно-семантическая категория нормы. Рассматриваются нормативная, ценностная, прототипическая и языковая картины мира.

Ключевые слова: *норма, оценка, нормативная картина мира, прототипическая картина мира, языковая картина мира.*

Объектом данного исследования является когнитивно-семантическая категория нормы, а предметом – и ее преломление в языковой картине мира. Цель работы – изучение взаимосвязи нормативной, ценностной, прототипической и языковой картин мира.

Новизна исследования заключается в уточнении взаимосвязей различных аспектов картины мира, в которых, так или иначе, репрезентирована когнитивно-семантическая категория нормы.

Норма имеет множество определений в зависимости от сферы, в которой функционирует данное понятие. Например, ее рассматривают как явление социальное или как часть понятийного аппарата медицины (пр., *психическая норма, моральная норма, норма поведения*) [Момов, 1972] или как термин статистики (пр. *средняя температура воздуха, среднее количество годовых осадков*) [Грицанов, 1999] и т. д.

Тот факт, что человеческая речь также является объектом нормативных оценок, объясняет значимость категории нормы и в лингвистике [Федяева, 2011].

В нашей работе мы придерживаемся когнитивно-семантического понимания нормы и, объединяя дефиниции Н.Д. Федяевой [Федяева, 2011] и Т.М. Николаевой [Николаева, 1996], понимаем под нормой – отображенные в семантике языка представления о нормальных (= обычных, правильных, распространенных) проявлениях тех или иных объектов относительно заведенного порядка вещей, понятия должного, системы ценностей данного лингвокультурного сообщества.

Опыт лингвистических исследований показывает, что норма как когнитивно-семантическая категория находит свое отражение в языковой картине мира (далее – ЯКМ). Под ЯКМ понимается, вслед за О.А. Леонтович, «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности» [Леонтович, 2002, с. 147].

Нормативная картина мира (далее – НКМ) является одним из аспектов ЯКМ, поскольку все элементы ЯКМ связаны между собой нормативными отношениями [Бабушкин, 2001].

Согласно Л.Г. Ефановой, НКМ – это «отраженная в семантике языковых единиц разных уровней система социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий его мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения» [Ефанова, 2015, с. 178].

Помимо НКМ, в качестве одного из аспектов ЯКМ выделяется ценностная картина мира (далее – ЦКМ), которая включает в себя наиболее значимые для данного лингвокультурного сообщества смыслы, ценностные доминанты, общность которых формирует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик, 2002, с. 168].

Отметим, что НКМ связана с ЦКМ, является ее основанием, и обладает всеми теми признаками, которые имеет ценностная картина мира, в силу того, что «ценность объекта соизмерима со стереотипами или стандартами по некоторой шкале, отображающей общественно сложившиеся нормы представления о хорошем или плохом, либо о проявляющемся сверх или ниже нормы» [Телия, 1986, с. 39].

Кроме того, свое отражение в ЯКМ находит прототипическая картина мира (далее – ПКМ).

Рассуждая о ПКМ, отметим, что гипотеза о существовании таковой впервые была высказана французскими исследователями Освальдом Дюкро и Жан-Клодом Анскомбром, утверждавшими, что в основе любого лексически самостоятельного слова лежит представление, свойственное большинству носителей данного языка о том, каким является лучший представитель данной категории [Ducrot, 1995].

Однако впервые данная картина мира получила трактовку в [Колмогорова, 2015, с. 39]: «прототипическая картина мира – это совокупность разделяемых представителями лингвокультурной общности и имплицитно включенных в денотативное значение лексических единиц данного языка представлений о признаках, качествах объектов, процессов, феноменов окружающей среды при естественном, нормальном положении дел».

Примером объективации в речи носителей языка представлений о прототипических характеристиках, например человека, выступающих как имплицитный компонент семантики соответствующего слова, может служить отрывок из романа Р. Гари «Большая барахолка» (пр.1):

1. (Врачи уговаривают полечить предателя, сдавшего фашистам участников сопротивления)

«– У него под зубом абсцесс. И ему очень плохо.

– Мне тоже было очень плохо. Меня два года продержали в Германии. Я промолчал.

– Ну ладно, ладно, пойду. Похоже, отказаться не имею права. Вот чертова профессия! – Он досадливо подергал локтями. – Человек есть человек».

Тавтология *Человек есть человек* построена на предикции референту, обозначенному первым словоупотреблением, определенных имплицитных характеристик, онтологически присущих прототипическим представителям категории ЧЕЛОВЕК. Данные характеристики неявны, но, тем не менее, оказывают влияние на прагматическую составляющую целого высказывания.

Нас также интересует взаимосвязь ПКМ с другими картинами мира, а именно с ЯКМ, НАКМ и ЦКМ.

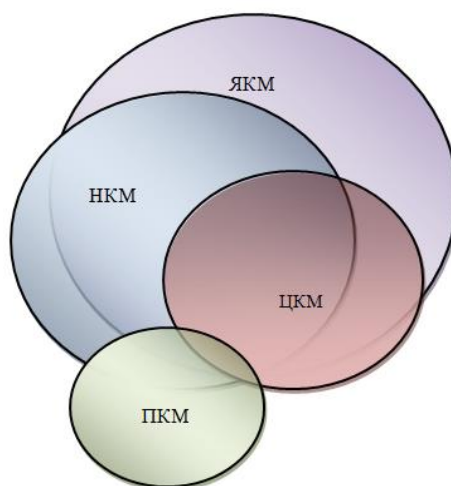

Рис. 1 – Взаимосвязь языковой, ценностной, нормативной и прототипической картин мира.

На рисунке 1 изображено соотношение ЯКМ, ЦКМ, НКМ и ПКМ. Мы расположили ЯКМ в плоскости большого круга, так в ней находят свое отражение все остальные из рассматриваемых картин мира. При этом все они пересекаются между собой в той или иной степени. ЦКМ отчетливо проявляется в языке сквозь призму оценочных представлений носителей языка, и поэтому она расположена в плоскости ЯКМ. НКМ является основой ЦКМ, объемля ее, – на рисунке она расположена под плоскостью ЦКМ. При этом наблюдается несовпадение контуров ЦКМ, НКМ и ЯКМ, поскольку нельзя утверждать наверняка, что все ценностные и нормативные представления вербализуются в ЯКМ. ПКМ изображена в виде круга, который лишь частично пересекается с плоскостью ЯКМ, поскольку прототипические характеристики объектов окружающего мира не вербализуются явно, но лишь имплицитно входят в семантику лексических единиц, составляя прагматическую составляющую значения слова и формируют смысл высказывания. Тем не менее, данный круг в некоторой степени пересекается с остальными, поскольку ПКМ имеет связь с нормативной и ценностной картинами мира и опосредованно репрезентируется в языке.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что нормативная, ценностная и прототипическая картины мира, находя свое отражение в языке, являются аспектами языковой картины мира. Нормативная картина мира является основой для ценностной, имея все ее характеристики, при этом данные картины мира достаточно хорошо поддаются вербализации. Прототипическая картина мира также отражена в языке и в ней закреплены характеристики объектов, феноменов или процессов окружающего мира «по умолчанию», которые остаются имплицитными до тех пор, пока не нарушается «естественное течение жизни».

Список литературы

1. Ducrot O. Les modificateurs déréalisants // Journal of Pragmatics. – 1995. – № 24. – Рр. 145–165.
2. Колмогорова А.В. Прототипическая языковая картина мира и семантика слова «по умолчанию»: опыт экспериментального исследования // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С.29–42
3. Момов В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. – 1972. – № 8. – С. 107-117.
4. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. – Минск: Книжный дом, 1999. – 877 с.
5. Федяева Н.Д. Нормы в пространстве языка [электронный ресурс] монография / Н. Д. Федяева – Флинта; Москва, 2011. – 388 с.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
7. Ефанова Л.Г. Категория нормы в русской языковой картине мира: дис. ... д-р. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2013. – 501 с.
8. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж, 2001. – 86 с.
9. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.
10. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – 2002. – Волгоград. – С. 166-205.

10.02.01

Т.Ю. Кудрявцева

Воронежский государственный технический университет,
строительный факультет,
кафедра русского языка и межкультурной коммуникации,
Воронеж, tatiana-k2304@yandex.ru

ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ В ПОЗИЦИИ ЗАГОЛОВКА: ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются занимающие позицию заголовка высказывания, в состав которых входит деепричастие. Выделяются признаки, позволяющие создать классификацию заглавий, в наибольшей степени раскрывающую их структурный и семантический потенциал. Дальнейшая работа в этом направлении позволит не только расширить и дополнить существующие типологии заглавий, но и скорректировать представления о коммуникативно-прагматических функциях деепричастия.

Ключевые слова: заглавие, высказывание, деепричастие, деепричастный оборот, структура, классификация.

Несмотря на то что заглавие художественного текста неоднократно привлекало внимание ученых [2], заголовочный комплекс, включающий в свой состав деепричастие, до сих пор не становился предметом отдельного исследования. Лишь в работе Ли Лицунь заглавия, представленные деепричастным оборотом, упоминаются как редко встречающийся структурный тип [6, 7–9]. Вероятно, подобное особое положение деепричастия (деепричастного оборота) обусловлено его «несамостоятельностью»: в тексте оно зависит от личной (или неличной) формы глагола и требует субъекта, имеющего значение активного деятеля [5, 65].

Между тем в последние годы деепричастие в титульной позиции текста оказывается востребованным и используется не только в публицистическом, но и в кодифицированном научном дискурсе [1], что, однако, представляется некоторым исследователям не вполне обоснованным: процессуальные заглавия, по их мнению, подменяют «...обоснования результатов "драматургией" изысканий» [8, 56]. Кроме того, вербоиды нередко встречаются в наименованиях фильмов и экранизаций – как русских, так и переведенных с других языков [4, 111–112], а также в названиях произведений художественной литературы [9].

Интерес авторов к этой, казалось бы, малоподходящей для ключевой *композиционной единицы* [3, 110] текста нефинитной глагольной форме побуждает исследовать высказывания вербоидного типа, репрезентирующие заголовочный комплекс. Их систематизация, как представляется, позволит не только выявить некоторые общие структурно-семантические свойства заглавий, но и углубить представления о коммуникативно-прагматическом потенциале деепричастия.

В «Указателе заглавий произведений художественной литературы 1801 – 1975 годов, изданных на территории России» было обнаружено 105 заголовков, в состав которых входит деепричастие.

С точки зрения происхождения 17 (16%) из них принадлежат переведенным на русский язык (главным образом с языков бывших союзных республик) произведениям художественной литературы, 88 (84%) являются названиями оригинальных русскоязычных произведений. Исключая сборники стихотворений, рассказов, фельетонов, только 43 выступают в титульной позиции отдельных художественных текстов и распределяются по жанрам следующим образом: именуют 31 произведение повествовательного жанра (5 романов, 3 рассказа, 23 повести) и 12 драматического.

Структурная классификация включающих в свой состав деепричастие названий приобретает многоступенчатый характер. Прежде всего, они могут быть разделены на две большие группы. Первую, наиболее многочисленную, группу составляют заглавия – независимые деепричастия и деепричастные обороты (их около 75%).

В зависимости от способа связи, маркирующего синтаксические отношения, одиночные деепричастия делятся на соединенные посредством бессоюзной связи (А.Ф. Чистяков «*Веря, ревнуя, любя*») и с помощью сочинительных соединительных союзов (И. Бабель «*Ликуя и содрогаясь*»). Изолированные одиночные деепричастия в позиции заглавия не встречаются.

Независимый деепричастный оборот, функционирующий в качестве заголовка, может быть: 1а) однокомпонентным – с одним зависимым компонентом, выраженным предложно-падежными формами имени существительного (С.А. Васильев «*Взирая на лица*», И.Ф. Винниченко «*Возвращаясь к прошлому*», В.Д. Берестов «*Идя из школы*»); беспредложными формами имени существительного (В.А. Соколов «*Внимая радости*», Л.И. Хаустов «*Слушая время*»); предложно-падежными формами местоимений (Ю.Н. Благов «*Между нами говоря*»); наречием (В.З. Масс, М.А. Червинский «*Идя навстречу*»); 1б) многокомпонентным – с несколькими зависимыми компонентами (Е.В. Фейерабенд «*Пронзая сердце радостью и болью*», А.Г. Гребнев «*Задевая за листья и звезды*»); 2а) неосложненным (Г. Гулям «*Встречая будущее*»); 2б) осложненным (З.Э. Эргле «*Между нами, девочками, говоря...*»); 3а) с прямым порядком слов (Б.Е. Тумасов «*Обретя крылья*»); 3б) с инверсией (Б.С. Смагоринский «*Друга чувствуя плечо*»).

Особую группу составляют заглавия, репрезентированные деепричастным оборотом фразеологизированного типа (М. Белецкий «*Засучивши рукава*», А.И. Пальм «*Очертя голову*») и деепричастным оборотом, приближающимся по значению к вводным конструкциям (В.П. Нырко «*Короче говоря*», В.К. Чиликин «*Между нами говоря*»).

Вторая группа представлена заголовками, выраженными деепричастиями и деепричастными оборотами, находящимися в зависимом положении – входящими в пропозицию, образованную другим глагольным членом. Такие заглавия репрезентируют следующие структуры: 1) одиночное деепричастие, включенное в пропозицию, образованную инфинитивом (А.К. Чепижный «*Гореть, не сгорая*»); 2) одиночное деепричастие при личном, финитном глаголе (Э.Я. Володарский «*Уходя, оглянись*»); 3) деепричастный оборот при финитном глаголе (Ю. Окунев «*Упал, метнув гранату...*»); 4) деепричастный оборот, включенный в целостное высказывание субъектно-предикатного типа (Ю.П. Кузнецов «*Выходя на дорогу, душа оглянулась*»); 5) деепричастный оборот, включенный во фразеологизированное высказывание (П.Г. Григорьев «*Осмеянный ревнивец, или Не спросясь броду, не надо соваться в воду*»).

С точки зрения пунктуационно-графического облика заголовки с деепричастием можно разделить на две группы: 1) лишенные конечного знака препинания (А.М. Дугинец «*Не выходя из боя*»); 2) имеющие конечный знак препинания (А.М. Ирошников «*Догоняя мечту...*», В.И. Шульчев «*Жить, побеждая!*», Н.М. Советов «*Вознося главу!*»), как правило, задающий эмоциональный план прочтения заглавия.

В 10% случаев в заголовках используется деепричастие совершенного вида, в остальных предпочтение отдается несовершенному виду, который не содержит в своем значении указания на достижение предела действия, представленного в развитии, в процессе, во временной протяженности. Можно предположить, что вынесенное в сильную позицию деепричастие несовершенного вида фиксирует временной фон, на котором осуществляется действие основного текста. При этом оно обозначает не столько действие, сколько состояние, признак.

В заглавиях авторы используют деепричастия определенной семантики: со значением чувственного восприятия (*глядя, слушая, внимая, чувствуя*), эмоционально-оценочного отношения (*любя, веря, ревнуя*), реального или ментального созидания-сохранения (*утверждая, не забывая, творя*), перемещения в пространстве или во времени (*идя, входя*).

Заметим, что в коммуникативном аспекте заглавие традиционно рассматривается в качестве темы, а основной текст – ремы, постепенное развертывание которой возвращает читателя к заглавию уже на новом витке – как к реме [7]. Деепричастие наделяет заголовочный комплекс дополнительной прагматической нагрузкой – оно задает коммуникативные координаты текста, меняя коммуникативно-прагматический статус заглавия, и устанавливает особого рода отношения между автором и читателем: не называя персонажей, не указывая на события, избегая прямых оценок или обращений, автор включает читателя в своеобразную игру, приглашая к сотворчеству.

Список литературы

1. *Валеев Г.Х.* Заглавие научного доклада // Вестник ВЭГУ. – 2010. – № 6. – С. 151–155.
2. *Веселова Н.А., Орлицкий Ю.Б., Скороходов М.В.* Поэтика заглавия: материалы к библиографии // Литературный текст: проблемы и методы исследования Тверской государственный университет. – Тверь, 1997. – С. 158–180.
3. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. – 194 с.
4. *Кудрявцева Т.Ю.* «Изображая жертву»: о функции деепричастия в пьесе братьев Пресняковых и экранизации К. Серебренникова // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: материалы международной научной конференции, 25–27 февраля 2014 года. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. – С. 109–114.
5. *Кудрявцева Т.Ю.* Синтаксическая функция деепричастия с позиций современных лингвистических воззрений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 2. – С. 65–67.
6. *Ли Лицзюнь.* Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 20 с.
7. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста. – М.: Academia, 2003. – 256 с.
8. *Синченко Г.Ч.* Заглавия диссертаций и иных научных работ (девять логико-прикладных правил) // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2005. – № 2. – С. 54–57.
9. Указатель заглавий произведений художественной литературы, 1801–1975: в 7 т. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина ; Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Б-ка АН СССР. – М., 1985–1995.

10.02.00

Е.В. Куликова канд. филол. наук

Московский политехнический университет,
Кафедра «Иностранные языки»
Москва, elena@kulikova.pp.ru

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РОМАНА В СТИХАХ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА

В статье проводится сравнительный анализ переводов фрагмента романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык, выполненного в разное время разными переводчиками. Рассматриваются стилистические и культурологические лакуны, встречающиеся в пушкинском тексте и те способы, которые переводчики выбирают для их заполнения.

Ключевые слова: перевод, переводоведение, роман «Евгений Онегин», стилистические лакуны, сравнительное переводоведение.

Поэтическая речь А.С. Пушкина погружена в культурный контекст его эпохи. Как известно, культурная компонента любого произведения является именно тем камнем преткновения, о который чаще всего спотыкаются переводчики. В современном переводоведении для обозначения этих трудно передаваемых тонкостей закрепился термин «лакуна». В узком понимании лакуну можно толковать как то, что традиционно называют «безэквивалентной лексикой». Однако мы будем употреблять этот термин в его широком значении, понимая его как весь комплекс культурно-лингвистических несовпадений в сопоставляемых языках при переводе произведения.

Наиболее распространенным средством заполнения лакун являются всякого рода переводческие трансформации. При всей сложности классификации лакун, многие исследователи сходятся на том, что основных трудностей при передаче их в переводе всего две: 1) отсутствие в ПЯ эквивалента или аналога в силу отсутствия у носителей этого языка обозначаемого понятия; 2) необходимость наряду с предметным значением реалии передать и колорит (коннотацию) - ее национальную и историческую окраску [1, с. 97-99]. В обоих случаях переводчику приходится искать для заполнения таких лакун близкие по смыслу единицы языка, и качество перевода, по большому счету, зависит как раз от того, насколько успешным был этот поиск. Разумеется, идеал недостижим, как вечно убегающий горизонт. Вот почему и существует огромное множество переводов самых великих произведений мировой литературы. В этом отношении роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» - своего рода «рекордсмен» по количеству изданных переводов на английский язык: их на данный момент уже более сорока (по классификации Питера М. Ли) [6]. Сравнение этих переводов, безусловно, представляет научный интерес. Попытка рассмотреть замещение лакун при переводе романа «Евгений Онегин» была предпринята О.В. Коптевой [2, с. 556-559], однако рассматривался только перевод В. Набокова.

Мы попытались сравнить переводческие решения по заполнению стилистических лакун, принятые разными переводчиками при переводе первой строфы романа «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Условно говоря, переводчики пошли двумя путями: одни прибегали к дескриптивному переводу, в то время как другие пытались передать смысл каждой фразы буквально. Следует отметить, что и среди первых, и среди вторых можно найти удачные переводческие решения. Возьмем за основу два перевода, противостоящих друг другу по этому признаку – Набокова и Арндта, на остальные будем ссылаться лишь эпизодически.

Наибольшее количество вариантов перевода представляет первая строка: «Мой дядя самых честных правил». Многим авторам удалось сохранить как авторский замысел, так и стихотворный ритм.

Arndt: My uncle, decorous old dunce (1992) old prune (1963)

Nabokov (1964,1975): My uncle has most honest principles: (буквально – имеет самые честные принципы).

Вторая строка «Когда не в шутку занемог» без труда может быть передана на любой иностранный язык, при этом немного теряется пушкинская экспрессивность получается (когда серьезно/смертельно заболел). По этому пути и пошло большинство переводчиков. В ряде переводов лексема «шутка» (не в шутку) заменяется лексемой «смертельно». Nabokov– when he was taken gravely ill (1964), when taken ill in earnest (1975). Arndt (1992) “Now that he is in grave condition (на краю могилы).

Наибольшие сложности у переводчиков вызвала фраза «Он уважать себя заставил / И лучше выдумать не мог.». Очень близко удалось выполнить перевод Кларку (Clarke) в 1999 году: he’s won everyone’s respect / couldn’t have thought of a better way (Он снискал всеобщее уважение, и лучшего способа не мог бы придумать). То же самое можно сказать и о переводе Набокова (Nabokov 1964, 1975): he forced one to respect him / and nothing better could invent (он заставил себя уважать и ничего лучше не мог изобрести).

Другие переводчики в той или иной мере отдалялись от точности перевода, как, например, Арндт (Arndt): Has earned himself my recognition; / What could have been more opportune? (1963) (заслужил себе мое признание, что может быть более удачным), Has won respectful recognition; / And done the perfect thing for once (заработал уважительное признание, и сделал лучшее хоть раз) (1992). Дальше всех от оригинала, пожалуй, перевод Сполдинга (Spalding): He hath acquired the world’s esteem / And nothing more important sees; (Он приобрел мировое уважение / И ничего более важного не видит) и Томаса (Thomas): He seems more decent than before.../ You have to praise the way he’s trying / To keep a grip, if nothing more (он кажется более достойным, чем ранее, надо отметить, что он старается, по крайней мере, держаться).

Следующее четверостишие очень точно переведено несколькими переводчиками: Его пример другим наука... и далее. Arndt: May his idea inspire others; (1963) His action be a guide to others (1992); / But what a bore, I ask you, brothers, / To tend a patient night and day / And venture not a step away. В трех вариантах Бабетт Дейч (Deutsch) видна последовательная работа по улучшению звучания и точности передачи смысла: He’s an example, I’m averring; (1936) He offers all a grand (1943) (fine 1964) example; / But, God, what boredom there, unstimulating, (1936) But, God, such boredom who would sample? (1943, 1964) / By day, by night, (1936) Daylong, nightlong, (1943) thus to be bid (1936, 1943) As day and night to have to sit (1964) / To sit beside an invalid! (1936, 1943) Beside a sick-bed – think of it! (1964). Hobson: The plan may be worth imitating; / The boredom is excruciating. / Sit by a sick-bed night and day / And never move a step away. В ряде случаев переводчикам удается передать содержание в ущерб стихотворной форме. Так, перевод Набокова в обеих редакциях уступает другим переводам по звучанию: To others his example is a lesson; but, good God, what a bore to sit / by a sick person day and night, not stirring a step away! (1964); by a sick man day and night, without moving a step away! (1975).

В следующих строках трудности возникают при переводе выражения «низкое коварство», хотя, казалось бы, оно может быть без ущерба переведено буквально, что и сделано многими переводчиками. Однако некоторые приняли решение отступить здесь от буквальности, часто необоснованно.

Есть очень точные и интересные переводческие решения, как, например, перевод Арндта (Arndt 1963), которому к тому же удалось передать пушкинский стихотворный ритм: Is there hypocrisy more glaring (есть ли лицемерие более вопиющее) / Than to amuse (забавлять) one all but dead (интересное выражение для передачи «полуживой») / Shake up the pillow for his head, / Dose him with melancholy bearing... And think behind a **stifled cough**, (буквально думать, маскируя под сдерживаемый кашель) / ‘When will the Devil haul you off?’ (1963), And think behind a **public sigh**: (буквально: и думать, маскируя вздохом на публику) / ‘Deuce take you, step on it and die!’ (1992) последняя фраза в ранней редакции перевода звучит даже более точной.

What base perfidiousness (вероломство – другим переводчиками использовалось более точное слово *cunning*) / To entertain one half-alive, (именно полуживой – встречается нечасто.) / adjust for him his pillows, sadly serve him his medicine, / sigh—and think inwardly / when will the devil take you?”

Очень удачен в этом месте перевод Hobson: With what low cunning one tries madly / To amuse a man who's half alive, / Adjust his pillows, and contrive / To bring his medicine to him sadly. / Then sigh while proffering the spoon, / 'Let's hope the Devil takes you soon.'

Итак, анализ разных переводов первой строфы «Онегина» показал, что при заполнении стилистических лакун переводчики, условно говоря, пошли двумя путями: одни предпочитают буквальный, почти дословный перевод, считая его более точно передающим мысль и эмоциональную окраску оригинала, другие отдают предпочтение дескриптивному (описательному) переводу, стремясь найти в английском языке наиболее удачные эквиваленты, при этом стремясь не жертвовать не только смыслом, но и формой переводимого произведения.

В любом случае переводчику необходимо учитывать как условия порождения оригинала, так и условия восприятия перевода. В идеале текст перевода должен восприниматься читателем так же, как оригинал, а это требует прагматической адаптации переводного текста, для чего в него вносятся неизбежные изменения, позволяющие заполнить лакуны.

В комментарии к своему переводу «Евгения Онегина», обосновывая отказ от точного воспроизведения формы оригинала, Набоков называет свой перевод «семантически точной интерпретацией», стремящейся передать «тончайшие нюансы и интонации оригинала» [4]. Корней Чуковский в своей неоконченной статье «Онегин на чужбине» так отозвался о работе В. Набокова: «В своих комментариях Набоков обнаружил и благоговейное преклонение перед гением Пушкина, и эрудицию по всем разнообразным вопросам, связанным с «Евгением Онегиным» [5, с. 251].

Отдавая должное кропотливому труду переводчиков-буквалистов (название условно), мы пришли к выводу, что больше удачных решений возникает у переводчиков-дескриптивистов (тоже весьма условное наименование), которые, не пренебрегая точностью передачи мысли, с не меньшей тщательностью ищут аналогов не словам и фразам, но всему тому, что составляет неповторимый колорит произведения: это ассоциации, интонация, подтекст, эмоции, национально-культурные особенности и т.д.

Однако при художественном переводе решающую роль играет интуиция, которая и определяет способность найти самое удачное и, как ни странно, самое рациональное решение, сохраняя во многих случаях не только всё смысловое и эмоциональное богатство подлинника, но и особенности его формы.

Немногие переводчики имели смелость попытаться сохранить в переводе онегинскую строфу, тем большего уважения заслуживают те, кому это удалось. Едва ли не в каждом из разобранных переводов есть свои удачи и неудачи, но в большинстве своем они, дополняя друг друга, создают в целом довольно достоверный портрет великого произведения Пушкина.

Список литературы

1. Абдуразакова Ш.Р. Межязыковые лакуны и способы их перевода [Текст] // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы Международной научной конференции (г. Москва, май 2012 г.). – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – С. 97-99. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/27/1997/> (дата обращения: 16.02.2018).
2. Коптева О.В. Стилистические лакуны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 556–559.
3. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. С. 229-330.
4. Набоков В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Вступительная статья. Примечания В. Старк. Спб., «Искусство» – Набоковский фонд, 1999. – 928 с.
5. Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Дружба народов. – 1988. – № 4. – С. 251.
6. Peter M. Lee. URL: <https://www.york.ac.uk/depts/maths/histstat/pml1/onegin/> (дата обращения: 16.02.2018).

10.02.04

Л.А. Лазутова канд. филол. наук, Е.А. Левина канд. филол. наук

Мордовский государственный педагогический институт,
факультет иностранных языков,
кафедра английского и немецкого языков и методик обучения,
Саранск, l_lasutova@mail.ru, e-lyo@yandex.ru

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЯЗЫКА¹

В работе представлены результаты исследования способов пополнения лексического состава немецкого молодежного языка, одним из которых является заимствование. Выявлено, что профессиональные заимствования поступают из сферы спортивной и компьютерной лексики, рекламы, ремесел и так далее. Иноязычные заимствования обусловлены усилением культурного и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: *немецкий молодежный язык, заимствование, спортивная лексика, компьютерная лексика, иноязычное заимствование.*

Deutsche Jugendsprache (немецкий молодежный язык) в зарубежном языкознании обозначает жаргон немецкоязычной молодежи или студенческий жаргон [4]. В связи с тем, что молодежь традиционно относится к мобильным группам населения, то и язык молодого поколения характеризуется изменчивостью, восприимчивостью к происходящим в социуме событиям. Молодежь выражает свой приобретаемый опыт непосредственно в языке, который кардинально меняется в течение нескольких лет. Следовательно, подобное явление может считаться актуальным и определять новизну социологических и лингвистических исследований. Кроме того, лица, изучающие иностранный язык (и прежде всего – студенты), должны ясно представлять сущность языка своих сверстников, понимать его и по возможности использовать в речи в процессе непосредственной коммуникации с представителями другой страны [1]. Целью данной работы является описание способов пополнения лексического состава немецкого молодежного языка, одним из которых служит заимствование. Переосмыслению подвергаются слова различных профессиональных языков. Фразеологизм *Bamboocha sein* заимствован из рекламной кампании *Fanta*. Так называют человека, который охотно пьет фанту, например:

– *Bist du auch Bamboocha?* / Ты тоже любитель фанты?

– *Nein... ich Colabier lieber!* [2] / Нет. Я предпочитаю колу или пиво.

Выражение *letzte Cola in der Wüste* используется в значении *последняя надежда*:

– *Na, hör mal! ... Und er ist hier weit und breit der Einzige unter 30! Alle anderen sind kurz vorm Verfallsdatum! Chrisi ist hier so was wie die letzte Cola in der Wüste!*” [3] / Послушай! Он был единственным, кому было за 30. Все остальные были уже гораздо старше. Кристи был нашей последней надеждой. Составной частью выражения выступает рекламное наименование *Cola*. В русском языке большей частью сохраняются общелитературные формы: *дождь (колодеи) в пустыне*.

Устойчивое выражение *Der pflückt die runter wie reife Bananen!* пришло из футбольного жаргона, где оно обозначает вялую игру и слабую атаку команды, а также употребляется в отношении пассивных людей, например: *Was war das denn??? Der pflückt die ja runter wie reife Bananen!!!* [2] / Что же с ним случилось? Он слишком с ней церемонится!

¹ Работа выполнена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнёров по сетевому взаимодействию (ФГБОУ ВО ЮУрГГПУ и МГПИ)

Выражение из языка немецкой молодежи *Aerodynamik wie ein Dreifamilienhaus* обозначает человека с избыточным весом. В состав сравнения входит термин из области физики. Например:

– *Eu guck dir den an!* / *Посмотрите на него!*

– *Oh Mann, der hat auch 'ne Aerodynamik wie 'n Dreifamilienhaus.* [2] / *Господи, он такой полный, что еле передвигается.*

Выражение *mit Hammer und Meißel abschminken* используется для обозначения чрезмерного использования косметики, например:

– *Hallo, Papa, ich bin wieder zu Hause* / *Привет, папа. Я дома!*

– *Ja, Moment Kind, ich geh schnell in den Keller Hammer und Meißel holen.* [3] / *Секунду. Я схожу в подвал за инструментом, чтобы снять с тебя эту штукатурку.* Используемая в примере лексика заимствуется из сферы слесарного ремесла – *молоток* и *зубило*, с помощью которых отец будет помогать снимать макияж. Вероятно, данное выражение возникло на основе негативного отношения родителей к использованию косметики молодежью.

Выражение *Zwischen Pest und Cholera wählen* применяется при описании ситуации, когда по сути выбора нет, а любое действие приведет к плачевному результату:

– *Was machst du eigentlich Samstagabend?* / *Что ты делаешь в субботу вечером?*

– *Naja, Atze hat mich eingeladen zum Jägermeister-Wett-Trinken in der Stampe. Aber Kalle hat mich auch schon gefragt, ob wir uns nicht einen gemütlichen Abend auf seiner Couch machen und glotzen...* / *Ну, Атце пригласил меня на Егермайстертурнир в Штампе. Но Калле пригласил меня поваляться на диване и посмотреть телек.*

– *Na, super. Da haste ja die Wahl zwischen Pest und Cholera.* [2] / *Супер. Одно другого не лучше.* В примере используются заимствования из сферы медицины – а именно – наименования заболеваний. Следующий вид заимствования связан, прежде всего, с техническим прогрессом, с ускоренным темпом развития информационно-коммуникационных технологий. Такого рода устойчивые выражения стилистически экспрессивны и понятны молодым людям, которые хорошо знают компьютерную технику и умеют ею пользоваться, например, *E-Mail-Bart* – последовательность символов при переписке посредством электронной почты: *Re:Re:Re:Re: Korrekturvorschlag zum Projekt X.* [3] / *Корректирующие меры по проекту (тема письма).* Чем дольше длится переписка, тем длиннее борода.

eBay-Golfer – игрок в гольф, который приобретает свое снаряжение и экипировку посредством *eBay* (международная торговая площадка, интернет-магазин распродаж), т. к. он недостаточно богат, чтобы играть в гольф, но создает видимость:

– *Haste den neuen da gesehen?* / *Ты видел этого новичка?*

– *Ja, der ist voll der eBay-Golfer.* [3] / *Да, он точно показушник.*

Наиболее часто заимствования проникают в язык посредством СМИ, при этом являясь не всегда оправданными. По частоте таких заимствований первое место занимают молодежные издания, которые в меньшей степени подвергают себя цензуре, стараясь приблизиться к литературному языку. Используя англицизмы, они привлекают читателей, создавая имидж непринужденности и копируя способ общения конкретной аудитории. Также заимствования зачастую нельзя объяснить нехваткой собственного лексического запаса. Так, например, в статье *“Der Anfang einer Beziehung ist schlimmer als ihr Ende”* / *«Начало отношений хуже, чем их конец»* автор употребляет два варианта для передачи понятия *песня*: *Als Hörer gehe ich eigentlich immer davon aus, dass der Sänger das, was er da singt, erlebt hat, dass er Protagonist des Lieds ist. Und natürlich ist jeder Song, den ich jemals schrieb, auf irgendeine Art mit mir verbunden.* [3] / *Как слушатель я исхожу из того, что артисты, исполняя свои песни, выступают в них главными героями, передают свои собственные переживания. И конечно, песни, которые я пишу, связаны, так или иначе, со мной.* Учитывая частоту, с которой встречается данная лексика в статье (*Lied* – 1 раз и *Song* – 11 раз), немецкий вариант слова здесь употребляется скорее для избегания повторения и выступает скорее как архаизм.

Если обратиться к фразеологическим единицам, то можно заметить, что гораздо чаще встречаются фразеологизмы, один компонент которых является заимствованным, а другой принадлежит национальному языку: *Lange Gesprächspausen beim ersten Date sind wirklich etwas Übels* [2] / Долгие паузы в разговоре на первом свидании – это не совсем хорошо. В примере для передачи значения *первое свидание* используется английское *Date* вместо немецкого *Verabredung*. В данном случае наиболее вероятным источником заимствования выступает сфера американского кинематографа.

Гораздо реже встречаются устойчивые выражения, все компоненты которых представляют собой заимствования. Так, заголовок “*Do's & Don'ts fürs Gespräch!*“ [2] / «Что можно и что нельзя в разговоре» может остаться непонятым для людей, не владеющих бытовыми навыками общения на английском языке. Эта проблема непонимания все чаще возникает в современном немецкоязычном обществе. Часто такие заимствования обусловлены модой и желанием усилить свой социальный статус.

По-настоящему обширной сферой, подвергнутой американизации молодежной лексики, является сленг в среде Интернет. Это диктуется господством на рынке компании *Microsoft*, названия новшеств которой зачастую многие языки перенимают без изменений, например, выражение *bei Google finden* [2] / искать что-либо в интернете, где имя собственное американской корпорации перешло в нарицательное, став синонимом слова *Интернет*.

Таким образом, можно прийти к выводу, что немецкий молодежный язык динамично развивается, постоянно меняется и является неотъемлемой частью обиходно-разговорной речи. Заимствование – широко используемый способ пополнения лексического состава молодежного языка. Профессиональные заимствования поступают из сферы спортивной и компьютерной лексики, рекламы, ремесел и т. д. В молодежном языке они зачастую приобретают новые, немотивированные значения. Иноязычные заимствования проникают в язык немецкой молодежи в связи с усилением культурного и экономического сотрудничества и чаще всего оформляются по существующим орфографическим и грамматическим нормам, сохраняя при этом некоторые этимологические особенности. Большинство заимствований происходит из английского языка. Представленная тема никогда не потеряет своей актуальности в силу постоянной изменчивости объекта изучения.

Список литературы

1. Лазутова Л.А., Левина Е.А. Классификация фразеологических единиц в языке немецкой молодежи. Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 6 (72) : в 3-х ч. Ч. 3. – С. 127.
2. Немецкий молодежный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unicum.de/> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Немецкий молодежный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bravo.de/> (дата обращения: 12.04.2018).
4. Kleinberger U., Spiegel C. Jugendliche schreiben im Internet: grammatische und orthographische Phänomene in normungebundenen Kontexten // Perspektiven der Jugendsprachforschung. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. – S. 106.

10.02.04

И.В. Матвеева канд. филол. наук, С.Н. Саможенов канд. филол. наук

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
факультет романо-германских языков,
кафедра теории и практики немецкого языка,
Нижний Новгород Iramatweewa@yandex.ru, samozh@lunn.ru

СМЕЩЕНИЕ ЛИЦ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье описывается способ передачи чужой речи с точки зрения ее стилистических функций. Установлено, что, являясь разновидностью косвенной речи, несобственно-прямая речь зависит от ряда показателей: синтаксической позиции личных местоимений, полноты предложения, наличия идиоматических фраз, не подвергающихся транспозиции.

Ключевые слова: категория лица, эмитент, реципиент, внутренняя речь, чужая речь.

В последнее десятилетие усилия ученых различных гуманитарных наук сосредоточены на главном направлении, суть которого – исследование «семантико-стилистических особенностей современного немецкого языка, анализ которых позволяет обогатить представления о различных номинативных, коннотативных, изобразительных и интерпретирующих возможностях языка» [2]. В этой связи для лингвистического анализа значение приобретает внутренняя речь (несобственно-прямая речь).

Являясь разновидностью косвенной речи, несобственно-прямая речь не выделяется коммуникативным маркером, используется в основном в художественном контексте, поэтому образует свой пласт, где совмещаются субъективные планы автора и говорящего. Экспрессивные выражения, дейктические наречия *hier*, *jetzt*, которые указывают на отношение лица к действию, приближают внутреннюю речь к прямой:

„Der Schweiß rann ihm über das Gesicht, und immer wieder musste er sich Stirn und Augen abwischen, weil die Feuchtigkeit ihm die Lider verklebte. Er hatte sich schon mehrmals für ein paar Minuten hingesezt, zweimal auf Bänke, einmal sogar auf den Asphaltboden. Und der Durst würde bald unerträglich sein. Konnte man **hier** nirgendwo etwas zu trinken kaufen? Aber da waren nur Villen, Bäume, Sauberkeit und die unerreichbare Kühle des Himmels.“ [6: 54].

С другой стороны, тот, чьи мысли выражаются внутренней речью, выступает как третье или второе лицо; транспозиция глагольных времен имеет сходство с транспозицией в косвенной речи, но отличительная черта ее именно в том, что в рамках одной языковой структуры сохраняются акценты двух разно-направленных голосов.

Несобственно-прямую речь определяют как «пережитую речь» («Erlebte Rede»). Как форма непосредственного изображения переживания чужой речи, живого впечатления от нее внутренняя речь мало пригодна для передачи речи другому, третьему. Она служит лишь целям художественного изображения, так как при передаче внутренней речи другому лицу утратится характер сообщения [1: 123; 3: 138].

Несобственно-прямая речь характеризуется некоторыми ограничениями: она не признает новых референтов для первого и второго лица. В то же время следует упомянуть некоторые модификации, где местоимения первого лица в идиоматических сочетаниях могут встретиться в несобственно-прямой речи. Например:

„Ein Windstoß schlug so heftig gegen das Fenster, dass die Scheiben und auch die Tassen auf dem Tisch leise klirrten. Hansen unterbrach für einen Moment, und Lessing nützte das aus, um nach der Wanduhr zu sehen: Viertel vor neun. **Mein Gott**, saßen sie wirklich schon sechs Stunden hier? Mit einem Schlag wurden seine Kopfschmerzen heftiger und zugleich auch seine Müdigkeit.“ [6: 111].

Устойчивые фразы не допускают транспозиций в другое лицо. Подобные восклицания не являются интегрированными в цепочку предложений, следовательно, трудно определить, включены ли они в рамки несобственно-прямой речи. „Mein Gott“ можно принципиально воспринять как прямую речь.

Если наряду с шаблонными выражениями с первым или вторым лицом существует модель с третьим лицом (so wahr er hier stand; er/sie konnte ihm/ihr Buckel runterrutschen; er/sie Esell!; er/sie Rindvieh!), то она должна выступить в несобственно-прямой речи только в значении идиомы:

„Frau Stuhl aus der Glockengießerstraße hatte wieder einmal die Gelegenheit, in den ersten Kreisen zu verkehren, indem sie Mamsell Jungmann und die Schneiderin am Hochzeitstage bei Tonys Toilette unterstützte. Sie hatte, **strafe sie Gott**, niemals eine schönere Braut gesehen, lag, ...“ [7: 162].

Заслуживает внимания выражение «sagen wir», вкрапление которого в несобственно-прямую речь имеет стилистический характер. Несмотря на то, что данная форма обладает референциальным соответствием третьему лицу, во внутренней речи героя фраза «sagen wir» остается нетранспонируемой, выступает в значении идиомы: Da dachte ich mir, diese, sagen wir, fünfzigtausend könnte ich doch besser anlegen.

В значении “man” может также употребляться обобщенное «wir», где происходит сплетение внутренней речи фигуры ситуации описания с активным субъектом речевого акта:

„Das ist es wert, die Hoffnung darf nicht einschlafen, sonst werden sie nicht überleben... Und wenn **wir** alle tot sein werden, dann war es ein Versuch, das ist es wert“ [5: 78].

Решение вопроса, воплощает ли рассказчик идеи, представленные через форму «wir», или автор присоединяется к своему герою, имеет отношение скорее всего к литературной интерпретации и возможно при полном охвате контекста. В данном примере «wir» представляет собой группу людей, детерминирующуюся через принадлежность к национальности, к социальной группе. В качестве Его выступает третье лицо, демонстрирующее свои переживания.

Несобственно-прямая речь не позволяет смещение роли адресата в рамках персонального дейсиса. Если второе лицо встречается при передаче чужой речи, то эту речь можно охарактеризовать как адресованный текст, где фиктивный читатель идентифицирует себя с лицом, к которому послан текст. Например:

„Ein Tag wird kommen, da siehst du ihn zum erstenmal. Und er sieht dich. Zum erstenmal, das heißt: Nie wieder. **Aber erschreckt nicht! Ihr müsst nicht voneinander Abschied nehmen, das habt ihr längst getan. Wie gut es ist, dass ihr es schon getan gabt!**“ [8: 21].

Использование местоимения во втором лице и форм императива в приведенном отрывке позволяет увидеть смену перспективы рассказчика. Описание душевного состояния героя внезапно сменяется эпическим обращением к окружению, обращению рассказчика к потенциальным читателям. Форму второго лица в примере можно отождествить с вокативом. Обращение, которое не направлено на слушателя, носит характер восклицания. Внутренняя речь не представляет собой коммуникацию, этим можно объяснить встречающиеся в несобственно-прямой речи специальные вокативы.

Случайные формы повелительного наклонения в несобственно-прямой речи объясняются лингвистами как вкрапления прямой речи [3, 4]:

„...Aber da hat er schon begonnen, der Vikar, da hörst du seine Stimme, jung und eifrig und unaufhaltsam, da hörst du ihn schon reden. **Lass** es geschehen! **Lass** seine guten Worte untertauchen in dem blinden Regen...“ [8: 15].

Подводя итог сказанному, отметим, что условия для смещения лица могут зависеть от множества факторов:

1. от синтаксической позиции, содержащей транспонируемый элемент. Личные местоимения в составе номинальной синтагмы сложнее транспонировать в отличие от местоимений, выступающих главными конституентами предложения;

2. от полноты предложения. Неполные предложения не подвергаются сдвигу референтов в сравнении с полными предложениями;

3. от отсутствия моделей употребления идиоматичных форм в третьем лице. Например, восклицание типа „Mein Gott!“ произносится всегда первым лицом, говорящим, следовательно, вследствие неподвижности элементов этой структуры модификации данной формы не допускаются.

Список литературы

1. *Матвеева И.В.* Когнитивно-коммуникативная парадигма «персональность» в современном немецком языке: Монография. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011. – 146 с.
2. *Саможенов С.Н.* Семантико-стилистические особенности определительных конструкций в современном немецком языке // Казанская наука №4 2018. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2018. – С. 113-115.
3. *Vogt J.* Aspekte erzählender Prosa: eine Einführung in Erzähltechnik und Romantheorie. – Stuttgart: UTB GmbH, 2008. – 276 S.
4. *Mironovich M.* Über das Wesen der erlebten Rede im Deutschen // Berührungsbeziehungen zwischen Linguistik und Literaturwissenschaft. – Frankfurt am Main: Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003. – S. 317-332.
5. *Becker J.* Jakob der Lügner // Anthologie zur deutschsprachigen Literatur (1945 – 1996). Т. 1. – М.: Изд-во МАРТ, 1999. – 776 с.
6. *Kehlmann D.* Unter der Sonne. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. – S.
7. *Mann T.* Buddenbrooks. Verfall einer Familie. – Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 2000 – 755 S.
8. *Aichinger I.* Spiegelgeschichte // Anthologie zur deutschsprachigen Literatur (1945 – 1996). Т. 1. – М.: Изд-во МАРТ, 1999. – 776 с.

10.02.00

А.А. Миникеева, А.Г. Садыкова д-р филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого
(Высшая школа русской и зарубежной филологии),
кафедра Германской филологии,
Казань, alzi.minikeewa2011@mail.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОГО СИНТАКСИСА
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ
(НА АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ Х. КЛИНТОН И Д. ТРАМПА)**

Данная статья рассматривает основные особенности предвыборного дискурса, проявляющиеся на синтаксическом уровне в текстах Д. Трампа и Х. Клинтон во время предвыборных дебатов 2016 года. Предвыборный дискурс является актуальным направлением современной лингвистики. Увеличение политической активности со стороны политиков обусловлено тем, что во время избирательной кампании максимально заинтересованы в побуждении избирателей, что увеличивает использование различных языковых средств. В фокусе внимания находятся средства экспрессивности в текстах политиков за период первых, вторых и третьих президентских дебатов, в которых анализируются следующие средства экспрессивного синтаксиса: эллиптические предложения, позиционно-лексический повтор и парцелляция. В результате сравнительного анализа функционирования средств в текстах обоих политиков, были отмечены количественные соотношения для выявления их функционально-прагматического потенциала. Структурный анализ показал, какие средства экспрессивного синтаксиса в текстах обоих политиков являются наиболее частотными в употреблении. В выводах демонстрируются результаты сопоставительного анализа средств экспрессивного синтаксиса.

Ключевые слова: *лингвистика; синтаксис; экспрессивность; предвыборный дискурс; политик; кандидат; выборы.*

Одна из сфер человеческой деятельности, политическая деятельность, представляет собой движущей рычаг человечества. Реализация высокоуровневой коммуникации между всеми участниками политических процессов осуществляется на различном использовании языковых средств. Рассматривая область политического дискурса актуализируется тем, что именно предвыборный дискурс отмечен обилием использования всевозможных языковых приемов и средств. Целью данной работы является анализ языковых особенностей политиков в предвыборном дискурсе. Это позволяет восполнять пробелы содержательного характера термина «предвыборный дискурс», разрешить вопросы функционирования языковых средств в предвыборном дискурсе.

При исследовании данного вопроса мы опирались на труды российских и зарубежных ученых. В частности, по мнению В. И. Чудинова, «предвыборный дискурс – это особая сфера коммуникации, привязанная к времени и месту проведения предвыборной кампании и обслуживающая определённую социальную сферу – политические выборы» [1, с. 53]. Тогда как Т.А. ван Дейк приходит к выводу о том, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст (домен политика), а не сам текст [3, с. 11-40]. Я.С. Яскевич анализирует предвыборный дискурс по текстам официальной публичной речи, отличающиеся особым эмоциональным настроением и содержащие в себе призывы и побуждения к действию [2, с. 5].

Произведенный анализ исследований раскрывает предвыборный дискурс как процесс, демонстрирующий актуализированные проблемы общества на конкретный срез времени, а также потенциальные решения проблем. На фоне данных проблем процесс сопровождается параллельной борьбой за власть между участниками кампаний, что в результате влияет на композиционное и стилистическое построение текстов спикеров в рамках предвыборного дискурса.

Для демонстрации особенностей функционирования языковых средств в предвыборном дискурсе, мы определили материалом исследования тексты дебатов Дональда Трампа и Хилари Клинтон, временным пределом которых является финальный период предвыборных кампаний на пост президента Соединенных Штатах Америки в 2016 году. В ходе исследования были отобраны 254 примера: 163 примера употребления экспрессивных средств в текстах политика Д. Трампа, 91 – в текстах политика Х. Клинтон.

Анализ синтаксического уровня текстов подтвердил большую экспрессивность характера выступлений Д.Трампа, но едва ли можно охарактеризовать речь Х. Клинтон как нейтральную или менее экспрессивную. Так, во время первых дебатов политики использовали эллиптические предложения, что составляет 25 % в текстах Д. Трампа (примеры 1) и 5% в текстах Х. Клинтон. Вторые дебаты иллюстрируют функционирование эллиптических предложений в 25,5 % случаев в текстах Д.Трампа и 9% случаев употребления в текстах Х. Клинтон (пример 2). Третьи дебаты демонстрируют увеличение функционирования эллиптических предложений в текстах обоих политиков, составляя 46,5 % случаев в текстах Д.Трампа (примеры 3) и 21,5 % в текстах Х.Клинтон. Так, мы пришли к выводу, что экспрессивность высказываний у обоих коммуникантов увеличивается за счет частотного использования экспрессивных предложений и приближением даты выборов.

1. *[She's a] Typical politician. All talk, no action.[4]*

2. *I want a Supreme Court that understands because you're wealthy and you can give more money to something. [It] doesn't mean you have any more rights or should have any more rights than anybody else.[5]*

3. *Bad health care [is] at the most expensive price.[4]*

В примерах (1-3) прослеживается реализация такой функции эллиптических предложений, как средство реалистического воспроизведения разговорной речи.

Функционирование позиционно-лексический повтор в текстах Трампа во время первых дебатов составляет 44,5 % случаев употребления, в текстах Клинтон – 50 % случаев употребления (пример 4). Снижение употребление данного средства во время вторых дебатов в текстах Трампа составляет 37,5 % случаев употребления (пример 5). 45,5 % случаев употребления наблюдается в текстах Клинтон во время вторых дебатов. Третьи президентские дебаты демонстрируют 28,5 % случаев употребления позиционно-лексического повтора в текстах Трампа. Незначительное снижение функционирования позиционно-лексического повтора в наблюдается в текстах Клинтон, составляя 43 %.

4. *And one of the things he's done is to let loose cyber attackers to hack into government files, to hack into personal files, hack into the Democratic National Committee.[5]*

5. *We are not dependent upon the Middle East. But the Middle East still controls a lot of the prices.[4]*

Употребление данного вида повтора в примерах (4-5) усиливает экспрессию высказывания, а зеркальный прием выражает экспрессию выражения на синтаксическом уровне.

Акцентирование на конкретную информацию с целью экспрессивного выделения на синтаксическом уровне выражено в парцелляции. Так, в 14 % случаев употребления парцелляции составляют тексты Трампа во время первых дебатов, в текстах Клинтон выражены в 15 % случаев употребления (пример 6). Тексты Д. Трампа во время вторых президентских дебатов включают 15 % случаев употребления парцелляции (пример 7), 9 % составляют тексты Х. Клинтон. На 3,5 % снижается употребление парцелляции в текстах Трампа во время третьих дебатов, тогда как в текстах Клинтон наблюдается увеличение на 14 % случаев употребления.

6. *We teach our children that this is one nation under God, indivisible, with liberty and justice for all. Not just for people who look a certain way or worship a certain way or love a certain way. For all.*[5]

7. *Obamacare will never work. It's very bad, very bad health insurance. Far too expensive.*[4]

В данных примерах (6-7) парцелляция изображена в наиболее типичных условиях, где демонстрирует усиление контекстуальных уточнении и пояснении.

Таким образом, для осуществления желаемого результата, а именно победы на выборах, используются те языковые средства, которые наиболее эффективно позволяют достигать поставленную цель. Индивидуальный стиль речи политиков проявляется и на синтаксическом уровне: тексты предвыборной кампании Д. Трампа изобилуют средствами экспрессивности, тогда как тексты предвыборной кампании Х.Клинтон менее экспрессивны. Кандидаты на пост президента США использовали такие средства экспрессивного синтаксиса как эллиптические предложения, позиционно-лексический повтор парцелляция, которые усиливали эмоциональность, интенсивность речи, что безусловно является катализатором мотивации граждан к активному участию в политических выборах.

Список литературы

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
2. Яскевич Я.С. Коммуникативная парадигма субъекта власти: специфика аргументации. Электронная версия. <http://www.argumentation.spb.ru/2002l/papers/l2002p8.html#29>
3. T.A. Van Dijk, T. A., 'Discourse, ideology and context', *Folia Linguistica* XXXV/1–2, 2001, pp. 11–40; <http://www.discourses.org/OldArticles/Discourse,%20ideology%20and%20context.pdf>
4. Официальный сайт предвыборной кампании Дональда Трампа. // URL: <https://www.donaldjtrump.com/> (дата обращения 7.05.2018)
5. Официальный сайт предвыборной кампании Хилари Клинтон. // URL: <https://www.hillaryclinton.com/> (дата обращения 7.05.2018)

10.02.20

Г.Н. Мухамедьянова¹ канд. филол. наук, Э.Н. Абуталипова² канд. психол. наук

¹Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета,
педагогический факультет, кафедра иностранных языков
Сибай, mgn3@mail.ru

²Институт Развития Образования Республики Башкортостан,
кафедра коррекционной педагогики,
Уфа, elzaab@mail.ru

СЛОВО КАК ПРИЕМ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Материал статьи посвящен проблеме манипулирования личностью в средствах массовой информации. Рассматривается феномен внушения и манипуляции, возможности слова в качестве средства скрытого воздействия на аудиторию. Особое внимание уделяется эвфемии как одному из тактических приемов манипулирования сознанием людей в средствах массовой информации.

Ключевые слова: сила слова, манипуляция, средства манипуляции, внушение, воздействие, эффект, государство, власть, нравственность, этика, эвфемизмы, эвфемия, мелиоративное словоупотребление, мелиорация.

Последние десятилетия характеризуются все увеличивающимся потоком конфликтов самого разного уровня и технологий. И все они, будь то проявление обычной речевой агрессии, теракт или война, имеют информационную подоплеку. Слово – символ информации, элемент, содержащий огромную и порой даже исчерпывающую смысловую нагрузку отдельно взятой ситуации. Учеными были выявлены механизмы воздействия звучащего слова на психику человека. Многообъемность слова, – писал И.П.Павлов, – делает понятным то, что внушением можно вызвать в гипнотизируемом человеке так много разнообразных действий, направленных как на внешний, так и на внутренний мир человека» [7, С.79]. Люди реагируют на внушение, которое обещает им удовлетворение тех или иных потребностей и интересов. В соответствии со своими намерениями коммуникатор может ввести аудиторию в заблуждение, а аудитория может согласиться с этим, полагая, что в рассуждениях говорящего содержится некий скрытый смысл. Но чаще аудитория не замечает, что ее вводит в заблуждение.

Ключевая роль во влиянии на сознание аудитории принадлежит эвфемизмам – благозвучным и непривычным способам обозначения. Манипуляторы тщательно избегают слов, смысл которых исторически устоялся в общественном сознании. Многие из существовавших в определенный исторический период слов уже давно сменили наименования, изящно вуалирующие негативный смысл обозначаемого явления. Иллюстрацией таких слов является *предпринимательская деятельность* (вместо «спекуляция»). В советскую эпоху слово спекуляция (от лат. speculation - высматривание) использовалось для обозначения деятельности, связанной со скупкой и перепродажей отдельными лицами дефицитных товаров в условиях каких-либо ограничений свободы торговли (например, во время войны, в послевоенное время, как следствие спада экономики). Производное обозначение «спекулянт» имеет ярко выраженную негативную оценочность как лицо, покупающее и перепродающее что-либо с целью получения личной выгоды. При этом покупатель становится жертвой обмана со стороны продавца по той причине, что виновный либо просто умалчивает об истинной цене вещи, либо в целях получения большей прибыли преувеличивает цену, уплаченную им при первой покупке. Обман в форме превышения государственных розничных цен – одно из наиболее распространенных негативных

социальных явлений, которое ранее подвергалось административному или уголовному наказанию. Сегодня слово «спекулянт» относится к категории историзмов, а наименования *частный / индивидуальный предприниматель* приобрели позитивную оценочность и как новые более не воспринимаются. Многообъемность слов *бизнесмен, деловой человек* позволяют манипулятору использовать его практически в любом контексте. При этом суть обозначаемого явления становится настолько размытой, что не вызывает той негативной реакции аудитории, которая неизбежна при прямом словоупотреблении. Одним из существенных признаков слов с широкой семантикой является их кажущаяся научность. Человек не понимает истинное значение обозначаемого явления, но внешнее эстетическое оформление высказывания внушает доверие по отношению к говорящему. Чем меньше граждане понимают, тем это выгоднее манипулятору. Так, обычный человек, извлекающий выгоду не из производства определенного рода товаров или услуг, а из непосредственной выгодной сделки по купле по недорогой цене и продаже дороже активов именуется *трейдером*. В отличие от исконно русского обозначения *биржевой спекулянт* английское слово *трейдер* не только не вызывает в сознании обычного адресата негативной оценки, но и приобретает положительные оттенки значения. Нарращение особого смысла происходит, прежде всего, в официальной прессе.

Слова широкой семантики составляют значительную часть международной общественно-политической лексики, служат созданию виртуальной картины мира, в которой описываемые события воспринимаются аудиторией способом, отвечающим интенциям адресанта речи. Семантическая неопределённость способствует вуалированию нежелательного смысла слов, связанных с негативными явлениями современного общества: насилие, убийство, агрессия. Для человека непосвященного в специальную терминологию осмысление истинного содержания высказывания потребует расшифровки.

В официальной лексике во все времена подвергались табуированию темы смерти, убийства, любого рода проявления агрессии и жестокости. Первоначально подобные иносказания трудно расшифровать, не имея фоновых знаний. Однако впоследствии, по мере вхождения подобных иносказательных формулировок в активную лексику, они утрачивают присущие им эвфемистические свойства и требуют новых способов смягчения негативной сущности обозначаемого явления.

Вуалированию негативного смысла подвергаются слова, содержащие указание на масштабы трагедий и гибель людей по вине лиц, ответственных за соблюдению правил техники безопасности или иных правил охраны труда. В отчетах чиновников и заголовках официальных СМИ слова «взрыв» нередко заменяются безобидным *хлопок*, а вместо прямого наименования «катастрофа» привлекается слово *авария*, значительно преуменьшающее масштабы ужасной трагедии, повлекшей за собой массовую гибель людей. Совершенно очевидно, что в сознании массового адресата слова *хлопок, авария* – это что-то несерьезное, не слишком значимое, воспринимаемое вполне нейтрально и не вызывающее негативной реакции граждан преступными действиями или отсутствием мер со стороны ответственных лиц по предупреждению трагедии. Очевидно, что такого рода занижение масштабов события с помощью эвфемизмов носит негативный характер и представляет собой сознательную манипуляцию общественным мнением. *Взрыв, катастрофа, теракт* – слова, относящиеся к категории табу. В публичном пространстве использование этих слов может вызвать болезненную реакцию обычного адресата, и повлечь за собой нежелательные последствия для лиц, так или иначе связанных с описываемым событием. Чиновники на местах склонны трактовать все как можно менее проблемно, предпочитая замалчивать проблемы и не называть вещи своими именами. Вместо прямых способов обозначений («забастовка», «голодовка», «теракт», «взрыв» и др.) привлекаются определения, изящно вуалирующие нелицеприятную сущность описываемого события. Прикрывая легкомыслие или небрежность виновных в причинении вреда здоровью и жизни людей, чиновники и журналисты руководствуются соображениями личной безопасности. Главной задачей манипулятора становится утаивание масштабов негативного явления, события во избежание

проблем, связанных с потенциально негативной реакцией вышестоящих ведомственных учреждений, способной повлечь за собой нежелательную публичную огласку, дискредитацию руководителей учреждений, увольнения, понижения в должности, уголовное наказание ответственных лиц и др.

Манипулирование личностью, использование различных средств психологического воздействия на людей стало обычным явлением повседневной жизни. Каждое такое воздействие предполагает некоторую эмоциональную реакцию аудитории, отвечающую интересам манипулятора. Если с этой точки зрения посмотреть на возможности слова, то становится очевидным тот факт, что произнесение слова равносильно совершению действия.

Список литературы

1. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке. – учеб. для вузов. – М.: Логос, 2001.- 304 с.
2. *Гаджиев К.С.* Внешняя политика в поле пересечения морали и власти // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 10. – С. 59 –72
3. *Ильютюк С.В.* Манипулирование сознанием человека в СМИ // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2011. Издательство Оренбургская областная общественная организация «Попечительский совет Оренбургского института (филиала) Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московская государственная юридическая академия». – Оренбург, 2011. С.15-23
4. *Кассирер Э.* Политические мифы. Реклама: Внушение и манипуляция: учеб. пособие для факультетов психологии, социологии, экономики и журналистики. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. – С.382-396.
5. *Мухамедьянова Г.Н.* Слово в действии: анализ политических текстов в СМИ // Актуальные вопросы формирования единого научного пространства: материалы международной научно-практической конференции (Саратов, 26 мая 2017 г.). – Саратов, 2017. – С.57 -59.
6. *Мухамедьянова Г.Н., Абуталипова Э.Н.* Табу и эвфемия как проявление магической функции языка (немецкого, русского, башкирского языков) //Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – №4 (58), ч.2. – С. 61-63.
7. *Павлов И.П.* Мозг и психика / Под редакцией М.Г.Ярошевского. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 320 с.

10.02.00

П.Ю. Петрусевич

Автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования
Удмуртской Республики «Институт развития образования»
Ижевск, polina.petrusevich@gmail.com

АНАЛИЗ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ОСНОВА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В данной статье рассматриваются возможности контрастивного анализа с точки зрения его применения в методике преподавания нескольких иностранных языков школьника. Рассматриваются следующие межъязыковые соответствия: векторные соответствия, интернациональная лексика, межъязыковые омонимы, безэквивалентная лексика и приводятся примеры данных явлений посредством сопоставления русского, английского, немецкого и испанского языков. Определяются возможности применения контрастивного анализа с целью минимизации межъязыковой интерференции и создания условий для осуществления положительного переноса.

Ключевые слова: контрастивный анализ, иноязычное образования, межъязыковые соответствия, интернациональные слова, безэквивалентная лексика, межъязыковые омонимы.

Сравнение является важным и широко используемым методом исследования языковых явлений. Контрастивный анализ направлен на выявление специфики изучаемых языков, следовательно, их более глубокое понимание. Согласно американскому лингвисту Д. Болиджеру, сравнительные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и понять законы управляющие этими процессами. Благодаря данному методу становится возможным установление в синхронии сходств, различий, характерных черт и эквивалентов отдельных категорий исследуемых языков. Вопросу сопоставительного изучения языков посвящены работы многих отечественных языковедов, в том числе В.Г. Гака, И.И. Мещанинова, Е.Д. Поливанова, Б.А. Серебрянникова, А.И. Фефилова, А.С. Чикобова, Л.В. Щербы, В.Н. Ярцева и других.

Задачей данной статьи является контрастивный анализа лексических единиц русского, английского, немецкого и испанского языков и выявление таких межъязыковых явлений, как векторные межъязыковые соответствия, интернациональные слова, межъязыковые омонимы и безэквивалентная лексика как основы для преподавания нескольких иностранных языков параллельно.

В лингвистической литературе встречаются два термина: сравнительное и контрастивное исследование. В.Н. Ярцев считает данные понятия синонимичными. Однако ряд исследователей (А. Гудавичюс, В.М. Мокиенко, И.А. Стернин, И.П. Сусов) видят необходимость в их разграничение. В рамках данной работы видится целесообразным применение термина «контрастивное исследование», которое согласно И.А. Стернина отличается от сравнительного тем, что результаты контрастивного описания единиц языка могут быть непосредственно применены в педагогической практики, так как они являются описанием отличительных признаков конкретных пар языковых фактов в двух языках (например, слов).

Контрастивный анализ может быть применен как в теоретической области языкознания, так и в практической области перевода и преподавания иностранных языков. В своей монографии «Контрастивная лингвистика» И.А. Стернин рассматривает возможность расширения сферы преподавания иностранных языков как одну из причин роста интереса к сопоставительным исследованиям. При этом, исследователь подчеркивает недостаточность разработанности вопроса практического использования результатов контрастивного описания лексики на уроках иностранного языка. В потенциале данный метод может быть использован с

целью повышения уровня осознанности восприятия языков, облегчения усвоения языкового материала, минимизации влияния отрицательной интерференции, применения возможностей положительного переноса и как следствие интенсификации учебного процесса.

Сравниваемые лексические единицы разных языков, которые имеют сходства в семном составе, и которые могут быть сопоставлены друг с другом принято называть межъязыковыми соответствиями (И.А. Стерин). Одним из вариантов таких соответствий являются *векторные межъязыковые соответствия*, то есть соответствия единицы одного языка нескольким единицам сопоставляемого языка. Контрастивный анализ векторных соответствий лексики иностранных и родного языков имеет особую дидактическую значимость, так как у обучающихся возникают трудности в понимании и использовании тех лексических единиц, которым характерна полисемия как в родном, так и в иностранных языках. На первых этапах освоения языков сложности возникают, когда одно слово иностранного языка эквивалентно нескольким словам родного языка. Приведём примеры таких векторных межъязыковых соответствий:

В английском языке: run (бежать, *управлять*), break (ломать, *перемена*); glass (стакан, *стекло*); age (возраст; *век*).

В немецком языке: der Stock (этаж, *палка*), die Decke (потолок, *одеяло*) die Bluse (блузка, *рубашка, кофточка*), das Eis (мороженное, *лед*).

В испанском языке: la muñeca (кукла, *запястье*), la regla (линейка, *правило*), la cola (хвост, *очередь*), contar (считать, *рассказывать*).

На более продвинутом этапе изучения языков большую сложность вызывают такие соответствия, в которых лексическая единица в родном языке выражена одним обобщающим словом, а в иностранном несколькими. Рассмотрим примеры.

В английском языке: solve (решать проблему, задачу) – decide (решать, принимать решение); carry (носить что-то в руках) – wear (носить на себе одежду); ground (земля) – Earth (планета земля) – soil (земля, почва) – land (земля, страна); kitchen (кухня, комната) – cuisine (кухня, еда); punishment (наказание), penalty (наказание, взыскание, штраф), retribution (наказание, кара, возмездие).

В немецком языке: wohnen (жить в каком-то месте) – leben (жить, существовать); können (могу, имею навык) – dürfen (могу, имею разрешение); klingen (звонить, издавать звук) – anrufen (звонить, связываться с кем-то); kennen (знать, быть знакомым) – wissen (знать, иметь знания); der Lohn (заработная плата, почасовая) – der Gehalt (заработная плата, оклад).

В испанском языке: jugar (играть в игры) – tocar (играть на музыкальных инструментах); ser (быть постоянно) – estar (быть временно); querer (любить нежно) – amar (любить страстно); valer (стоить, иметь ценность) – costar (стоить, приносить затраты).

Возможны и более сложные векторные соответствия, когда слова в обоих языках является многозначным. Например, русское слово «дерево» в английском языке соответствует словам «tree» (дерево как растение) и «wood» (дерево как материал, древесина). В свою очередь «wood» можно перевести как «древесина» и «лес». Второй вариант перевода также соответствует английскому слову «forest». При этом, «wood» используется, когда имеется в виду не большой лес, а «forest», когда речь идет о большой площади земли, покрытой растениями.

Существует ряд межъязыковых соответствий, которые являются векторными при сопоставлении русского и изучаемых иностранных языков, но не будут таковыми при осуществлении контрастивного анализа лексических единиц английского, немецкого и испанского языков. Так в английском и немецком языках существует разделение на пальцы рук (анг. finger, нем. der Finger) и пальцы ног (анг. toe; нем. die Zehe), в то время как в русском и испанском (el dedo) языках это одно слово. И наоборот во всех трех иностранных языках «апельсин» и «оранжевый цвет» (анг. orange, нем. Orange, исп. naranja), «синий» и «голубой» цвета (анг. blue, нем. blau, исп. azul), «космос» и «пространство» (анг. space, нем. der Raum, исп. el espacio) обозначаются одним словом. В таких случаях задача преподавателя состоит в том, чтобы помочь обучающимся осознать различие в первом иностранном и осуществить перенос своих знаний на второй и третий иностранные языки.

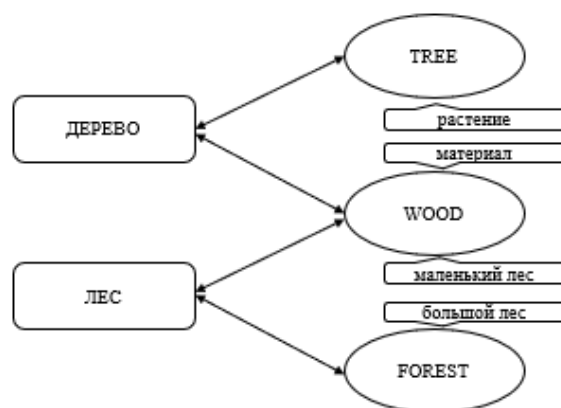

Рис. 1 - Векторные соответствия слова «лес» в русском и английском языках

Основой для положительного переноса в первую очередь являются *интернациональные слова*, то есть лексические единицы, которые имеют сходства до степени идентификации в графическом (орфографическом) и фонематическом отношении с полностью или частично общей семантикой, выражающие понятия международного значения и существующие в нескольких (не менее чем трех) синхронически сопоставляемых языках. Эти слова представляют собой фонетические и морфологические варианты слов и морфем, которые распространились из одного первоисточника в неродственные языки, и имеют в этих языках сходную семантику и графику. Проблеме интернационализмов посвящены научные труды следующих исследователей: В.В. Акуленко, Э.Ф. Володарской, Т.И. Зелениной, Ю.Н. Кочурова, О.Б. Шахрай.

В результате политических, экономических и культурных контактов народов происходит постоянное взаимовлияние языков друг на друга. Даже не являясь родственными, языки могут иметь общие слова, так как доля заимствованных слов, как правило, составляет не менее десяти процентов в любом языке. Поэтому становится возможным осуществление контрастивного анализа всех четырех языков с целью выявления интернациональных слов (табл. 1).

Таблица 1. Интернациональные слова в английском, немецком, испанском и русском языках.

English	Deutsch	Español	Русский
Bus	der Bus	el autobús	Автобус
Tea	der Tee	el té	Чай
Name	der Name	el nombre	Имя
Theater	das Theater	el teatro	Театр
Information	die Information	la información	Информация
Jeans	die Jeans	los vaqueros	Джинсы
Dance	tanzen	bailar	Танцевать

При анализе специфики интернационализмов как межъязыкового явления, имеет смысл также обратить внимание обучающихся на типичные для этих слов префиксы (приставки и суффиксы) с целью облегчения понимания и перевода таких слов с одного языка на другой.

В рамках обсуждения проблемы методики преподавания нескольких иностранных языков, особую значимость имеют такие межъязыковые соответствия как *межъязыковые омонимы* (ложные когнаты, ложные друзья переводчика), то есть слова двух или более сравниваемых языков, совпадающие по звуковой или графической форме и различающиеся по значению. Классифицируя межъязыковые омонимы, С. Д. Хуцишвили, выделяет фонетико-графические (соответствие графической и фонетической форм ЛЕ), фонетические (соответствие фонетически, но различаются графически) и графические (соответствие графически, но различаются фонетически) омонимы. Вопросами омонимии занимались следующие исследователи: В.В. Акуленко, С.С. Захаров, В.Н. Крупнов, В.Л. Муравьева, А.А. Реформатский, С.Д. Хуцишвили. Далее рассмотрим примеры в каждом из обсуждаемых языков.

В английском языке: *accurate* (не «аккуратный», а «точный»); *artist* (не «артист», а «художник»); *data* (не «дата», а «данные»); *magazine* (не «магазин», а «журнал»); *repetition*

(не «репетиция», а «повторение»); servant (не «сервант», а «слуга»).

Таблица 2. Типичные префиксы интернациональной лексики английского, немецкого, испанского и русского языков.

English	Deutsch	Español	Русский
un – unfriendly	un – unfreundlich		
in – incorrect		in - incorrecto	
mis – mistrust	miss - misstrauen		
- less endless helpless	-los endlos hilflos		
-full Respectfull	-voll respektvoll		
-tion / cion / sion publication organization	-tion die Publikation die Organisation	-tion / ción la publicación la organización	- ция публикация организация
-er / or doctor professor	-or der Doktor der Professor	-or el doctor el professor	-ор доктор профессор
- able Comfortable		-able Confortable	
-y melody copy	- ie die Melodie die Kopie	-ia la melodia la copia	- ия мелодия копия
- ate delicate private	-at dekilat privat	-ado delicado provado	

В немецком языке: also (не «также» в англ. «also», а «итак»); das Gift (не «подарок» в англ. «gift», а «яд»); das Glück (не «глюк», а «удача»); die Krawatte (не «кровать», а «галстук»), der Rock (не «камень» в англ. «rock», а «юбка»); der Schüler (не «шулер», а «школьник»).

В испанском языке: la carpeta (не «ковер» в англ. «carpet», а «папка»); la carta (не «карта», а «письмо»); el calor (не «цвет» в англ. «color», а «жара»); éxito (не «выход» в англ. «exit», а «успех»); la rana (не «рана», а «лягушка»).

Так же, как и в случае с векторными межъязыковыми соответствиями и интернациональными словами существует ряд слов, которые не являются по отношению друг к другу межъязыковыми омонимами при сопоставлении иностранных языков, но становятся таковыми в сравнении с русским языком. Например, англ. intelligent, нем. intelligent, исп. inteligente – не «интеллигентный», а «умный»; англ. family, нем. die Familie, исп. la familia – не «фамилия», а семья.

Последним вариантов межъязыкового соответствия, который представляет интерес с точки зрения преподавания нескольких иностранных языков, является *безэквивалентная лексика*, то есть лексическая единица исходного языка, которая не соответствует ни одной единицы языка сопоставления. Отсутствие же такого межъязыкового соответствия в сравниваемом языке принято называть лакуной. Вопросу безэквивалентности лексики посвящены работы таких исследователей, как Л.С. Бархударов, В.П. Берков, С.И. Влахов, В.Г. Гак, А.О. Иванов, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер.

И.А. Стернин говорит о том, что безэквивалентную лексику принято разделять на мотивированную и немотивированную. Первая объясняется отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре, поэтому видится целесообразным преподавание таких слов посредством знакомства с историческими и социокультурными особенностями страны. Приведем примеры мотивированной безэквивалентной лексики.

В русском языке: лапти, матрешка, балалайка, квас, сарафан, творог, частушки.

В английском языке: country (сельская музыка горных районов юга США), foot (фут, мера длины), sheriff (шериф, начальник государственной исполнительной службы), Tory (консервативная партия), ranch (ранчо, большая ферма).

В немецком языке: der Advent (4 пред рождественских воскресенья, отмечаемых в кругу семьи как праздник); der Kanzler (канцлер, глава правительства), die Museumsinsel (музейный остров, остр. на котором расположены берлинские музеи), die Seppelhose (короткие кожаные штаны до колен, часть баварского костюма); der Weihnachtsstollen (традиционный рождественский кекс из дрожжевого сдобного теста с изюмом и пряностями).

В испанском языке: la corrida (коррида, бой быков); la paella (паэль, традиционное блюдо из риса и морепродуктов); los Reyes Magos (волхвы, сказочные зимние детские герои); la siesta (сиеста, послеобеденный отдых); el sombrero (сомбреро, шляпа с широкими полями).

Немотивированная безэквивалентная лексика не может быть объяснена отсутствием явления, предмета или понятия в культуре носителей языка, то есть само явление в жизни народа присутствует, но по ряду причин слова его обозначающего в языке нет. Рассмотрим примеры немотивированной безэквивалентной лексики.

В русском языке: почемучка, сутки, сухомятка, кипятки, куранты.

В английском языке: skyline (силуэт зданий на фоне неба); earworm (навязчивая мелодия); toddler (ребенок, начинающий ходить); challenging (трудный и интересный).

В немецком языке: die Augenweide (прекрасное зрелище); goldrichtig (абсолютно правильный); der Feierabend (вечер после работы); der Termin (заранее запланированное на определенный срок дело) günstig (удобный, хороший и недорогой).

В испанском языке: desvelarse (страдать бессонницей); el duende (чувство вдохновения и гармонии на природе); el puente (один или несколько дней между двумя праздниками); la sobremesa (послеобеденная застольная беседа).

Таким образом, проведение контрастивного анализа лексики русского и изучаемых иностранных языков позволяет выделить ряд межъязыковых соответствий, которые играют значимую роль в освоении нескольких иностранных языков. Трудности, возникающие у обучающихся при столкновении с векторными межъязыковыми соответствиями, межъязыковыми омонимами, безэквивалентной лексикой и др., говорят о необходимости выявления педагогических условий и разработки комплекса упражнений для системного и осознанного освоения данных межъязыковых явлений. Более того, при грамотном подходе межъязыковые соответствия могут не только перестать вызывать трудности, но и стать основой для осуществления положительного переноса ранее приобретенных школьниками языковых знаний и умений.

Список литературы

1. *Ильина Ю.Н.* особенности работы с интернациональной лексикой при обучении второму иностранному языку (испанскому после английского) / Многоязычие в образовательном пространстве. – 2017. – выпуск 9.
2. *Кочурова Ю.Н.* Интернационализмы французского происхождения в диахронии и синхронии: дис. ... канд. филол. наук Ижевск: Удмурт. гос. уни-т, 2010. 209 с.
3. *Лобковская Л.П.* О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика» / Вестник Челябинского государственного университета. - 2012. - № 20 (274). С. 79–87
4. *Малых Л. М.* Сравнение языков в синхронии: теоретические и прикладные аспекты: монография / под ред. Т. И. Зелениной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 201 с.
5. *Стернин И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М. – АСТ: Восток-Запад, 2007. 208 с.
6. *Хуцишвили С.Д.* Славянские межъязыковые омонимы: дис. ... доктора филол. наук Тбилиси: Тбилисский гос. уни-т, 2010. 169 с.

10.02.19

Мехти Рагимов

Гянджинский государственный университет
гуманитарный факультет, кафедра грамматики и преподавания английского языка,
Гянджа, mekhdy@mail.ru

РОЛЬ ИНТЕРКУЛЬТУРЫ И ЗАИМСТВОВАНИЙ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

В статье понятие «интеркультура» понимается как особый тип культуры, которая сформировалась в результате взаимодействия различных национальных культур. Заимствование является и процессом трансляции иноязычного элемента, и самим элементом, введенным в пространство лингвокультуры-реципиента в результате разного рода взаимодействия языков и культур. На современном этапе развития языка концептуальные заимствования сыграли особую роль в лингвокультурно-когнитивном пространстве.

Ключевые слова: *интеркультура, язык реципиента, лингвокультура.*

Формирование «интеркультуры» отражает более ранние периоды истории человечества и в современных условиях связано с процессами глобализации. В современном мире глобализация способствует тому что языковые знаки и структуры оказываются изначально «знакомыми» представителям двух и более культур. В содержательном плане формирование общей интернациональной культуры наполнено восприятием и освоением основ языковой культуры и ценностей в духовном наследии, научной мысли, практической деятельности. Если рассматривать человечество как некий «организм» (что оправдано в связи с положением о единстве человека и его природы, единстве планеты Земля как его колыбели и сферы обитания), то правомерно сравнить элементы интеркультуры с сообщающимися сосудами, позволяющими реализовываться процессам общения и взаимообогащения контактирующих лингвокультур. Объединительный потенциал формирующейся «общей» чертой для представителей географически близких или дистантных культур позволяет говорить о возможном формировании в будущем некоторого единого наднационального культурного пространства в реальности своего существования, то есть интеркультуры не в метафорически моделируемой реальности, но как реальности действительной. С учетом этих факторов изучение заимствований как основного элемента интеркультуры, а также их влияния на лингвокультурологию языка обуславливает актуальность данного исследования.

Цель исследования – охарактеризовать заимствования как элементы интеркультуры, выявить общие и отличительные черты интеркультуры и его влияние на лексический состав языка в лингвокультурологическом аспекте, что и является новизной в данной статье.

Очевидно, что термин «интеркультура» представляет собой сложное и многоаспектное явление, исследование которого предполагает множество аспектов для исследования, среди которых одним из важнейших является лингвистический подход. Феноменологически проявляясь в коммуникативном поле «интерсубъективности», интеркультура передается в определенных формально-образных структурах, которые чаще всего получают определенное языковое значение как на уровне порождения аутентичных ценностных феноменов, так и на уровне восприятия и адаптации их иными культурами. В лингвистическом плане одним из «пластов» интеркультуры как культуры «общей» для современных отдельных лингвокультур или их совокупности является единый «генетический» языковой фонд. Интеркультуру также следует учитывать при рассмотрении эволюции конкретного языка «во времени и пространстве», сопряженной с различного рода языковыми контактами в интеркультуре «ощущается острота конкурентности языков» [8, с.145]. Современные информационно-технологические средства и экономические изменения интенсивно влияют на формирование общих языковых алгоритмов общения на основе английского языка — признанного языка международного общения.

Одним из наиболее явных проявлений и результатов произошедшего «обобществления», маркером «интеркультуры» следует считать иноязычные образования в рассматриваемой культуре, которые показывают, по отношению к каким или какой одной культуре существует факт заимствования, установлен «мост» общения, создающий особо благоприятные условия для взаимопонимания в диалоге представителей данных культур. «Обобществление» знаков языка и культуры связано с глобальным «контекстом» взаимодействия, не носит исключительно характер диалога лингвокультур. Скорее наоборот, некий элемент заимствуется данным языком, если он уже существует как «аттрактор» в определенном полилоговом «интеркультурном» диалоге.

Слова и обороты речи, находящиеся в стадии адаптации в данном языке; фиксируются либо на уровне отдельных употреблений, либо уже на уровне узуса в определенных предметных сферах жизни общества. По отношению к данным оборотам речи возникает «аксиологическое» отношение приятия их или неприятия как позиций, высказываемых при общественном обсуждении. Для данного состояния заимствуемых выражений можно выделить следующие случаи: новообразования как единственные обозначения для данного феномена (*картридж*, *ксерокс*); новообразования, имеющие синоним в принимающем языке (*хит* – популярная песня; *менеджер* – управляющий); креативно создаваемые в данном языке новообразования, «инспирированные» инокультурой и производные от элемента, известного в глобальном масштабе, как, например, образования с приставкой евро- (*евро-ремонт*, *еврокачество*); слова иного языка, употребляющиеся без каких-либо изменений в принимающем языке, даже без транслитерации. Считается, что данные слова и обороты являются достаточно известными для целевого адресата. При этом возможно явление выбора как необходимого обозначения одного из возможных вариантов некоторого нового явления (ср. в русском языке *компьютер* от англ. *computer*, а не от французского *ordinateur*).

В социо-функциональном плане выделяются лексические «международные» пласты лексики, отражающие влияние одной из наиболее «компетентных» культур на общее культурологическое международное пространство в данной области деятельности. Широко известна в этом отношении важнейшая роль латинского и греческого, для создания в целом научной терминологии, международной по своему характеру (*куб*, *квадрат*, *эллипсис*, *дисциплина*, *физика* и т. д.). Латинский и греческий языки все еще остаются основным этимологическим источником для новейших терминов в области современной науки. Так, появились новые, латинские по своим корням, слова, такие как *антибиотик*, *бактериофаг* и т.д., которые являются международными.

На основе «международных» элементов, но при явном превалировании английского языка, в современных национальных языках формируются «подъязыки» новейших направлений науки (*электронный коллайдер*), масс-медиа (*саммит*, *глобализация*, *диджей*) и технологий, а также экономической, общественно-политической, шоу-бизнеса, бытовой и массовой культуры. В ряду данных подъязыков выделяется, прежде всего, язык компьютерных технологий, который выходит за рамки узкого терминологического употребления в более широкий узус в лингвокультуре русского языка (*сайт*, *файл*, *провайдер*, *сервер* и т.д.). Компьютерный язык развивает не только собственную лексику, но и собственный словарь со словарными гнездами, деривацией и предикативными оборотами (*файл* – создать файл – произвести файлообмен), а также шутливые слова и обороты, придающие компьютерному языку свойства профессионального жаргона (*нижамкер* — *page taker*, *брыкпойнт* — *breakpoint*, *Емеля* — *E-mail*) [5], [9]. Таким образом, в настоящее время зоны непосредственного обмена между русским и английским языками происходят в русле как устоявшихся направлений языкового диалога (спорт, кулинария), так и в русле развития новейших тенденций в моде, науке и технологиях.

Диалог культур в условиях глобализации и интернационализации определяет общность функционирования и развития интеркультуры через взаимодействие национальных концептосфер в русле формирования ноосферы. Понятие «ноосфера», разработанное В.И. Вернадским, означает высшую стадию биосферы, связанную с качественным

преобразованием глобальной деятельности человека на основе научного подхода к природе и к себе самому [3]. Во взаимодействии человека и природы во главу угла ставится совокупность научных знаний и опыт всего человечества в планетарном масштабе. Природа и культура находятся в прямой зависимости друг от друга, и разрушение природной среды ведет к разрушению культуры как в физическом и биологическом отношении, так и в нравственном. Ноосфера представляет собой искусственную среду, созданную человеческим разумом, в которой особую значимость имеет культура, неразрывно связанная с природой, обществом и человеком и рассматриваемая В. И. Вернадским как планетное явление: «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой культуры или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [4].

Ноосфера как «область человеческой культуры и проявления человеческой мысли» [6, с. 219] сосредотачивает в себе Культуру – главнейшую часть мира, созданную человеком на протяжении всей его истории и пронизывающую все пространство его бытия. Однако отдельный человек, прежде всего, – это субъект национальной лингвокультуры, ибо «человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, как русский, француз, немец или англичанин» [2, с. 85]. Национальные культуры существуют разрозненно, но в то же время в постоянном диалогическом взаимодействии, которое является неперенным условием их развития, поскольку «другая» культура, как «alter ego», расширяет наше духовное пространство и помогает проявлению скрытых возможностей человека [1].

Причем в этом диалоге каждая культура реализует себя как культура самобытная, неповторимая, уникальная. Это знакомство и, помимо этого, использование результатов, к которым пришли разные языковые сообщества в ходе их «преобразования мира в собственность духа», дает необозримые возможности» [7, с. 274]. Национальные культуры, соприкасаясь, пересекаясь друг с другом в процессе культурного контакта, претерпевают модификации, образование которых обуславливает развитие и функционирование интеркультуры.

Выводы. Заимствования являются элементами интеркультуры, а интеркультура является элементом формирования ноосферы.

Подход к языковому контакту как одному из видов взаимодействия языков и культур позволяет рассмотреть заимствование слов как вид трансляции элемента концептосферы языка-источника в язык-реципиент, возможность которого основывается на наличии универсальных, общечеловеческих элементов.

Список литературы

1. Алексина Т. А. «Чужое» как «иное»: расширяющееся пространство культурного диалога. 2000. URL: <http://www.auditorium.ru/audyv/index.php?a=:vconf&c=getForm&r=thesisDesc&idthesis=1748> (дата обращения: 22.01.2018)
2. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии. М.: АСТ, 2006. 320 с.
3. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. URL: <http://vernadsky.lib.ru>. (дата обращения: 29.01.2018)
5. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. // Исследования по славянским языкам. №5. Сеул, 2000. С 63-91.
6. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
7. Радченко О. А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: КомКнига, 2006. 312 с.
8. Сагитова Л. В. Языковая конкуренция в условиях глобализации: прагматизм и идеальные интересы молодежи // Филология и культура. Phylology and culture. № 42, 2016. С. 144-149.
9. Шейгал Е. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты. ВГПУ, ПМПУ. Волгоград - Архангельск: Перемена, 1996. С. 204–211.

10.02.00

А.Г. Садыкова д-р филол. наук, Д.М. Сиразетдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации, кафедра германской филологии,
Казань, dianasir@icloud.com

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Фразовые глаголы отличаются высокой продуктивностью и занимают видное место в лексико-фразеологическом фонде современного английского языка. В данной работе рассматриваются семантические, морфологические, а также грамматические особенности сочетаний глагола и постпозитива. Помимо выявленных особенностей, нам удалось установить, что фразовые глаголы, благодаря структурной экономии, семантической сжатости и в тоже время информативности, выполняют необходимую функцию в дискурсе. К тому же, обретая все новые значения и утрачивая старые, фразовые глаголы увеличивают диапазон своего применения.

Ключевые слова: *фразовый глагол, постпозитив, идиоматичность, семантика, морфология.*

Сочетание глагола и постпозитива обладают определёнными характеристиками, благодаря которым их можно отнести к фразовым глаголам. Несмотря на свою сжатость, они несут в себе определённый смысл и большую выразительность. Помимо большой степени употребления в разговорном английском языке, фразовые глаголы получили широкое распространение в СМИ. Целью данной работы является определение семантических и морфологических особенностей фразовых глаголов, как языковых единицы в контексте заголовков англоязычных интернет-статей.

Объектом настоящего исследования послужили фразовые глаголы с постпозитивными компонентами, выраженными как предлогами, так наречиями: in, off, back, up, out и т.д. Мы произвели попытку классифицировать фразовые глаголы, выявить какие их структуры наиболее часто употребляются в заголовках современных английских СМИ, а также дать характеристику их семантическим и морфологическим особенностям, сделав выборку более чем 200 заголовков статей, представленных в таких интернет-источниках как Reuters, Breakingviews, Todayonline и др.

Большой вклад в изучение фразовых глаголов как самостоятельных языковых единиц внесла Джейн Поуви, которая определила их как сочетание "простого" глагола (например, carry, make, go) и адвербиального послелога (например, in, off, down), представляющее единую семантическую и синтаксическую единицу [1, с.5]. Что касается их классификации, то они выделяются по типу глагола (переходной/непереходный), по количеству постпозитивов и их типам (предлог/наречие). Следуя этой классификации, Джейн Поуви выделяет шесть структур фразовых глаголов: 1) непереходная структура в сочетании с наречием (read on, push off, look down); 2) непереходная структура в сочетании с предлогом (go up, glance over, get out); 3) переходная структура в сочетании с наречием (fold up, hand out, hang up); 4) переходная структура в сочетании с предлогом (keep from, get out, get off); 5) непереходная структура в сочетании с наречием и предлогом (face up to, come down on); 6) переходная структура в сочетании с наречием и предлогом (help off with, pass on to, let in on) [1, с.12-41].

Структурная классификация, как обычно дополняется семантической классификацией, в соответствии с которой можно выделить следующие фразовые глаголы: с **буквальным значением** всех компонентов [2, с.125]: look up, write down, stand up; **полуидиоматизированные**, в которых глагол сохраняет свое прямое значение, а предлог несет дополнительное (semi-idiomatic) [3, с.280]: wash up, pay out, pay off; **идиоматизированные** (idiomatic): give up, go off, take up.

Свое исследование мы начали с выявления морфологических характеристик фразового глагола. Так как фразовый глагол представляет собой сочетание глагола с постпозитивом, формирующее единое смысловое значение, справедливо утверждать, что относительно него применимо рассмотрение грамматических категорий глагола.

Морфологические особенности

По степени распространённости выделяются непереходная, а также переходная структуры в сочетании с наречием. Среди них многочисленны фразовые глаголы, в которых используются глаголы *to get* (*to get on, to get through, to get out*), *to come* (*to come over, to come off, to come down*), *to turn* (*to turn up, to turn out, to turn down*): *Breakingviews - Viewsroom: M&A gets carried away* [4]; *BRIEF-LBT Innovations expects to get \$2 mln through placement of shares with Autobio Diagnostic Co* [5]; *KFC in Botswana comes out of liquidation as JV takes over* [6]; *Britain says hard to say how things will turn out in Zimbabwe* [7]. К особенностям этих заголовков можно отнести то, что во всех случаях фразовые глаголы выступают в качестве сказуемого и использованы в простом настоящем времени (Present Simple). Обычно это наблюдается, когда речь идёт о событиях, произошедших в недавнем прошлом, и часто присуще заголовкам.

Фразовые глаголы, требующие после себя два постпозитива (переходная структура в сочетании с наречием и предлогом, непереходная структура в сочетании с наречием и предлогом) составили приблизительно 20 % всей выборки, в то время как фразовые сочетания с одним единственным постпозитивом - около 80%. Было выявлено, что порядок слов в таких структурах не изменяется, а при произношении ударение акцентируется на наречии, в то время как предлог фонетически не выделяется: *EQT puts Nordic Aviation Capital up for sale* [8].

Что касается категории залога, то в наименьшей степени представлены фразовые глаголы в пассивном залоге. При этом глагол связка *to be* опущен, делает заголовок более информативным и позволяет выполнить главные функции заголовка – привлечь внимание читателя: *Thousand of Audi called off over the fire risk* [9].

Рассуждая о наклонении, мы пришли к выводу, что в большей степени распространены фразовые сочетания, в которых фразовый глагол представлен в изъявительном наклонении. Реже – в повелительном наклонении второго лица единственного или множественного числа, совпадающие с основной формой инфинитива: *Next bubble to pop? Watch out for 'most crowded trade'* [10].

Фразовый глагол, обозначая действия или состояния предмета как процесс, без сомнений относится к классу глагола, однако, существуют исключения, с которыми мы также столкнулись при анализе заголовков. Нередко фразовый глагол подвергается номинализации, то есть он берет на себя функции существительного. Такое явление наблюдается в основном у глаголов непереходного и переходного типа в сочетании с одним постпозитивом и происходит по следующим схемам: постпозитив+глагол, постпозитив + глагол с окончанием *ing*; ПОСТПОЗИТИВГЛАГОЛ; ГЛАГОЛПОСТПОЗИТИВ: *Air India asks Saudi Arabia about the flyover on planned Israel route* [11]; *Swiss stop seizing income from asylum seekers to pay for upkeep* [12]; *TABLE-Breakdown of Hong Kong July retail sales* [13].

Семантические особенности

Как было упомянуто выше, с точки зрения семантики, принято различать три группы глаголов: с буквальным значением всех компонентов, полуидиоматизированные и идиоматизированные. Все представленные группы широко распространены в языке и независимы от структуры фразового глагола.

К фразовым глаголам, в которых сам глагол обладает конкретным базовым значением, в то время как постпозитив сохраняет свое буквальное значение относятся: *walk out, fall down, walk away from, get down off, climb out through* (*U.S. students walk out again to protest gun violence* [14]). Однако, фразовые глаголы такого типа наименее распространены в заголовках интернет-статей (около 20 % всей выборки), так как они ничем не примечательны и не привлекают внимание читателя, в отличие от идиоматизированных глаголов.

Группа полуйдиоматизированных глаголов составляют глаголы, которые несут свое конкретное значение, а постпозитив дополняет дополнительный смысл оттенок. Интерес представляют следующие заголовки, в которых один и тот же глагол взаимодействует с разными постпозитивами, которые добавляют дополнительные значения: *Ralph Lauren's turnaround effort yet to pay off (to pay off= to give someone all the money that you have borrowed from them to buy something) [15]; BRIEF - Raiffeisen will pay out a dividend for this year (to provide money from an amount invested over a period of time) [16].*

Проведя семантический анализ всех отобранных заголовков, мы пришли к выводу, что в большинстве заголовков представлены идиоматизированные фразовые глаголы (около 50% всей выборки). Это значит, что во многих случаях нельзя понять, что значит глагол если известно отдельно значение глагола и отдельно значению предлога или наречия (то есть сумма значений глагола и предлога или наречия не равняется значению целого фразового глагола). Предваряя текст, заголовок несёт определённую информацию о содержании статьи. Значимость заглавия в плане взаимодействия на читателя определяется тем, что занимает стилистически сильную позицию. Именно по этим причинам целесообразно использовать фразовые глаголы такого типа, так как они являются яркими фразеологическими единицами, которые, несмотря на свою сжатость, несут в себе большую смысловую нагрузку: *Games-Fiji needs investment to bring facilities up to scratch - World Rugby (to bring up = to start discussing a subject) [17]; Konta ready to carry on (to carry on = to continue doing something)[18].*

Данное исследование фразовых глаголов позволило нам определить, что их подавляющее большинство основано на сочетании самых употребляемых глаголов, например, *to come, to go, to make, to put*, обозначающих общее понятие деятельности или воздействия на предмет, и отличающихся сложностью своей смысловой структуры с постпозитивами, выраженными как предлогами, так и наречиями.

Рассуждая о семантике, мы пришли к выводу, что большую группу составляют фразовые глаголы, выражающие движение или его характеристику, переход объекта из одного состояния в другое, либо его перемещение. В большей степени в заголовках используются идиоматизированные и полуйдиоматизированные глаголы.

Фразовый глагол в контексте заголовка представляет собой семантическое и синтаксическое единство. Можно выделить несколько критериев, характеризующих фразовые глаголы: 1) возможность замены фразового глагола моноксемным глаголом; 2) идиоматичность; 3) вопросы, заданные от фразового глагола, носят местоименный характер.

Из морфологических особенностей фразовых глаголов выделяются следующие: оба компонента произносятся как два отдельных слова; только первый компонент подвергается изменениям; существует шесть структур фразового глагола, среди которых наиболее распространёнными являются переходная или непереходная в сочетании с предлогом или наречием. Они составили приблизительно 85 % всей выборки. Остальные структуры, в которых используются два постпозитива, малочисленны; фразовый глагол может выступать как в качестве сказуемого или его составной части, а также в роли подлежащего или определения. Это во многом возможно благодаря тому, что фразовый глагол способен брать на себя функции других частей речи, а именно существительного или прилагательного; большая часть фразовых глаголов, используемых в заголовках, функционирует в настоящем времени, имея форму активного залога (реже - страдательного).

Здесь важно отметить, что, несмотря на то что, что все критерии, о которых говорилось выше, могут быть полезны в процессе отнесения определённых сочетаний к группе фразовых глаголов, тем не менее, они не могут обеспечить проведение абсолютно точного теста. Большинство авторов сходятся во мнении, что невозможно провести чёткую линию между фразовыми глаголами, с одной стороны, и сочетаниями глаголов с наречиями или предлогами, с другой стороны.

Список литературы

- 1) Povey, J. Phrasal Verbs and How to Use them/ Поуви Дж. Английские фразовые глаголы и их употребление.- М. : Высшая школа, 1990. — с. 5, 12-41.
- 2) Fraser B. The Verb-Particle Combination in English.- New York etc.: Academic Press.- 1976.- 125 p.
- 3) Spasov D. English Phrasal Verbs.- Sofia: Naouka i Izkoustvo, 1966.- 280 p.
- 4) URL: <https://www.breakingviews.com/breakingviews-podcasts/viewsroom-ma-gets-carried-away/> (дата обращения: 12.05.2018).
- 5)URL: <https://www.reuters.com/article/brief-lbt-innovations-expects-to-get-2-m/brief-lbt-innovations-expects-to-get-2-mln-through-placement-of-shares-with-autobio-diagnostic-co-idUSFWN1N51NM>(дата обращения: 12.05.2018).
- 6)URL: <https://www.reuters.com/article/botswana-kfc/kfc-in-botswana-comes-out-of-liquidation-as-jv-takes-over-idUSL5N1ND3CU>(дата обращения: 12.05.2018).
- 7)URL: <https://af.reuters.com/article/botswanaNews/idAFL5N1ND3CU?>(дата обращения: 12.05.2018).
- 8)URL: <https://www.reuters.com/article/aviation-ma-nordic-aviation-capital/eqt-puts-nordic-aviation-capital-up-for-sale-idUSL8N1Q93EB>(дата обращения: 13.05.2018).
- 9)URL: <https://www.breakingviews.com/breakingviews-podcasts/called-off-audis/>(дата обращения: 13.05.2018).
- 10)URL: <http://www.rocketnews.com/2018/04/rpt-graphic-next-bubble-to-pop-watch-out-for-most-crowded-trade-2/>(дата обращения: 13.05.2018).
- 11)URL: <https://www.reuters.com/article/us-airlines-air-india-israel/air-india-asks-to-fly-over-saudi-arabia-on-planned-israel-route-idUSKBN1FR276>(дата обращения: 12.05.2018).
- 12) URL:<https://www.todayonline.com/world/swiss-stop-seizing-income-asylum-seekers-pay-urkeep>(дата обращения: 9.05.2018).
- 13)URL: <https://www.reuters.com/article/hongkong-economy-retail/table-breakdown-of-hong-kong-july-retail-sales-idUSL4N1LF3GP>(дата обращения: 9.05.2018).
- 14)URL: <http://www.abc.net.au/news/2018-04-21/thousands-of-us-students-walk-out-in-protest-of-gun-control-laws/9683238>(дата обращения: 9.05.2018).
- 15)URL: <https://www.reuters.com/article/us-ralph-lauren-results/ralph-laurens-turnaround-efforts-yet-to-pay-off-idUSKBN1FL5F6>(дата обращения: 10.05.2018).
- 16) URL:<https://uk.reuters.com/article/brief-raiffeisen-will-pay-out-a-dividend/brief-raiffeisen-will-pay-out-a-dividend-for-this-year-cfo-idUKV9N1DA02F>(дата обращения: 12.05.2018).
- 17) URL:<https://www.reuters.com/article/games-commonwealth-rugby-sevens-fiji/games-fiji-needs-investment-to-bring-facilities-up-to-scratch-world-rugby-idUSL3N1RQ24K>(дата обращения: 10.05.2018).
- 18)URL: <https://www.reuters.com/article/us-tennis-ausopen-konta/keep-calm-konta-ready-to-carry-on-idUSKBN1F206J> (дата обращения: 17.05.2018).

10.02.00

О.В. Шемшуренко канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого,
кафедра германской филологии,
Казань, oksanashemshurenko@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА ŞEHİR (ГОРОД) В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ СТИЛЕ ОРХАНА ПАМУКА

В статье приводятся результаты исследования структуры художественного концепта «Şehir» («Город»), репрезентированного в романах современного турецкого писателя Орхана Памука. Результаты ассоциативного исследования позволили выделить особенности реализации концепта в индивидуально-авторском тексте. В результате исследования выявлены прямые и косвенные номинации концепта.

Ключевые слова: художественный концепт, индивидуально-авторский стиль, когнитивная лингвистика, Орхан Памук.

На протяжении последних лет наметился общий рост количества когнитивных исследований, создавших базу для развития теории концептуальной структуры человеческого знания. Одной из наиболее важных проблем когнитивной лингвистики является, актуальное и по сей день, исследование особенностей структуры концепта. В работах отечественных и зарубежных лингвистов концепт рассматривается как лингвокультурологический феномен, философское или психолингвистическое понятие, объект исследования когнитивной лингвистики, литературоведческий термин, связанный с индивидуально-авторским стилем автора. В данной статье мы рассматриваем художественный концепт в индивидуальном авторском стиле современного турецкого писателя Орхана Памука.

Концепт, являясь «составной частью национальной языковой картины мира и отражением в языке особенностей исторически сложившихся лингвокультурных сообществ, в то же время может быть представлен в видении, восприятии и оценке отдельной языковой личности, что, в свою очередь, является индивидуальной концептуализацией» [3]. Индивидуальная концептуализация, в свою очередь, находит свое воплощение в художественном тексте. В рамках художественного текста выделяются художественные концепты, присущие восприятию действительности конкретным автором.

Под художественным концептом в современной лингвистике понимается ментально-языковая единица, формирующаяся в сознании писателя и представленная языковыми средствами в художественном произведении или совокупности произведений [1], [3]. Художественные концепты образуют авторскую концептосферу (индивидуально-авторский стиль) и заключают в себе индивидуальные черты личности конкретного писателя [3]. В связи с этим исследование языковой репрезентации художественных концептов особенно актуально для понимания менталитета литературной личности [4].

В качестве материала исследования были использованы тексты произведений современного турецкого писателя Орхана Памука «Masumiyet müzesi» (2002) [5], «İstanbul: Natırlar ve Şehir» (2003) [6], позволившие отобрать языковые средства организации текстовых фрагментов, принимающих участие в формировании концепта «Şehir» («Город») в авторских текстах. Для выявления особенностей реализации художественного концепта «Şehir» («Город») использовалась методика построения ассоциативного слоя концепта, начиная от выявления внетекстового ассоциативного потенциала ключевого слова к формированию текстового ассоциативно-смыслового поля концепта.

Концепт «Город» был достаточно подробно изучен на материале русского [2] и английского языков [1], [3], как художественный концепт и в сопоставлении индивидуально-авторских картин мира. На материале турецкого языка подобных исследований художественного концепта «Город» в языковом сознании конкретного автора не проводилось.

Внетекстовый анализ ключевого слова концепта «Şehir» («Город»), проведенный нами на материале словарей различной направленности, позволил прийти к выводу, что изначально лексема *şehir* относилась к более крупным поселениям (лексема *şehir* происходит от персидского شهر (*şahr*) «вилайет/губерния, страна, город»). Первое упоминание слова *şahr* датируется 13 веком. Анализ толковых словарей показывает, что представленная лексема в большинстве случаев определяется как «*nüfusunun çoğu ticaret, sanayi veya yönetimle ilgili işlerle uğraşan, tarımsal etkinliklerin olmadığı yerleşim alanı*» (населенный пункт, не имеющий сельскохозяйственных ресурсов, большая часть населения которого занята в работах, связанных с торговлей, индустрией или управлением).

Обратимся к тексту исследуемых произведений для анализа типических вербальных характеристик, которые использует Орхан Памук для создания портрета города. Ядро концепта «Şehir» образуется следующими компонентами значения: топоним; статичная структура пространства (здания, жилые дома, улицы и пр.); динамичная составляющая (люди, которые проживают в этом городе, их образ жизни и т.д.). Все перечисленные компоненты необходимы для составления номинативного поля концепта «Şehir». Наиболее частотными прямыми номинантами концепта, как показывает проведенный анализ, стали топонимы – 458 употреблений: İstanbul (158), Paris (120), Nişantaşı (59), Beyoğlu (27), Galata (5), Cihangir (2), Şişli (30), Pangaltı (9), Tepebaşı (8), Taksim (17), Üsküdar (3), Çukurcuma (20). Такой показатель позволяет нам считать, что макроконцепт «Şehir» складывается из микроконцептов «İstanbul», «Paris», «Nişantaşı», «Beyoğlu» и т.п.

В зону ближней периферии номинативного поля концепта «Şehir» вошли лексические средства, которые номинируют «составные части» любого города, т.е. номинации географических, исторических, культурных объектов конкретного места действия. К ним относятся: «здания» (561), «исторические и культурные памятники» (122), «улицы» (75), «парки» (5), «морья» (19).

Чтобы структурировать эту часть, мы исходили не из указанных выше микроконцептов, а из номинирующих их микротопонимов, указывающих на конкретное место определенного города – улицу, дворец, а также реальные музеи, рестораны, отели, магазины и прочее. Их можно условно подразделить на группы:

1. Топографические объекты: Marmara, Tarabya, Boğaz, Taksim, Galata, Galata Köprüsü, Akkavak Sokağı, Yıldız.

2. Культовые строения и памятники: Bozdoğan Kemerî, Kızkulesi, Ayasofya, Rumelihisarı.

3. Музеи, дворцы: Dolmabahçe, Spor Sergi Sarayı, Masumiyet Müzesi, Topkapı Sarayı.

4. Здания и сооружения религиозного назначения: Teşvikiye Camii, Bizans kiliseleri, Pantokrator Kilisesi, Fatih Camii, Süleymaniye.

5. Отели, рестораны, магазины: İnkıtar, Şanzelize Butik, Alaaddin Dükkanı, Divan, Hilton, Suadiye.

6. Транспорт: minibüs, kamyon, dolmuş, vapur, araba, ücra, otobüs, gemi, sandal.

Основные индивидуально-авторские особенности концепта «Şehir» проявляются в описаниях значительного объема. Если нарицательные единицы, номинирующие концепт, почти не называют его свойств или характеристик, то практически каждый из микротопонимов обладает собственным признаком, качеством:

(1) Belki de kafamda tedavi fikriyle karıştığı için Boğaz'ı görmek bana hep iyi gelir. (Быть может, именно потому, что понятия «Босфор» и «лечение» слились в моем сознании, вид Босфора всегда действует на меня благотворно).

(2) İstanbul'un ruhu ve gücü Boğaz'dan gelir. (Босфор — душа Стамбула, в нем город черпает силы).

Кроме того, город представлен в произведениях О. Памука совсем не как статичное образование. Динамику ему придают описываемые в произведениях люди, транспорт, находящиеся постоянно в движении.

Помимо составления номинативного поля, в наши задачи входил анализ ассоциативного слоя указанного концепта. В результате анализа текстовых ассоциативных полей художественного концепта «Şehir», составленных на основе двух романов турецкого писателя О. Памука, в содержании данного концепта выделены следующие ассоциативные направления: ŞEHİR - тень былого величия; ŞEHİR - европеизированный город; ŞEHİR - черно-белый город; ŞEHİR - нечто греховное; ŞEHİR – меланхолия.

Как видим, исследуемый концепт состоит из микроконцептов и представлен через единицы, непосредственно называющие концепт (его ядерная зона). Помимо анализа указанных единиц, исследование ассоциативного поля позволило доказать, что концепт «Şehir» в пространстве произведений О. Памука также обладает перцептивными визуальными признаками, которые создают яркий образ современного города с тысячелетней историей. Таким образом, мы можем утверждать, что концепт «Şehir» – сложное ментальное образование, принадлежащее не только сознанию определенного этнокультурного сообщества, но сознанию конкретного автора.

Список литературы

1. *Ибраева А.Ф.* Концепт CITY / ГОРОД в индивидуально-авторских текстах: сравнительно-типологическое исследование // Казанская наука: сборник научных статей. – Казань: Казанский издательский дом, 2011. - №8. – С.163-166.
2. *Ильин В.Г.* Город как концепт культуры: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 24.00.01. – Ростов н/Д, 2004. – 37 с.
3. *Макеева Е.Ю.* Концепт «CITY» в художественном пространстве современного американского романа // Поволжский педагогический вестник. - Самара, 2015. - № 2(7). – С.113-121.
4. *Ткаченко И.Г.* Подходы к трактовке текста и художественного концепта в современной лингвистике // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 173-175.
5. *Pamuk O.* İstanbul Hatıralar ve Şehir. – İstanbul: Yapı Kredi yayınları, 2003. – 205 s.
6. *Pamuk O.* Masumiyet Müzesi. – İstanbul: İletişim, 2002. – 587 s.

10.02.04

Н.А. Янькова

Бурятский государственный университет
Институт филологии и массовых коммуникаций,
кафедра английского языка и лингводидактики
Улан-Удэ, ninayankova@mail.ru

КОНЦЕПТ STRANGER В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ВОЗРАСТНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности возрастной объективации концепта Stranger в английской языковой картине мира. Выявляются характеристики исследуемой концептуальной сущности с точки зрения её восприятия и актуализации разными возрастными группами. Вариативность прослеживается на всех уровнях актуализации и проявляется в выборе языковой личностью языковых номинаций и дискурсивных стратегий для осуществления речевого взаимодействия.

Ключевые слова: возрастная объективация, концепт, вариативность, внутренний мир человека.

Фундаментальным, имманентным свойством языка как системы является его вариативность. Именно благодаря вариативности реализуется способность языка выступать средством человеческого общения, мышления, выражения и объективации окружающей действительности [3, 2004: 7]. Вариативность проявляется в дифференциации территориальных, социальных и структурных признаков языка [4, 1990: 10].

Именно в языке вариативность проявляется максимально сильно, что обуславливается противопоставлением виртуального и актуального в данной многомерной системе: единицы, существующие в языке в виде некоторого класса, представлены в речи всегда лишь через один конкретный экземпляр этого класса, что детерминировано свойством линейности речи [2, 1977: 11]. Вариативность запускает механизм «преобразования смыслового континуума, отражаемого единицами языка в линейность речевого потока» [1, 2005: 8]. Она характеризует то особенное, что есть только у данного объекта в отличие от смежных сущностей и прослеживается на всех уровнях актуализации. Различные языковые варианты возникают как в зависимости от социальных различий между носителями языка, так и от различий в условиях речевого общения.

Среди наиболее ярких социальных типологий выделяют возрастную и гендерную типологию. Последняя проявляется особенно ярко на всех уровнях языковой системы, и выражение «мужчины и женщины говорят на разных языках» приобретает как прямой, так и переносный смысл.

Возрастная типология ничуть не менее значима и универсальна, чем гендерная, и в своем пределе способна привести к формированию различных знаков для различных поколений [1, 2006, 129]. Изучение возрастных особенностей объективации исследуемого нами феномена, дает возможность выявить характеристики концепта Stranger с точки зрения его восприятия и актуализации разными возрастными группами.

Изучаемая нами концептуальная сущность неразрывно связана с понятием личного пространства, той персональной дистанцией, которую человек соблюдает в процессе коммуникации и межличностного взаимодействия.

Реальность самосознания появляется у здорового ребенка в возрасте пяти лет. В этом же возрасте у него возникает и новое видение собственной телесности, он начинает воспринимать мир в целом и рассматривать себя как часть природы. К семи годам большинство хорошо понимают, что занимают маленькое пространственное место в мироздании. Появляется внутренняя позиция, осознание своего места в системе общественных отношений. Это позволяет говорить о возможности формирования личностного пространства детей

дошкольного возраста, так как освоение социального мира, т.е. пространства окружающего ребёнка, даёт ему возможность расширять границы личностного пространства, более глубоко понимать процессы жизнедеятельности, осуществлять коммуникацию, в том числе и с незнакомцами, либо пытаться избежать ее:

Children are taught not to talk to strangers [7]. Детей учат не общаться с незнакомцами. Чаще всего это делается для обеспечения их безопасности:

If a stranger tries to harm you or touch you in a frightening way, RUN AWAY and get help [5].

Если в детском сознании существует четкое противопоставление свой-чужой, то у взрослых, даже знакомый человек может попадать под категорию «чужой», а значит быть отдаленным. Признак *посторонний, отдаленный* определяется толковым словарем как *one who doesn't belong to or is kept from the activities of a group* [10, 1973: 847]. Актуализацию данного признака можно проследить в следующем фрагменте дискурса:

Houghton has worked with them for nearly three years but at times still feels like a stranger [7]. Хьютон проработал с ними почти три года, но временами все еще чувствует себя чужаком. Лексема *stranger* в данном контексте указывает на того, кто долгое время знаком с людьми, однако испытывает чувство отчужденности, отдаленности от группы людей, в данном случае – трудового коллектива.

Именно во взрослой жизни может происходить отдаление людей друг от друга, настолько сильное, что самые близкие превращаются в чужих:

Now I was alone, next to a sleeping stranger with whom my life was inextricably linked [6]. А теперь я была совсем одна, рядом со спящим незнакомцем, с кем неразрывно была связана моя жизнь. В этом примере заключена идея одиночества женщины рядом с человеком, который когда-то был ее мужем, но в силу обстоятельств, ставший для нее чужим, отдалившимся, практически незнакомцем.

Во взрослой жизни отдалиться могут не только мужья и жены, но и более близкие, кровные родственники, родители и дети:

And in the morning, things were worse. She felt like a stranger when she had breakfast with her mother [7]. В данном примере иллюстрируется событие, в котором отношения между близкими людьми становятся холодными до такой степени, что дочь ощущает себя незнакомкой, сидя за столом вместе с матерью.

Зачастую такая отчужденность возникает как следствие длительной разлуки:

His father had aged ten years, his stepmother had become a stranger [7]. Его отец постарел на 10 лет, а мачеха превратилась в незнакомку.

Именно поэтому в английском языке в приветствии человека, с которым другой не виделся в течение длительного времени, используется выражение - *Hello, stranger* – addressing to someone one hasn't seen for a long time:

Hello, stranger, I haven't seen you for weeks! [9, 1992: 672]: На русский язык данное обращение можно перевести как «Привет! Давно / давненько не виделись!», «Сколько лет, сколько зим!»

Ощущение, что человек стал чужим сам себе, может возникнуть только у взрослого:

You smell a stranger on your bedsheets and that stranger is you [7]. Ты ощущаешь запах незнакомца рядом с собой, и этот незнакомец – ты сам.

Концепт *Stranger* актуализирует идею недоверия, подозрительности, противопоставляемую доверию и надежности, исходящим от знакомого человека:

People always blame the stranger when something like that happens - why should it be any different for me? [5]

Именно такая идея убийства близкого человека руками незнакомца, приходит в голову одному из героев произведения П. Хайсмит «Strangers on the train»: *It's so simple too. Two fellows meet accidentally, like you and me. No connection. Never saw each other before. Each one has somebody that he'd like to get rid of. So... ...they swap murders. Swap murders? Each does the other's murder. Then there's nothing to connect them. Each one has murdered a stranger. Like you do my murder, I do yours [8, 2001: 45].*

В тоже самое время, незнакомец для взрослого человека – это объект говорения о сокровенном, тот, кому можно доверить свои тайные мысли и переживания:

And it's easier to talk to a stranger. You know what they say about the stranger in the airplane, whom you'll never see again [7]. Гораздо легче говорить с незнакомцем, как, например, с незнакомцем в самолете, кого ты больше никогда не увидишь.

Концепт *Stranger* имеет важное философское, психологическое и социальное значение. Незнакомец для ребенка – это человек, которым он не знаком, с кем никогда не встречался, кого следует по возможности избегать, остерегаться. Взросление же сопровождается расширением границ данной концептуальной сущности: незнакомцем может выступать сам объект по отношению к самому себе, чужими, отдаленными могут стать даже самые близкие люди. Система координат, в которой существует человек, включает своих и чужих, и это взаимопроникновение проявляется на разных уровнях взаимодействия: доверия – недоверия, близости – отдаленности, принадлежности – отчужденности.

Список литературы

1. Воркачев, С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 7-140.
2. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование. – М. : Наука, 1977. – С.11-17.
3. Степанов, Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 5-21.
4. Ярцева, В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект [Текст] / В. Н. Ярцева // Языки мира: проблемы языковой вариативности. – М. : Наука, 1990. – С. 3-36.
5. *Brigham Young University – British National Corpus* [Electronic resource] URL : [//corpus.byu.edu/bnc/](http://corpus.byu.edu/bnc/) (дата обращения 20.04.2018)
6. *Corpus of Contemporary American English* [Electronic resource] URL : [//www.american Corpus.org/](http://www.american Corpus.org/) (дата обращения 20.04.2018)
7. *Corpus of Historical American English* [Electronic resource] URL : [//corpus.byu.edu/coha/](http://corpus.byu.edu/coha/) (дата обращения 20.04.2018)
8. Highsmith, P. Strangers on the train. – W. W. Norton, 2001 – P. 45.
9. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. – London : Longman Group, 1999. – P. 672.
10. *Webster's New Collegiate Dictionary*. – Springfield ; Massachusetts, USA : G. & C. Merriam Company, 1973. – P. 847.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Р.Р. Хуснулина

ПРОЕКТ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ПО
ЛИТЕРАТУРЕ. О ЧЕМ СПОР?*Ключевые слова: стандарт, литература, список произведений, образование, программа, эксперт.**Предложенный образовательный стандарт по литературе вызвал недовольство учителей, входящих в Гильдию словесности. Я считаю предложенный стандарт достаточно разумным и гибким. Он в лучшую сторону отличается от предыдущих документов. В действительности, он поднимает уровень школьного литературного образования.*

Р.З. Дарзаманова

БИОГРАФИЯ ШВЕЙЦАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ И
ПУБЛИЦИСТА ХУГО ЛЁЧЕРА В ДЕТАЛЯХ ТВОРЧЕСТВА*Ключевые слова: швейцарская немецкоязычная журналистика, швейцарская немецкоязычная литература, синтез документального и художественного, жанровый плюрализм.**В данной статье предпринят анализ биографии Х. Лёчера с точки зрения «множественности» профессиональной деятельности и личности автора. Рассмотрена творческая эволюция Х. Лёчера, благодаря которой работы автора представляют собой композиционный сплав журналистики и художественной литературы, синтез документального и художественного.*

Р.В. Даутова

К ВОПРОСУ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ТАССР С ТЕЛЕВИДИЕНИЕМ: (1960-1970-е гг.)*Ключевые слова: республиканское телевидение, Союз писателей ТАССР, хрущевская «оттепель», национальная культура, провинция.**В статье анализируются особенности формирования взаимоотношений республиканского телевидения и Союза писателей ТАССР в 1960-1970-е годы. Автор показывает программную политику государственного телецентра Татарии по отношению к литературно-драматическим передачам. Сотрудничество известных писателей и поэтов с телевидением являлось важным фактором развития национальной литературы и культуры.*Л.С. Абдурахманова, Т.Б. Баранникова
О ЧАСТЕРЕЧНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИНОНИМОВ В РУССКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ*Ключевые слова: соотносённость, распределение, части речи, синонимические связи, фразеологические синонимы, синонимические ряды.**Настоящая статья, выполненная в русле проблемы частеречной семантики фразеологических единиц, посвящена вопросу частеречного распределения фразеологических синонимов в русском и английском языках. Наряду с тенденцией соотносённости исследуемых единиц с отдельными частями речи, в работе определена достаточно представительная доля фразеологических синонимов, частично соотносимых и не соотносимых с частями речи. Выявлены различия в частеречном распределении фразеологических синонимов в сопоставляемых языках и обозначены их причины.*Т.В. Алейникова, Н.В. Горохова, И.Н. Кубышко
ИСТОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ*Ключевые слова: термин, транспорт, трубопровод, пневмопочта, атмосферическая дорога, метро.**Характеристика этапов развития специальной терминологии на примере материала английского трубопроводного подъязыка и последующая этимологическая оценка терминов анализируются в статье. Впервые предпринимается попытка*

R.R. Khusnullina

THE PROJECT OF A NEW EDUCATIONAL STANDARD IN
LITERATURE. WHAT IS THE DISPUTE ABOUT?*Keywords: standard, Literature, the list if fictions, education, program, an expert.**Suggested variant of educational standard in Literature made discontent of school teachers, joint into Guild. I consider contemplated standard rational and flexible. The comparison with the previous documents it is the best of all. In reality it raises the level of literary school education.*

R.Z. Darzamanova

BIOGRAPHY OF THE SWISS WRITER AND THE
PUBLICIST OF HUGO LETCHER IN THE DETAIL OF
CREATIVITY*Keywords: Swiss German journalism, Swiss German literature, the mix of fiction and nonfiction.**In the following article you can see the analysis of life and work of Swiss author Hugo Loetscher. The consideration to creative evolution of H. Loetscher and its influence on his work was shown. It was found, that the opinion journalism of Loetscher demonstrates plurality and the mix of fiction and nonfiction.*

R.V. Dautova

TO THE QUESTION OF COOPERATION OF THE UNION OF
WRITERS OF TASSR WITH TELEVISION: (1960-1970s)*Keywords: republican television, the Writers' Union of the Tatar Soviet Socialist Republic, Khrushchev's "thaw", national culture, province.**In the article features of formation of mutual relations of republican TV and the Union of Writers of TASSR in 1960-1970th years are analyzed. The author shows the program policy of the state television center of Tataria in relation to literary and dramatic programs. Cooperation of famous writers and poets with television was an important factor in the development of national literature and culture.*L.S. Abdurakhmanova, T.B. Barannikova
PART-OF-SPEECH DISTRIBUTION OF PHRASEOLOGICAL
SYNONYMS IN RUSSIAN AND ENGLISH*Keywords: correlativeness, distribution, parts of speech, synonymic sets, phraseological synonyms, synonymic rows.**The article, performed within the framework of the problem of the part-of-speech semantics of phraseological units, is devoted to the part-of-speech distribution of phraseological synonyms in Russian and English. The research shows that, alongside with the tendency of the correlativeness of phraseological synonyms to separate parts of speech, there is a rather representative share of phraseological synonyms which partly correlate or do not correlate to any part of speech. The article also points out the differences in the part-of-speech distribution of phraseological synonyms in the languages compared and gives the reasons for the variation outlined.*T.V. Aleynikova, N.V. Gorokhova, I.N. Kubishko
HISTORICAL MODELING OF SPECIAL TERMINOLOGY*Keywords: term, transport, pipeline, air mail, atmospheric road, metro.**Characteristics of the development stages of special English terminology of pipeline transport and the subsequent etymological evaluation of its terms are analyzed in the article. An attempt to model professional notions of special knowledge structure is also given here. The article gives a comparative*

исторического моделирования профессиональных представлений о конъюнктуре специального знания. В статье дается сравнительный анализ терминов трубопроводного транспорта, определяется периодизация становления терминологии, относящейся к исследуемому разделу практической профессиональной сферы деятельности.

analysis of the terms of pipeline transport, determines the periods of the formation of terminology relating to the professional field.

Д.Л. Амитирова-Тургенева
ОДНОЯЗЫЧНЫЙ УЧЕБНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК
ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: учебные словари, онлайн-словари, американизмы, бритицизмы.

В статье рассматривается представление регионально-маркированных номинативных единиц английского языка в одноязычных учебных словарях. Анализ показал, что региональная маркированность может быть представлена как во всех частях словарной статьи, так и в макроструктуре словарей; словарям свойственна неоднородность представления информации о региональной маркированности; тем не менее, они являются надежным источником материала исследования особенностей американского и британского английского благодаря оперативному реагированию на изменения языка и обучающей направленности.

D.L. Amitirova-Turgeneva
MONOLINGUAL LEARNER'S DICTIONARY AS A
SOURCE FOR RESEARCHES INTO REGIONAL
VARIATION OF THE ENGLISH LANGUAGE

Keywords: learners' dictionaries, online dictionaries, Americanisms, Briticisms.

The paper looks at the way English regionally marked nominative units are represented in monolingual dictionaries for advanced learners. The analysis has shown that regional markedness may be represented in all parts of the entry, as well as in the macrostructure of the dictionaries; some heterogeneity in presenting the information in question is typical of the dictionaries analyzed; however, they appear to be a reliable source for the study of American English and British English due to their prescriptiveness and quick reaction to changes taking place in the language.

Л.И. Антропова, Л.С. Полякова, Ю.В. Южакова
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ
МЕДИАТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: текст, медиатекст, стилистическая трансформация, грамматическая трансформация, синтаксическая трансформация, морфологическая трансформация.

Статья посвящена особенностям переводческих трансформаций английского медиатекста на примере перевода статьи «Putin - Medvedev: Russia's Managed Drama». В статье описаны наиболее перспективные способы и приемы перевода, используемые для медийных текстов. Рассмотрены особенности переводческих трансформаций; установлены закономерности, обеспечивающие адекватный перевод медиатекста с английского языка на русский. Выявлены способы перевода англоязычного медийного текста на русский язык.

L.I. Antropova, L.S. Polyakova, Yu.V. Yuzhakova
THE PECULIARITIES OF ENGLISH MEDIA TEXTS
TRANSLATION INTO RUSSIAN

Keywords: text, media text, stylistic transformation, grammatical transformation, syntactic transformation, morphological transformation

The study is devoted to the translation peculiarities of English mediatext transformations based on the translation of the article "Putin-Medvedev: Russia's Managed Drama". This paper describes the most promising methods and techniques common for media texts. The peculiarities of translation transformations are analyzed; rules that ensure good translation of media text from English to Russian are described. The methods of translation a media English text into Russian are identified.

Б.Б. Базарова
SKETCH ENGINE В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ключевые слова: английский язык, корпусная лингвистика, электронный корпус, Sketch Engine, корпусно-когнитивный подход.

Статья посвящена корпусному подходу в лингвистических исследованиях. В работе обращается внимание на корпусно-когнитивный подход в изучении языковых явлений. В качестве примера используется англоязычный корпус Sketch Engine.

B.B. Bazarova
SKETCH ENGINE IN LANGUAGE RESEARCH

Keywords: English, Corpus Linguistics, corpus, Sketch Engine, corpus-cognitive approach.

This paper draws attention to Sketch Engine, one of the latest corpora in English. Corpus-cognitive approach is considered to be productive for linguistic research on all levels of language.

Л.В. Базарова, Г.И. Салыхова, М.А. Яхин
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИЛЬМОНИМОВ В
АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: фильмонимы; заглавие; произведение; семантический аспект.

В данной статье проведен семантический анализ фильмонимов в английском и русском языках. Изучение фильмонимов с точки зрения семантического аспекта строится на основе того, какой критерий выделять для классификации. Исходя из трех неотъемлемых составляющих художественного мира произведения, выделяются три типа фильмонимов: указывающие на объект, время и место действий. Иная семантическая классификация базируется на функциональном аспекте. В данном отношении также выделяются три типа названий фильмов, каждый из которых отличается своеобразием. Систематизация фильмонимов согласно информативной функции предполагает выделение трех подгрупп: собственно информативные, информативно-концептуальные, информативно-образные.

L.V. Bazarova, G.I. Salyakhova, M.A. Yakhin
THE SEMANTIC FEATURES OF FILM TITLES IN THE
ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Keywords: film titles; heading; work of art; semantic aspect. The semantic analysis of film titles in English and Russian has been conducted in the given article. The study from the semantic aspect is based on the criterion for their classification. On the basis of three integral parts of the artistic world of the work, there can be distinguished three types of film titles: pointing to the object, time and place of action. Another semantic classification is based on the functional aspect. In this respect, there are also three types of film titles with their distinctive features. According to the informative function systematization of film titles presupposes the identification of three subgroups: informative, informative-conceptual and informative-figurative.

А.М. Бальян

ТИП ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АЛИСЫ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Л. КЭРРОЛЛА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» И «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ» С УЧЕТОМ ЕЕ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Ключевые слова: языковая личность, словарный запас, речевое развитие, грамматические конструкции, тип языковой личности.

Статья посвящена изучению индивидуальности языковой личности Алисы с учетом ее возрастных особенностей. Нами анализируются речевые навыки Алисы и делаются выводы об отнесенности ее к определенному типу языковой личности.

A.M. Balyan

THE TYPE OF LINGUISTIC PERSONALITY OF ALICE FROM "ALICE'S ADVENTURES IN WONDERLAND" AND "THROUGH THE LOOKING GLASS" BY LEWIS CARROLL

Key words: linguistic personality, vocabulary, verbal development, grammatical constructions, the type of linguistic personality.

The article is devoted to the linguistic personality of Alice taking into account her age features. The habits of Alice's speech communication are analyzed and as the result the type of her linguistic personality is determined.

Н.И. Белунова, А.Б. Черняева

СВОБОДНОЕ ОПЕРИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ТЕКСТАМИ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

Ключевые слова: прецедентные тексты, элитарная культура речи, интертекст, маркированные цитаты, функция.

Авторами статьи выявляются прецедентные тексты, содержащие культурную ценность, в дружеских письмах творческой интеллигенции конца XIX- первой четверти XX века и рассматриваются функциональные разновидности прецедентных текстов, свободное оперирование которыми квалифицируется как характерная особенность носителей элитарной речевой культуры.

N.I. Belunova, A.B. Chernyaeva

CONFIDENT OPERATION OF PRECEDENT TEXTS AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF BEARERS OF THE ELITIST SPEECH CULTURE (BASED ON THE LETTERS OF THE CREATIVE INTELLIGENTSIA OF THE LATE XIX- FIRST QUARTER OF THE XX CENTURY)

Keywords: precedent texts, elitist speech culture, intertext, marked quotations, function.

The authors of the article identify precedent texts containing cultural value in friendly letters of the creative intelligentsia of the late XIX-the first quarter of the XX century and consider functional varieties of precedent texts the confident operation of which is qualified as a characteristic feature of the bearers of elitist speech culture.

Е.Н. Ветошкина, С.Г. Вишленкова

РЕЧЕВОЙ АКТ «ПРОЩАНИЕ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: Речевой акт «Прощание», коммуникация, ритуал прощания, формулы прощания, рукопожатие.

В статье рассматриваются основные способы выражения речевого акта «Прощание» в немецком языке, анализируется ритуал прощания в разных социумах, подчеркивается необходимость исследования речевого акта «Прощание», который выступает в тесной связи с контекстом и ситуацией.

E.N. Vetoshkina, S.G. Vishlenkova

SPEECH ACT "GOODBYE" IN GERMAN LANGUAGE

Keywords and phrases: Speech act "Goodbye", communication, the ritual of farewell, the formula of farewell, a handshake.

The article considers the main ways of expression of the speech act "farewell" in German, analyzes the ritual of farewell in different societies, emphasizes the need to study the speech act "Goodbye", which acts in close connection with the context and situation.

**Л.С. Гаибова, Ф.Х. Тарасова
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ О. ГЕНРИ)**

Ключевые слова: языковая игра, омонимия, способы передачи языковой игры, экспрессивность, стилистические средства.

Статья посвящена исследованию языковой игры на материале художественных произведений О. Генри. Нами создана классификация способов передачи языковой игры, образованной посредством омонимии. Особое внимание уделяется раскрытию экспрессивного потенциала языковой игры и выявлению стилистических средств, с помощью которых она реализуется. Представлена частотность употребления способов передачи языковой игры.

L.S. Gaibova, F.Kh. Tarasova

**FEATURES LANGUAGE GAMES
(BASED ON THE STORIES O. HENRY)**

Keywords: language game, homonymy ways of creating a language game, expressivity, stylistic devices.

This article is devoted to the study of language game in the stories of O. Henry. It was made the classification of ways of creating a language game based on homonymy. A particular attention is paid to revealing the expressivity of the language game and defining the stylistic devices according to which the language game was created. It is represented the frequency of using the ways of creating a language game.

**Д.А. Гезалова, С.И. Гусева, Ю.П. Иванашко, В.В. Сысоенко
СЛОГОВОЙ КОНТРАСТ ПО ДЛИТЕЛЬНОСТИ В
РЕПРОДУЦИРОВАННОЙ РЕЧИ**

Ключевые слова: репродуцированная речь, слоговой контраст, открытый слог модели «согласный+гласный», смычно-взрывные согласные.

В предлагаемой статье речь идет о результатах экспериментального исследования открытого слога модели «согласный + гласный (CV)» в континууме подготовленной репродуцированной речи. На основе применения метода слоговых контрастов изучается слоговой контраст по длительности в слогах русского и китайского языков.

**D.A. Gezalova, S.I. Guseva, Yu.P. Ivanashko, V.V. Sysenko
SYLLABLE CONTRAST IN DURATION IN REPRODUCED
SPEECH**

Keywords: reproduced speech, syllable contrast, open syllable of the "consonant + vowel" model, stop-and-blast consonants.

The article presents the results of the experimental examination of the open syllable (consonant + vowel (CV)) model in the continuum of the prepared reproduced speech. Syllable contrast in duration in the syllables of Russian and Chinese is studied by using the method of syllable contrasts.

Т.В. Горбунова, А.В. Семкова
РОЛЬ ПРОТОТИПИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ВЫРАЖЕНИЯ
ЭМОЦИЙ В ВЕРБАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ЭМОЦИЙ

Ключевые слова: прототипическая ситуация, прототипическая конструкция, категоризация, вербализация.

В статье определяется роль прототипической ситуации выражения эмоций в категоризации семантики эмоций в современном английском языке. Прототипическая ситуация позволяет определить какие языковые средства и грамматические конструкции ожидаются в речи говорящего при вербализации ситуации проявления эмоций.

T.V. Gorbunova, A.V. Semkova
THE ROLE OF PROTOTYPICAL SITUATIONS OF
EMOTIONS EXPRESSION IN EMOTIONS SEMANTICS
VERBALIZATION

Keywords: prototypical situation, prototypical construction categorization, verbalization.

The paper determines the role of prototypical situation of emotions expression in categorization of emotions semantics. The prototypical situation enables to predict the language means and grammatical constructions used by a speaker while verbalizing the situation of emotions expression.

Ю.А. Горностаева
ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ МАРКЕР
МАНИПУЛЯЦИИ: ОПЫТ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ТЕКСТОВ

Ключевые слова: поляризованный политический дискурс, вербальный маркер, манипуляция, компьютерный классификатор.

В статье представлен опыт использования тематической группы лексики «Военная терминология» в качестве вербального маркера манипуляции в поляризованном политическом дискурсе в контексте отношений России и США. Доказано, что данный маркер доступен для параметризации и дальнейшего использования в рамках создания программы автоматического анализа массмедийных политических текстов по уровню их манипулятивности.

Y.A. Gornostaeva
MILITARY TERMINOLOGY AS A VERBAL MARKER OF
MANIPULATION: AUTOMATIC TEXT ANALYSIS

Key words: polarized political discourse, verbal marker, manipulation, computer classifier.

The paper presents an experience of using a topical lexical group "Military terminology" as a marker of manipulation in a polarized political discourse in the context of relationships between Russia and the USA. It was proved that this marker is available for parameterization and its further usage in terms of designing a programme of automatic analysis of mass media political texts according to their degree of manipulateness.

А.Е. Жижина
ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА Д.
ТРАМПА И В.В. ЖИРИНОВСКОГО)

Ключевые слова: политический дискурс, языковая личность, психологический аспект, теория установки.

В данной статье языковая личность политических деятелей рассматривается с точки зрения психолингвистической концепции С.А. Сухих и психологической теории установки Д.Н. Узнадзе; основой уровневого подхода к описанию языковой личности следует считать модель Ю.Н. Караулова. Автором статьи анализируются уровневые составляющие языковой личности Д. Трампа и В.В. Жириновского, приводятся результирующие данные исследования.

A.E. Zhizhina
LANGUAGE PERSONALITY OF A POLITICIAN
(BASED ON THE PRE-ELECTORAL DISCOURSE OF
D. TRUMP AND V.V. ZHIRINOVSKIY)

Keywords: political discourse, language personality, psychological aspect, mindset theory

This paper is devoted to the language personality of political leaders which are analysed from the psychological theory of S.A. Sukhih and the mindset theory of D.N. Uznadze; the basis of the level approach to the language personality should be considered the model, introduced by Y.N. Karaulov. The author of this paper analyses three levels of the language personality of politicians – D. Trump and V.V. Zhirinovskiy; the results of the analysis are stated in the paper.

А.Ф. Ибраева
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ
АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. КОЛЛИНС
«ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»)

Ключевые слова: авторский идиостиль, языковые средства выразительности, лингвостилистический анализ.

В настоящем исследовании представлены результаты анализа авторского идиостиля на материале конкретного произведения «Голодные игры». Выявлено, что произведение современного автора обладает насыщенной стилистической окраской и образностью, благодаря наличию в тексте большого количества стилистических приемов и средств. Язык американской писательницы С. Коллинз отличается разнообразием языкового материала, яркостью выбираемых образов, эмоциональностью и экспрессивностью.

A.F. Ibraeva
THE LINGUISTIC AND STYLISTIC PECULIARITIES OF
THE AUTHOR'S IDIOSTYLE (BASED ON THE NOVEL
'HUNGER GAMES' BY S. COLLINS)

Keywords: idiostyle of the author, language means of expressiveness, lingvostylistic analysis.

This research presents the results of the analysis of the author's idiostyle based on the material of a certain novel 'Hunger Games'. It was noted that the work of a modern author has deep stylistic colouring and imagery, thanks to the presence of a plenty of stylistic means and devices. The language of the American author S. Collins is characterized by diverse language material, brightness of the chosen images, emotiveness and expressiveness.

Н.А. Кирпичникова, Я.В. Попова
СПЕЦИФИКА ЧЕРНОГО ЮМОРА В АСПЕКТЕ
ДЕТАБУИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО
И НЕМЕЦКОГО СТЕНДАПА)

Ключевые слова: черный юмор, табу, детабуирование, стендап, американская лингвокультура, немецкая лингвокультура.

В работе рассматривается специфика черного юмора в контексте нарушения табу. Объектом исследования выступает феномен черного юмора в американской и немецкой лингвокультурах в рамках юмористического жанра стендап, предметом – специфика чёрного юмора в аспекте детабуирования. В работе описываются актуальные

N.A. Kirpichnikova, Y.V. Popova
SPECIFICITY OF THE DARK HUMOUR IN THE TABOO
BREAKING PROCESS (BASED ON AMERICAN AND
GERMAN STAND-UP PERFORMANCES)

Keywords: dark humour, taboo, taboo breaking, stand-up, American linguaculture, German linguaculture.

This paper is devoted to the specificity of the dark humour as an instrument of taboo breaking. The object of this research is a dark humour phenomenon in American and German linguacultures within a stand-up genre. The research subject is the specificity of the dark humour in the detabooization process. In this work, we describe a manifestation of contemporary taboos

социокультурные и языковые проявления табу, а также выявляются особенности деабитуирования в жанре стендап на материале выступлений немецких и американских комиков.

А.В. Колмогорова, М.К. Мжельских
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
КАТЕГОРИИ НОРМЫ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Ключевые слова: норма, оценка, нормативная картина мира, прототипическая картина мира, языковая картина мира.

В работе представлено описание взаимосвязей различных аспектов картины мира, в которых, так или иначе, репрезентирована когнитивно-семантическая категория нормы. Рассматриваются нормативная, ценностная, прототипическая и языковая картины мира.

Т.Ю. Кудрявцева
ДЕЕПРИЧАСТНЫЙ ОБОРОТ В ПОЗИЦИИ ЗАГОЛОВКА:
ПРИНЦИПЫ СТРУКТУРНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Ключевые слова: заглавие, высказывание, деепричастие, деепричастный оборот, структура, классификация.

В статье рассматриваются занимающие позицию заголовка высказывания, в состав которых входит деепричастие. Выделяются признаки, позволяющие создать классификацию заглавий, в наибольшей степени раскрывающую их структурный и семантический потенциал. Дальнейшая работа в этом направлении позволит не только расширить и дополнить существующие типологии заглавий, но и скорректировать представления о коммуникативно-прагматических функциях деепричастия.

Е.В. Куликова
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДОВ НА
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РОМАНА В СТИХАХ «ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН» А.С. ПУШКИНА

Ключевые слова: перевод, переводоведение, роман «Евгений Онегин», стилистические лакуны, сравнительное переводоведение.

В статье проводится сравнительный анализ переводов фрагмента романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык, выполненного в разное время разными переводчиками. Рассматриваются стилистические и культурологические лакуны, встречающиеся в пушкинском тексте и те способы, которые переводчики выбирают для их заполнения.

Л.А. Лазутова, Е.А. Левина
ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО
ЯЗЫКА

Ключевые слова: немецкий молодежный язык, заимствование, спортивная лексика, компьютерная лексика, иноязычное заимствование.

В работе представлены результаты исследования способов пополнения лексического состава немецкого молодежного языка, одним из которых является заимствование. Выявлено, что профессиональные заимствования поступают из сферы спортивной и компьютерной лексики, рекламы, ремесел и так далее. Иноязычные заимствования обусловлены усилением культурного и экономического сотрудничества.

И.В. Матвеева, С.Н. Саможенов
СМЕЩЕНИЕ ЛИЦ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: категория лица, эмитент, реципиент, внутренняя речь, чужая речь.

В статье описывается способ передачи чужой речи с точки зрения ее стилистических функций. Установлено, что, являясь разновидностью косвенной речи, несобственно-прямая речь зависит от ряда показателей: синтаксической позиции личных местоимений, полноты предложения, наличия идиоматических фраз, не подвергающихся транспозиции.

in sociocultural and linguistic aspects. We also define specific features of the taboo breaking process in American and German linguacultures.

A.V. Kolmogorova, M.K. Mzhelskikh
REPRESENTATION OF THE COGNITIVE-SEMANTIC
CATEGORY OF NORM IN THE LANGUAGE WORLD-MAP

Keywords: norm, value, normative world map, prototypical world map, language world map.

The paper presents a description of the interrelationships of various aspects of the world map, in which, one way or another, the cognitive-semantic category of the norm is represented. Normative, value, prototypical and language world maps are examined.

T.Yu. Kudryavtseva
ADVERBAL PARTICIPLE STRUCTURE AS THE TITLE:
PRINCIPLES OF STRUCTURAL CLASSIFICATION

Keywords: title, utterance, adverbial participle, adverbial participle structure, structure, classification.

The article deals with title utterances included the adverbial participle. The author identifies features that make possible to create a classification of titles is describing their structural and semantic potential. Further work in this direction will allow to expand and complement the existing typology of titles and to adjust the understanding of the communicative and pragmatic functions of the participle.

E.V. Kulikova
A CASE OF COMPARATIVE STUDY OF TRANSLATIONS
INTO ENGLISH OF THE NOVEL IN VERSE «EUGENE
ONEGIN»

Keywords: Translation, translation studies, the novel «Eugene Onegin», stylistic lacunae, comparative translation studies.

The article provides a comparative analysis of the fragment of the novel by A. S. Pushkin «Eugene Onegin» translations from Russian into English, made at different times by different translators. The article considers stylistic and cultural lacunae found in the Pushkin text and the ways that translators choose to fill them.

L.A. Lazutova, E.A. Levina
BORROWING AS A WAY OF REPLENISHMENT OF
LEXICAL STRUCTURE GERMAN YOUTH LANGUAGE

Keywords: German youth language, borrowing, sports vocabulary, computer vocabulary, foreign language borrowing.

This paper presents the results of the study of ways to replenish the lexical composition of the German youth language, one of which is borrowing. Revealed that professional borrowing come from the spheres of sports and computer science, advertising, crafts and so on. Foreign borrowings due to the strengthening of cultural and economic cooperation.

I. Matveyeva, S. Samozhenov
THE SHIFT OF PERSONS IN THE FREE INDIRECT
DISCOURSE OF MODERN GERMAN LANGUAGE

Keywords: the category of person, emitent, recipient, shift in the category of person, inner speech, foreign speech

The article describes the way of transferring of the free indirect speech from the point of view of its stylistic functions. It is established that, as an indirect speech, internal speech depends on several indicators: the syntactic position of personal pronouns, the completeness of the sentence, the presence of idiomatic phrases that are not transposed.

А.А. Миникеева, А.Г. Садыкова
**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ЭКСПРЕССИВНОГО
 СИНТАКСИСА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В
 ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ (НА АНГЛОЯЗЫЧНОМ
 МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ Х. КЛИНТОН И Д. ТРАМПА)**

Ключевые слова: лингвистика; синтаксис; экспрессивность; предвыборный дискурс; политик; кандидат; выборы.

Данная статья рассматривает основные особенности предвыборного дискурса, проявляющиеся на синтаксическом уровне в текстах Д. Трампа и Х. Клинтон во время предвыборных дебатов 2016 года. Предвыборный дискурс является актуальным направлением современной лингвистики. Увеличение политической активности со стороны политиков обусловлено тем, что во время избирательной кампании максимально заинтересованы в побуждении избирателей, что увеличивает использование различных языковых средств. В фокусе внимания находятся средства экспрессивности в текстах политиков за период первых, вторых и третьих президентских дебатов, в которых анализируются следующие средства экспрессивного синтаксиса: эллиптические предложения, позиционно-лексический повтор и парцелляция. В результате сравнительного анализа функционирования средств в текстах обоих политиков, были отмечены количественные соотношения для выявления их функционально-прагматического потенциала. Структурный анализ показал, какие средства экспрессивного синтаксиса в текстах обоих политиков являются наиболее частотными в употреблении. В выводах демонстрируются результаты сопоставительного анализа средств экспрессивного синтаксиса.

Г.Н. Мухамедьянова, Э.Н. Абуталипова
**СЛОВО КАК ПРИЕМ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В
 СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Ключевые слова: сила слова, манипуляция, средства манипуляции, внушение, воздействие, эффект, государство, власть, нравственность, этика, эвфемизмы, эвфемия, мелиоративное словоупотребление, мелиорация.

Материал статьи посвящен проблеме манипулирования личностью в средствах массовой информации. Рассматривается феномен внушения и манипуляции, возможности слова в качестве средства скрытого воздействия на аудиторию. Особое внимание уделяется эвфемии как одному из тактических приемов манипулирования сознанием людей в средствах массовой информации.

П.Ю. Петруевич
**АНАЛИЗ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ
 СООТВЕТСТВИЙ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО,
 НЕМЕЦКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ КАК ОСНОВА
 ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Ключевые слова: контрастивный анализ, иноязычное образования, межъязыковые соответствия, интернациональные слова, безэквивалентная лексика, межъязыковые омонимы.

В данной статье рассматриваются возможности контрастивного анализа с точки зрения его применения в методике преподавания нескольких иностранных языков школьника. Рассматриваются следующие межъязыковые соответствия: векторные соответствия, интернациональная лексика, межъязыковые омонимы, безэквивалентная лексика и приводятся примеры данных явлений посредством сопоставления русского, английского, немецкого и испанского языков. Определяются возможности применения контрастивного анализа с целью минимизации межъязыковой интерференции и создания условий для осуществления положительного переноса.

A.A. Minikeeva, A.G. Sadykova
**FUNCTIONAL-STYLISTIC ANALYSIS OF TEXTS OF PRE-
 ELECTION CAMPAIGN DISCOURSE (BY THE EXAMPLE
 OF H. CLINTON'S AND D. TRUMP'S TEXTS)**

Keywords: linguistics; syntax; expressivity; pre-election discourse; politician; candidate; election campaign; election.

The paper examines expressive means in D. Trump's and H. Clinton's pre-elections discourse, which is considered in syntactic level, the field of the pre-election campaign 2016. Pre-election discourse is a topical direction of modern linguistics as in the period of holding of election campaigns the activity of political figures who use multiple linguistic means aimed at making electors' to come to a necessary decision increases considerably. The analysis is conducted on official websites of both politicians, opened for the elections held in 2016 in the USA. It focuses on the expressive means in the texts of politicians in the first, second and third debates. The structural analysis shows the most wide-spread expressive means functioned in the texts of both politicians. A content analysis is viewed expressive means (ellipse, reduplication, parceling) of the pre-elections discourse to compare the quantity of expressive means used in both politicians' discourse. The research gives a description and analysis of the expressive means in pre-election discourse.

G.N. Mukhamedjanova, E.N. Abutalipova
**THE WORD AS A TECHNIQUE OF MANIPULATION IN
 THE MASS MEDIA**

Keywords: power of words, manipulation, means of manipulating, suggestion, impact, effect, state, state power, ethnics, euphemisms, meliorative words, melioration.

The article is devoted to the problem of manipulation as a way of target influence on the people in mass media. The author discusses the phenomenon of suggestion and manipulation, the possibility of words as a means of covert influence on the audience. Special attention is paid to euphemisms as a manipulating technique in the media.

P.Y. Petrushevich
**COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL INTERLINGUAL
 CORRESPONDENCES OF RUSSIAN, ENGLISH, GERMAN
 AND SPANISH LANGUAGES AS BASIS OF TEACHING
 SEVERAL FOREIGN LANGUAGES**

Keywords: comparative analysis, foreign language education, interlingual international words, interlingual homonyms, non-equivalent words.

This articles discusses an idea of applying comparative analysis in methodology of teaching several foreign languages. The following interlingual correspondences are presented: vector correspondences, international words, interlingual homonyms and non-equivalent words. Russian, English, German and Spanish lexical units are compared. The author comes to the conclusion that comparative analyses can be used in order to minimize influence of interlingual interference and maximize positive transference.

Мехти Рагимов
РОЛЬ ИНТЕРКУЛЬТУРЫ И ЗАИМСТВОВАНИЙ В
РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

Ключевые слова: интеркультура, язык реципиента, лингвокультура.

В статье понятие «интеркультура» понимается как особый тип культуры, которая сформировалась в результате взаимодействия различных национальных культур. Заимствование является и процессом трансляции иноязычного элемента, и самим элементом, введенным в пространство лингвокультуры-реципиента в результате разного рода взаимодействия языков и культур. На современном этапе развития языка концептуальные заимствования сыграли особую роль в лингвокультурно-когнитивном пространстве.

А.Г. Садыкова, Д.М. Сиразетдинова
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В
СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Ключевые слова: фразовый глагол, постпозитив, идиоматичность, семантика, морфология.

Фразовые глаголы отличаются высокой продуктивностью и занимают видное место в лексико-фразеологическом фонде современного английского языка. В данной работе рассматриваются семантические, морфологические, а также грамматические особенности сочетаний глагола и постпозитива. Помимо выявленных особенностей, нам удалось установить, что фразовые глаголы, благодаря структурной экономии, семантической сжатости и в то же время информативности, выполняют необходимую функцию в дискурсе. К тому же, обретая все новые значения и утрачивая старые, фразовые глаголы увеличивают диапазон своего применения.

О.В. Шемшуренко
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
КОНЦЕПТА ŞEHİR (ГОРОД) В ИНДИВИДУАЛЬНО-
АВТОРСКОМ СТИЛЕ ОРХАНА ПАМУКА

Ключевые слова: художественный концепт, индивидуально-авторский стиль, когнитивная лингвистика, Орхан Памук.

В статье приводятся результаты исследования структуры художественного концепта «Şehir» («Город»), репрезентированного в романах современного турецкого писателя Орхана Памука. Результаты ассоциативного исследования позволили выделить особенности реализации концепта в индивидуально-авторском тексте. В результате исследования выявлены прямые и косвенные номинации концепта.

Н.А. Янькова
КОНЦЕПТ STRANGER В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ: ВОЗРАСТНАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ

Ключевые слова: возрастная объективация, концепт, вариативность, внутренний мир человека.

В статье рассматриваются особенности возрастной объективации концепта Stranger в английской языковой картине мира. Выявляются характеристики исследуемой концептуальной сущности с точки зрения её восприятия и актуализации разными возрастными группами. Вариативность прослеживается на всех уровнях актуализации и проявляется в выборе языковой личностью языковых номинаций и дискурсивных стратегий для осуществления речевого взаимодействия.

Mekhdi Rakhimov
INTERCULTURE AND BORROWINGS IN THE
DEVELOPMENT OF LANGUAGE

Keywords: interculture, the language of the recipient, linguoculturology.

Borrowing is also a process of translation of a foreign language element, and the element itself introduced into the space of the linguoculture-recipient as a result of different kinds of interaction of languages and cultures. In the article the concept of interculture is characterized as a special type of culture. Interculture was formed as a result of the interaction of various national cultures. In this case, conceptual borrowings played a special role in linguocultural-cognitive space.

D.M. Sirazetdinova
SPECIAL FEATURES OF PHRASAL VERBS USAGE IN
MODERN ENGLISH PRESS

Keywords: phrasal verb, post-positive, idiomaticity, semantics, morphology.

Phrasal verbs are highly productive and have a prominent place in lexical and phraseological fund of modern English. We investigated semantical, morphological and grammatical features of the combinations of the verb and the postpositive. It is also established that phrasal verbs, due to structural economy and semantic compactness, perform a necessary function in the discourse. In addition, gaining new meanings and losing the old ones, phrasal verbs increase the range of their application.

O.V. Shemshurenko
FEATURES OF IMPLEMENTATION OF THE LITERARY
CONCEPT «ŞEHİR» (CITY) IN THE INDIVIDUAL
AUTHOR'S STYLE OF ORHAN PAMUK

Keywords: literary concept, individual author's style, cognitive linguistics, Orhan Pamuk.

The paper deals with the results of the structural analysis of the literary concept «Şehir» (city) represented in the works of Orhan Pamuk, a modern Turkish novelist. The results of the associative research allowed us to point out the main features of the implementation of the literary concept in the individual author's style. Various means of verbalization of the concept are described.

N.A. Yankova
CONCEPT STRANGER IN THE MODERN ENGLISH
LANGUAGE: AGE OBJECTIVATION

Keywords: age objectivation, concept, variation, human inner world.

The article views the peculiarities of the concept Stranger age objectivation in the English language. It reveals the basic characteristics of the concept form the objective of its perception and actualization by different age groups. It results in the choice of specific vocabulary, units of nomination and discursive strategies for communication purposes.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Казанская наука» и ООО «Казанский Издательский Дом» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№5 2018

www.kazanscience.ru

Лицензия ПИ № ФС77-59615

Подписано в печать 31.05.2018

Формат 60 x 84 1/8. Печать цифровая.

8,0 усл.печ.л. 9,2 уч.изд.л. Тираж 900 экз. Заказ 2112.

Учредитель: ООО «Казанская наука»:

420021, г. Казань, ул. З.Султана, д.17а.

Адрес издательства, типографии – ООО «Казанский Издательский Дом»:

420102, г. Казань, ул.2-ая Юго-Западная, 3

Цена - договорная

© Казанский Издательский Дом

тел.(843) 290-60-15

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Казанский Издательский Дом»